

**MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCES
OF RUSSIAN FEDERATION
THE FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
Vladivostok State University of Economy and Services**

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса**

O.I. SHESTAK

О.И. ШЕСТАК

**THE SOVIET SOCIAL POLICY
AND ITS REALIZATION ON THE FAR EAST
(1922 - 1941)**

**СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(1922 – 1941 гг.)**

**Vladivostok
2004**

**Владивосток
2004**

О.И. Шестак. Советская социальная политика и её реализация на Дальнем Востоке (1922 – 1941 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2004. – 184 с.

Настоящая монография возвращает читателя к истокам формирования советский государственности и нового социалистического социума, охватывая период 1922 – 1941 гг. В центре внимания – формирование советской модели социальных отношений в СССР и на Дальнем Востоке (ранжированной социальной иерархии, советской распределительной системы, политической и социальной идеологии, тоталитарной системы регулирования социальных отношений).

Советская социальная политика показана через призму интересов различных социальных групп населения советского общества, государственных политических интересов и интересов отдельных личностей. Опираясь на теорию функционализма, автор рассматривает процессы коллективизации и индустриализации на Дальнем Востоке, выявляет региональные особенности этих процессов в сравнении с центральными российскими регионами. Исследование основывается на ранее неизвестных архивных материалах, включая недоступные прежде партийные документы и отчеты, статистические сводки.

Работа написана ярким образным языком и рассчитана на специалистов – историков и социологов, аспирантов и студентов гуманитарных вузов, а также, будет интересна любому, кому не безразлична история Отечества.

O.I. Shestak. The Soviet social policy and its realization on the Far East (1922 - 1941). Vladivostok: Dalnauka, 2004. 184 p.

The monograph returns the reader to sources of formation Soviet state and new socialistic society, covering the period 1922 - 1941. At the centre of attention - formation of the Soviet model of the social attitudes in USSR and on Far East.

The Soviet social policy is shown through interests of various social groups of the population of the Soviet society, state political interests and interests of the individual persons. The monograph deals with the processes collectivization and industrialization on Far East, the regional features of these processes in comparison with the central Russian regions are shown.

The book is intended for scholars, post-graduate students, and wide circles of readers who take interest in the history of the Russian Far East.

Рецензенты: доктор ист. наук, профессор Е.В. Петров (СПбГУ, Санкт-Петербург)
канд. ист. наук, ст.н.с. Л.А. Слабнина (ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток)

Утверждено к печати Ученым советом Владивостокского государственного университета экономики и сервиса

© Шестак О.И., 2004

XX век в современной интерпретации многим из нас представляется эпохой войн и политических потрясений, ложных и необдуманных решений, опасных заблуждений и опрометчивых ошибок. В тоже время это был век невиданного ранее по масштабам, никем не ожидаемого и не предполагавшегося научного и технического прогресса и глубоких, необратимых социальных перемен.

Вглядываясь в это не такое уж отдаленное от нас прошлое, мы не можем не обратить внимание на феномен советского социализма, занимающего огромное место в политической истории данного периода. В течение последнего десятилетия ученые безрезультатно спорили о достоинствах и недостатках различных моделей объяснения функционирования советского общества как целостного социального организма. Споры еще продолжаются и конца им пока не видно, но наше понимание советского общества заметно улучшается, становясь все более объективным.

Наибольший интерес для современных исследователей представляет история советского общества 1920-х – 1930-х гг., поскольку в эти годы разворачивались процессы, которые легли в основу всей последующей цепи исторических событий.

В отечественной исторической науке период 20-х – 30-х гг. XX в. оценивается как переломная эпоха. Отказ от НЭПа и переход к командно-административной системе, осуществление индустриализации и коллективизации вызвали серьезные подвижки в социальной и политической структурах. Партийно-государственная политика в отношении разных социальных групп и ее результаты имеют определяющее значение для понимания истории этого периода. Ибо как писал П. Сорокин: «... в любой момент истории мы находим солидаризирование и антогонизацию не по одному фронту, а одновременно по многим фронтам. На историческом поле битвы редко борются только класс с классом или богачи с бедняками. Борьба идет между слоями одной группировки друг с другом и между слоями разнородных группировок».¹ Переходным этапам в развитии экономики в 1920-е – 1930-е гг. соответствовали промежуточные фазы социально-трудовых отношений, когда субъекты только начинали осознавать себя по-новому, осваивать новые правовые нормы и правила поведения, новые социальные роли и соответствующие им ролевые функции. Именно такие эпохи и представляют для исторического исследования особый интерес, поскольку для них характерна высокая социальная мобильность.

Действительно ли 1920-е-1930-е гг. сыграли такую значительную роль в истории России и дальневосточного общества? Как проходило формирование советской модели социальных отношений в СССР и какое место в этом процессе занимал Дальний Восток? Каковы были социальные аспекты

¹ Сорокин П.А. Система социологии. – М., 1993. Т. 2. – С. 294-295.

процессов коллективизации и индустриализации на Дальнем Востоке, и в чем заключались их региональные особенности в сравнении с другими российскими территориями? В каком социальном ракурсе развивалось советское общество, чьи интересы отражала советская социальная политика и какова была её роль в процессе включения Дальнего Востока в советского социального пространство и в формировании советской социальной системы, в целом? Этим и ряду других вопросов посвящена данная книга. Все они непросты и дискуссионны, и немало выводов, ставших итогом научных размышлений автора, расходится как с прежними догматическими представлениями, так и с новыми оценками, получившими в последние годы распространение в отечественной исторической науке. Но в социальных науках, где все связано с теми или иными общественными интересами, нередко самое важное – не однозначный результат, а путь поиска истины.

Следует отметить, что понятие «социальная политика», как совокупность конкретных мероприятий направленных на обеспечение жизнедеятельности социального сообщества, вошло в отечественную обществоведческую терминологию сравнительно недавно – в середине 1950-х гг. В 20-е – 30-е гг. XX в. этого понятия не существовало. Тогда имело место осуществление отдельных мероприятий, направленных на обеспечение социального развития общества в области трудовых отношений, здравоохранения, образования, социального и пенсионного обеспечения, формирования социальной структуры и т.д., что впоследствии, для модификации политического понятийного аппарата, и было определено как «социальная политика». В нашей книге мы сочли целесообразным и научно обоснованным использование термина «социальная политика» применительно к эпохе 1920-х – 1930-х гг., поскольку современное понимание социальной политики совпадает с содержательной практикой исследуемого периода.

Обращение к советской социальной политике поставило перед автором задачу определения самого понятия «социальная политика».

Следует отметить, что в гуманитарной науке существует значительное количество понятий социальной политики. В 1987–1988 гг. были опубликованы работы К.И. Микульского, В. Роговина, С.С. Шаталина, Г.С. Саркисяна,¹ в которых рассматривалось содержание социальной политики КПСС в 1970-80-е годы и ее взаимодействие с экономикой. Авторы не давали точного понятия социальной политики, но оговаривали, что в социальную политику включается идеологическое и организационно-политическое обеспечение курса на повышение народного благосостояния, совершенствование социальных и национальных отношений. Известный отечественный историк и социолог Т.И. Заславская, занимавшаяся пробле-

мами дифференциации доходов населения России, дала в начале 1990-х гг. следующую характеристику этого понятия: «Социальная политика в узком смысле – это система государственных мер по поддержанию тех общественных групп и слоев, которые в силу тех или иных причин оказываются в более трудном положении, чем другие, страдают от специфических обстоятельств и не могут своими силами улучшить собственное положение».¹ Она выделила в социально-демографическом плане пенсионеров, студентов, жителей малых сел или особо удаленных районов. В широком смысле, Т. Заславская понимала под социальной политикой общественную практику, направленную на модификацию общественных структур и институтов в сторону усовершенствования социальных отношений.² Таким образом, в центре понятия находились целевые установки. Однако в социологической литературе существовал и другой подход. Ф.М. Бородкин дал следующее определение социальной политики: «Социальная политика – способы и направления деятельности определенных общественных групп (субъектов социальной политики) с целью установления, воспроизводства и изменения системы социальных неравенств в обществе для максимальной возможности удовлетворения потребностей и интересов этих групп с помощью разнообразных средств, среди которых главным, или по меньшей мере необходимым, является власть».³ Подход Ф.М. Бородкина оказался более научным и корректным и давал общеметодологические ориентиры изучения исторических фактов, т.е. в каком направлении должна двигаться мысль историка, в отличие от подхода Т. Заславской, где уже на первом этапе анализа фактического материала заранее предопределялись те группы, в интересах которых проводится социальная политика. Оценка интересов и действий социальных групп через категорию власти впервые была сформулирована еще в теории М. Вебера в конце XIX в., и для западных исследователей является традиционной, однако для отечественной исторической науки начала 1990-х гг. это был совершенно новый подход.

В целом, понятие социальной политики можно сгруппировать по отраслям наук, в рамках которых работали авторы: социологи понимали под социальной политикой – политику государства в области трудовых отношений, социальной защиты населения, перераспределения доходов;⁴ юристы – политику в области здравоохранения, науки, образования, развития культуры, социального обеспечения и страхования, относя политику в об-

¹ Социальные ориентиры обновления: общество и человек. - М., 1990. - С. 13.

² Там же.

³ Бородкин Ф.М. Социальная политика: власть и перестройка //Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. - М., 1989. - С. 241-262.

⁴ Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. - М., 1994; Т. Заславская. Социальная стратификация и дифференциация доходов в России //Взаимосвязь социальной работы и социальной политики. - М., 1997. - С. 76-93; Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. - М., 1998; Е. Гонтмахер. Социальная политика в России: эволюция 90-х и новый старт //Pro et Contra. - Том 6. - №3: Человек в социальном государстве. - М., 2001. - С. 7-23 и др.

¹ Микульский К.И., Роговин В.З., Шаталин С.С. Социальная политика КПСС. - М., 1987; Микульский К.И. Взаимодействие экономической и социальной политики. - М., 1987; Саркисян Г.С. XXVII съезд КПСС и пути повышения народного благосостояния //История СССР. - 1987. - № 2. - С. 56-69.

ласти перераспределения доходов, в области трудовых отношений и в сфере занятости к чисто экономической деятельности;¹ экономисты не выделяли социальную политику в отдельное направление, говоря в целом об экономической деятельности государства.²

Не являясь новатором в этой области, автор считал обоснованным использование подхода Ф.М. Бородкина к определению понятия «социальная политика» через категорию власти и групповых интересов, и в рамках исследования это определение было использовано в качестве методологического ориентира.

Пытаясь взглянуть на советскую социальную политику как историческое явление и применяя сначала исключительно методы собственно исторической науки, автор пришел к выводу, что такой узконаучный подход к обозначенной проблематике не вполне адекватен. Только широкий исторический фон с использованием сочетания цивилизационного, стадийного и иных подходов позволяют раскрыть вопросы, которые иначе остались бы без ответа. Однако в таком случае речь должна идти о сочетании конкретно-исторического, историко-социологического и, в какой-то мере, даже историософского исследования. Реализацией такого подхода и стала эта книга, в которой история социальной политики на Дальнем Востоке представлена как часть общероссийской истории, тесно связанная с преобразованием страны в целом.

Источниковой основой исследования выступили опубликованные и неопубликованные материалы и документы, хранящиеся в фондах федеральных архивов России: Москвы, Хабаровска, Владивостока. При работе с источниками автор руководствовался необходимостью выявить как можно больший их круг, критически осмыслить достоверность, объективность, сравнить выводы, вытекающие из новых документов, с результатами, полученными предшественниками на базе ранее использованных документальных материалов. В работе также введена значительная часть не публиковавшегося ранее фактического материала и принципиально новые сюжеты, отражающие многие грани советского социального процесса 20-х – 30-х гг. XX в.; использованы недоступные ранее для исследователей документы, регламентирующие уровень жизни и материальное благосостояние советских государственных и партийных руководителей всех рангов.

Опыт решения обострившихся в 1990-е годы социальных проблем доказал необходимость изучения социальных отношений и их слагаемых в период становления и развития советского государства, поскольку проблемы углубления социальной поляризации в ходе реформ в России могут быть изучены и проанализированы только с учетом исторических предпо-

сылок. В последнее время значительно возросла общественная потребность в научных историко-социальных знаниях. Вынужденный поиск путей решения социальных проблем активизирует всестороннее исследование исторического опыта социальной политики государства, выдвигает его в ряд насущных и актуальных научно-практических задач. Изучение социальной политики является одним из источников воссоздания объективной истории 1920-х – 1930-х гг., осмысления этого сложнейшего периода нашего прошлого.

¹ Черняковский К.И. Социальное право. - М., 1996; Буянова М.О., Кондратьева З.А., Кобзева С.И. Право социального обеспечения. - М., 1997 и др.

² Ханин Г. Динамика экономического развития СССР. - Новосибирск, 1991; Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. - М., 1997 и др.

Глава 1. Проведение социальной политики на Дальнем Востоке в 1920-е годы

§ 1. Социально-экономическая и политическая ситуация на Дальнем Востоке в 1922 – 1923 гг.

14 ноября 1922 г. на втором заседании Народного собрания ДВР членом Дальбюро ЦК РКП(б) Н.М. Матвеевым был зачитан «Акт правительства ДВР о сложении власти»¹. 16 ноября 1922 г. Президиум ВЦИК постановил объявить «Дальневосточную республику, в прежнее ее пределах, включая оккупированную иностранными войсками зону, нераздельной частью РСФСР»². На Дальнем Востоке завершился длительный период гражданской войны и иностранной интервенции, и территория бывшей Дальневосточной республики вошла в состав РСФСР как Дальневосточная область (ДВО) с центром в Чите.

К моменту присоединения Дальнего Востока в РСФСР полностью сложилась система государственного политического управления, страна прошла трудный путь утверждения советской власти. Следует отметить и то, что 1922 г. был вторым годом НЭПа в советской России. Новая экономическая политика, с самого начала ее реализации, выступала как явление сложное и противоречивое, имевшая как сторонников так и противников и среди населения страны и внутри правящей партии. Присоединение в этот период к РСФСР территории, длительное время развивавшейся самостоятельно, требовало создания особого органа власти, способного провести советизацию региона с наименьшими издержками. Таким органом власти стал утвержденный 16 ноября 1922 г. Президиумом ВЦИК Дальневосточный революционный комитет (Дальревком), наделенный особыми внеконституционными полномочиями и непосредственно подчиненный ВЦИК и СНК РСФСР.

Социально-политическая и экономическая обстановка на Дальнем Востоке в конце 1922 г. была очень сложной, что являлось серьезным препятствием на пути советизации региона и было обусловлено как предыдущим длительным социально-экономическим развитием, так и событиями периода гражданской войны и существованием ДВР.

Дальневосточная область была образована на основании директивы ЦК РКП(б) от 17 ноября в составе губерний:³ Прибайкальской, Забайкаль-

ской, Приамурской, Амурской, Приморской (с северной частью острова Сахалин) и Камчатской. Неравномерность распределения населения по губерниям, неравномерность экономического развития губерний и их размеров, необходимость поиска путей быстрого включения региона в советское социально-политическое пространство вызвало в течение 1923 г. несколько переделов территорий. Постановлением Дальревкома от 14 августа 1923 г. Приамурская губерния, имеющая незначительное число входящих в неё уездов с малым населением и слабыми хозяйственными возможностями, была ликвидирована, и уезды, составлявшие ее, вошли в состав Приморской губернии. В октябре 1923 г. была упразднена Прибайкальская губерния, большей частью вошедшая в состав автономной Бурятско-Монгольской Социалистической Советской республики, а частью в состав Забайкальской губернии. Таким образом, к концу 1923 г. в составе ДВО осталось 4 губернии: Забайкальская, Амурская, Приморская и Камчатская. Эти передвижки крайне усложнили возможность для исследователя дать характеристику социально-экономического состояния региона в начале 1923 г., поскольку перепись 1923 г. дает данные по региону с учетом территориального деления на конец года.

Как было отмечено выше, население Дальневосточной области распределялось крайне неравномерно на огромных территориях (Таблица 1).

Таблица 1
Численность, состав и плотность населения по губерниям ДВО
(По переписи 1923 г.)

Губернии	Территория (в кв. км)	Население (чел.)			Плотность населения на 1 кв. км
		городское	сельское	всего	
Забайкаль- ская	296.432	115.784	430.380	546.164	1,8
Амурская	401.007	98.724	293.492	392.216	0,9
Приморская	592.449	207.298	427.043	634.341	1,1
Камчатская	1.309.187	1.193	34.966	36.159	0,03
Северный Сахалин	37.388	1.154	7.679	8.833	0,24
Всего	2.636.463	424.153	1.193.560	1.617.713	0,7

Примечание: Таблица составлена на основе источников: ГАХК. Ф. Р-931. Оп.1. Д.4. Л. 12-28; Районирование Дальневосточного края. Доклад Дальревкома Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету (Материалы по административно-хозяйственному районированию ДВ Края). Книга III. – Хабаровск, 1925. – С. 8.

Ровно половину всей области составляла Камчатская губерния – 49,8%, Приморская губерния немного меньше четверти – 22,4%, Забай-

¹ История Дальнего Востока СССР. Кн. 7. Советский Дальний Восток в периоды восстановления и реконструкции народного хозяйства, победы социализма в СССР (ноябрь 1922 – 1937 г.) /Сост. А.В. Большух и др.; Под ред. А.И. Крушанова. – Владивосток, 1977. – С. 17.

² Дальревком. Первый этап мирного строительства на Дальнем Востоке 1922 – 1926 гг. Сборник документов /Под ред. Н.И. Рябова. – Хабаровск, 1957. – С. 43.

³ Три года советского строительства в Дальневосточном крае. К первому дальневосточному краевому съезду советов рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов. Отчет Дальревкома за 1922 – 25 год /Под ред. М.П. Копытина, П.Е. Терлецкого. – Хабаровск, 1926. – С. 22-23.

кальская – 11,2% и Амурская – 15,2%. Сельское население ДВО являлось преобладающим и составляло 72,8%, городское население составляло 27,2%¹. Однако, по сравнению с другими регионами России, процент городского населения на Дальнем Востоке был более высоким². Так, по данным переписей 1923 г., городское население Приморской губернии в отношении к сельскому определялось почти в 50%, соотношение населения по Забайкальской и Амурской губерниям колебалось между 1/3 и 1/4.³

Социальное состояние сельского населения Дальнего Востока к началу 1923 г. было весьма разнообразно, что объяснялось разновременностью водворения в регионе населения и различным укладом хозяйств отдельных его групп. Одним из критериев разделения сельскохозяйственного населения на группы выступала величина земельных наделов⁴. Помимо количественной характеристики наделов большую роль играло качество земель. Старожильческие и бывшие казацкие наделы отводились из лучших земель, а новосельческие – из оставшихся по окраинам заселенных ими пространств, поэтому в последние вошел большой процент малоудобных или «условно удобных» земель, таких как горные склоны с глинистой почвой и заболоченные равнины. Типы землепользования были различны. В Приморской губернии преобладало индивидуальное землепользование; в Забайкальской и Приамурской (на начало 1923 г.) землепользование во многом оставалось общинным, что было связано с природными условиями первоначальной обработки почв (корчевка, заболоченность, которая требует распашки большими массивами и т.д.), которые были настолько трудными, что с ними можно было бороться только путем постепенного освоения⁵. В Забайкальской и Приморской губерниях было развито арендное землепользование.

Особенностью дальневосточной деревни было также наличие корейских хозяйств, в большинстве своем беспосевных и малопосевных. Эти хозяйства арендовали землю у крестьян старожилов и, зачастую, аренда носила кабальный и скрытый характер. Так, например, в селе Романовка

Шкотовского района Приморской губернии находилось 43 двора корейцев, и все село сдавало им землю на кабальных условиях – за 50% урожая, и за счет этого крестьяне обогащались¹.

Согласно статистическим данным, распределение крестьянских хозяйств по ДВО в августе 1923 г. выглядело следующим образом:

Таблица 2
Дифференциация сельскохозяйственного населения Дальнего Востока по количеству земельных наделов (по территориальному делению на начало 1923 г.)²

Группы населения	Хозяйств по губерниям					Итого
	Приморская	Приамурская	Амурская	Забайкальская	Прибайкальская	
Старожилы 100-десятники	15798	2485	10446	14931	17864	61524
Бывшие казаки (30+10 дес.)	2939	4316	12580	9619	3156	32610
Новоселы (15 дес. на душу)	9370	9001	13380	11457	8258	51466
Арендаторы наделных земель	9241	193	3323	10145	4159	27061
Итого хозяйств	37348	15995	39729	46152	33437	172661

Примечание: Таблица подсчитана и составлена на основе источника: Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию Дальнего Востока (по данным совещания секретарей Губкомов и председателей Губисполкомов 3-го августа 1923 года). – Чита, 1923. – С. 13, 95-97, 124, 130-131, 161-165, 192-193.

Таким образом, исходя из анализа количественного состояния земельных наделов в ДВО, преобладающими являлись крупные крестьянские хозяйства старожилов и бывших казаков. Малоземельные хозяйства были незначительны и составляли около 26% от общего количества крестьянских хозяйств и около 17% составляли арендные хозяйства.

Следует обратить особое внимание на расхождение данных по количеству хозяйств в области в 1923 г. в исторических источниках. Это связано как с различием в районировании ДВО на начало и конец 1923 г., так и с разнохарактерностью источников и отсутствием в этот период налаженно-

¹ Районирование Дальневосточного края. Доклад Дальревкома Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету (Материалы по административно-хозяйственному районированию ДВ Края). Книга III. - Хабаровск, 1925. – С. 8.

² Население России в XX веке: исторические очерки. Т.1. 1900 – 1939 /Под ред. акад. РАН Ю.А. Полякова. – М., 2000. – С. 107-129.

³ Районирование Дальневосточного края... - С. 8.

⁴ Крестьяне, прибывшие на Дальний Восток до 1901 г. (старожилы), получали земельные наделы из расчета 100 десятин на семью, казаки – по 30 дес. на наличную мужскую душу и плюс 10 дес. в станичный запас, переселенцы (новоселы), после 1901 г. – от 10 до 15 дес. на мужскую душу, и особую группу составляло корейское и местное коренное население, земельные наделы которого определялись в 15 дес. на двор (Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию Дальнего Востока (по данным совещания секретарей Губкомов и председателей Губисполкомов 3-го августа 1923 года). – Чита, 1923. – С. 12-13.)

⁵ Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию Дальнего Востока (по данным совещания секретарей Губкомов и председателей Губисполкомов 3-го августа 1923 года). - С. 96.

¹ Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Третья волна иммиграции: «корейский вопрос» в приморской деревне в 20-е – 30-е годы XX в. //Россия и АТР. – 1996. - №2. – С. 84.

² Без учета Камчатской губернии (ввиду того, что среди населения губернии в основном преобладало промышленное хозяйство) и приписных корейцев.

го статистического учета крестьянских хозяйств. Данные, приведенные в таблице 2 отражают состояние сельского хозяйства на начало 1923 г. и представлены в партийных документах по подсчетам Губисполкомов. В то время как результаты сельскохозяйственной переписи 1923 г. дают другие цифры: общее количество хозяйств области определяется в 216124, из них в Забайкальской губернии – 81634 хозяйства, в Амурской – 52615 и в Приморской – 81675¹. Это несоответствие в количественных показателях обусловлено, во-первых, территориальным изменением губерний и, во-вторых, дроблением крупных крестьянских хозяйств к концу 1923 г.

Основным идеологическим подходом к реализации советской социальной политики в исследуемый период был определен классовый подход², а потому, социальное деление сельскохозяйственного населения по критерию величины земельных наделов является не вполне адекватным. Однако, выделение социальных групп дальневосточного крестьянства по классовым признакам на рубеже 1922 – 1923 гг. было крайне затруднительно ввиду расплывчатости критериев самих «классовых признаков». В условиях Дальнего Востока в одном крестьянском хозяйстве совмещались все классовые черты: крестьянин являлся и предпринимателем, поскольку при больших земельных наделах имелось использование наемного труда, и самостоятельным производителем (земледелец, плотник, кузнец без наемных рабочих), и, наконец, зачастую, члены крестьянской семьи могли уходить на промыслы или наниматься на фабрики и мастерские в городе. Между тем, в 1920-е годы относить к тому или иному классу было принято именно хозяйство, совмещающее в лице членов его семьи самые противоречивые функции. К тому же, понятие о богатстве и бедности всегда связано с понятием о среднем уровне благосостояния. В 1920-е годы не существовало четкого критерия определения среднего уровня благосостояния: как и для какого района определять средний уровень – для всей РСФСР, для области, небольшого села; для какого времени – нормального (мирного устоявшегося развития) или периода экономической разрухи постгражданской войны.

В карточках сельскохозяйственной переписи 1923 г. был использован признак «зажиточности» (внешний признак: по количеству членов семьи, размеру посева, количеству рабочего скота и коров, сельскохозяйственного инвентаря)³. Применяя признак зажиточности, можно проследить соотношение внутриклассовых групп дальневосточного крестьянства (Таблица 3).

¹ Отчет Дальревкома и Дальэконо за 1923 – 1924 год /Под ред. М.П. Копытина, П.Е. Терлецкого. – Хабаровск, 1925. – С. 43.

² Ленин В.И. О социалистическом строительстве. – М., 1986. - С. 225-227.

³ Брянский А.М. Экономическое расслоение Дальневосточной деревни (к VII Дальневосточной конференции РКП). – Хабаровск, 1925. - С. 3-8.

Таблица 3

**Внутриклассовое соотношение дальневосточного крестьянства
(по данным переписи 1923 г.¹)**

Губернии	Классовые группы крестьянства (в %)				Всего (в %)
	бедняки	маломощные	средняки	зажиточные	
Забайкальская	44,7	16,7	25,8	12,8	100
Амурская	28,3	31,7	24,2	15,8	100
Приморская	45,8	12,6	31,0	10,6	100

Примечание: Таблица составлена по материалам: Брянский А.М. Экономическое расслоение Дальневосточной деревни (к VII Дальневосточной конференции РКП). – Хабаровск, 1925. – С. 42-52.

В целом на Дальнем Востоке бедняки и маломощные крестьяне составляли около 58%, середняки – около 30% и зажиточные – около 12%. Наличие достаточно большого процента бедных и маломощных хозяйств при большом количестве крупных земельных наделов (См.: таблица 2) было связано с событиями гражданской войны и интервенции, приведшими к сокращению посевных площадей. В системе ценностей крестьян в 1920-е гг. основным критерием зажиточности выступала именно величина засева.

Общая посевная площадь ДВО по сравнению с занимаемой территорией представляла незначительную величину: из 2628 тыс. кв. км максимально засеивалось (в 1917 г.) 1092,2 тыс. гектаров, т.е. менее 0,5%. За годы революции и гражданской войны посевная площадь значительно сократилась и в 1923 г. оказалась ещё меньшей, чем в 1917 г. (Таблица 4).

Таблица 4

**Динамика посевной площади на Дальнем Востоке в 1917 – 1923 гг.²
(тыс. гектаров)**

Годы	Губернии			Всего по ДВО
	Забайкальская	Амурская	Приморская	
1917	283,5	512,4	296,3	1092,2
1923	221,1	361,4	277,8	860,3

Примечание: Таблица приведена по: Три года советского строительства в Дальневосточном крае. К первому дальневосточному краевому съезду советов рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов. Отчет Дальревкома за 1922 – 25 год /Под ред. М.П. Копытина, П.Е. Терлецкого. – Хабаровск, 1926. – С. 85.

Влияние гражданской войны и интервенции на сокращение посевных площадей сказалось по губерниям далеко не в одинаковой степени. Больше

¹ Без учета Камчатской губернии.

² Без учета Камчатской губернии.

всего в этом отношении пострадала Амурская губерния, в которой посевная площадь за 6 лет сократилась в 1,5 раза. Забайкальская губерния потеряла около 22% своей посевной площади 1917 г. Наиболее развитой в сельскохозяйственном отношении оказалась Приморская губерния, где сокращение посевов за годы гражданской войны было сравнительно небольшим – 7%. Большие потери повсеместно понесли хозяйства в инвентаре, рабочем и домашнем скоте.

Таким образом, в социальном отношении дальневосточная деревня представляла собой более благополучную картину, чем деревня центральных регионов России. Прослойка крупных хозяев составляла в среднем около 12%, тогда как в центре страны лишь 3-5%. Соотношение прослойки среднего крестьянства приходилось 30% к 17%; преобладающее же количество бедных и малоимущих, напротив, доминировало в центральной части РСФСР: 58% к 78%.¹

Такое соотношение социальных групп в крестьянстве обуславливалось и тем, что Дальний Восток не был затронут проведением политики «военного коммунизма», значительно изменившей социальную структуру центральной российской деревни, на что неоднократно указывалось в отечественной историографии.² Завершение интервенции в конце 1922 г. должно было дать толчок к социально-экономическому развитию деревни в ДВО.

Общая численность населения Дальневосточной области, проживавшего в городах и поселках городского типа, по данным городской переписи 1923 г. составляла 424153 чел.³ Почти половина всего населения городов являлось самодельным (44,8%), т.е. имели занятие или самостоятельный источник средств существования. Особенностью Дальнего Востока было то, что среди самодельного населения мужчины составляли 83,6%, в то время как женщины только 16,4%.⁴ Наибольший процент самодельного населения приходился на Приморскую губернию – 51,6%, наименьший на Амурскую губернию – 35,1%, что было обусловлено преобладанием в Амурской губернии сельского хозяйства; из городов ДВО самый высокий

процент самодельного населения был отмечен во Владивостоке – 77,5%.¹

По социальному составу самодельное население дальневосточных городов более чем на треть состояло из рабочих – 57265 чел. (38,3%); прислуги – 10404 чел. (7,0%); служащих было зарегистрировано – 33324 чел (22,3%); в общем, лица наемного труда составляли 67,6 % самодельного населения.² Хозяев, имевших наемных рабочих насчитывалось 6645 чел. (4,4%); лиц свободных профессий – 0,7%; хозяева без наемных рабочих – кустари, одиночки и мелкие торговцы – составляли 11% самодельного населения.

Виды деятельности у городского населения были разнообразны: мелкая торговля, промыслы, кустарное производство, различные общественные и хозяйственные работы и подработки, работа в государственных учреждениях, на морском и речном транспорте, на железной дороге и в железнодорожных мастерских. Из общей численности городского населения Дальнего Востока лишь 6,2% было занято в промышленности.

Среди занятых на промышленных предприятиях наибольший процент приходился на государственную промышленность, составляя, в среднем, 58,0%; на втором месте по количеству занятых стояла частная промышленность – 40,7%; кооперативный сектор в 1923 г. был развит крайне слабо и поглощал лишь 1,3% от общего количества занятого в промышленности населения (Таблица 5).

Таблица 5
Распределение населения, занятого на промышленных предприятиях ДВО по формам собственности и хозяйствования (по данным городской переписи 1923 г.)

Губернии	Число занятых в промышленности лиц						Итого	
	государственная		кооперативная		частная			
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Забайкальская	5580	79,0	199	2,8	1283	18,2	7062	100
Амурская	2631	56,5	66	1,4	1960	42,1	4657	100
Приморская	7080	48,2	73	0,5	7522	51,3	14675	100
Итого	15291	58,0	338	1,3	10765	40,7	26394	100

Примечания: Таблица составлена на основе источника: Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. (Отчет Дальбюро ВЦСПС). – Чита-Владивосток, 1924. – С. 5.

¹ Молчанов А.П. Из истории борьбы за упрочнение союза рабочего класса и крестьянства. 1924 – 1925. - М., 1956. - С 38.

² Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. - М., 1981; Лаврик Л.А. Политические настроения дальневосточного крестьянства в годы НЭПа (1922-1927): Дис. ...канд. ист. наук. - СПб., 1995; НЭП: приобретения и потери /Отв. ред. В.П. Дмитренко. - М., 1994; Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. - М., 1967; Саначев И.Д. Новая экономическая политика на Дальнем Востоке: 1922-1925 гг. - Владивосток, 1993; Проскурина Л.И. Деревня двадцатых. Аграрная история Дальнего Востока России в 20-30-е годы. Дискуссионные проблемы //Россия и АТР. -1995. - №3. - С. 93-99 и др.

³ Отчет Дальревкома и Дальэконо. – С. 146.

⁴ Там же. – С. 38.

¹ Отчет Дальревкома и Дальэконо. – С. 38.

² Там же.

Низкий уровень занятости городского населения в промышленном производстве был связан с упадком в промышленном развитии региона, который повлекла за собой гражданская война и интервенция. Промышленность, как и сельское хозяйство, и транспорт были разрушены в результате военных действий, разного рода грабежей, как интервентов, так и партизанских отрядов. Только по официальным данным ущерб нанесенный Дальнему Востоку в период интервенции составил 603407 руб. золотом,¹ а в действительности был намного больше. Весь объем стоимости продукции промышленности, включая кустарную, упал до 43,5% по сравнению с довоенным уровнем. Учитывая, что Дальний Восток не знал национализации периода «военного коммунизма», а государственное регулирование промышленности как таковое отсутствовало на начало 1923 г., то преобладающим в промышленности являлся частный сектор. Не смотря на то, что государственная промышленность поглощала большее количество рабочей силы, что происходило в основном за счет крупных размеров предприятий, частная промышленность доминировала как по общему количеству предприятий, так и по общему объему производимой продукции. Так, по сумме продукции, в процентном соотношении, группы промышленности в ДВО распределялись следующим образом: государственная – 46,2%, кооперативная – 1,6%, частная – 52,2%.² В центральных российских регионах картина была противоположной: государственная промышленность составляла в 1922 г. 93,3%, частная – 3,3%, кооперативная – 3,15%.³ В государственной промышленности Дальнего Востока наибольшую роль играли: угольная – 30,2% и пищевая – 24,6%; в кооперативной: пищевая – 47,5% и кожевенная – 20,5%; в частной: пищевая – 69,7% и горная (золотодобыча) – 10,1%.⁴ Среднее число занятых лиц на одно предприятие в государственном секторе промышленности составляло 79 чел.; кооперативном – 13, частном – 7. Всего по Дальнему Востоку на одно предприятие приходилось примерно 12 чел., в то время как в Европейской части России это число составляло 16,7 чел.⁵

Статистические органы ДВО отмечали, что в частной промышленности использование рабочей силы «производится интенсивнее, чем в государственной, и производительность труда в ней выше». ⁶ Как отмечал дальневосточный исследователь И.Д. Саначев, в общем объеме валовой продукции дальневосточной промышленности на 1.03.1923 г. на долю государ-

ственной промышленности приходилось 8808 тыс. руб., кооперативной – 1141 тыс. руб., частной – 12677 тыс. руб.¹ Наибольшая доля частного сектора приходилась на Амурскую и Приморскую губернии.

Большую роль в дальневосточной промышленности играл и иностранный капитал: так по данным промышленной переписи 1923 г. иностранному капиталу принадлежало около 57,9% всех дальневосточных предприятий.² Преобладал частный капитал и во внутренней торговле ДВО (Таблица 6).

Таблица 6
Распределение торговой сети по городам Дальнего Востока

Города	Общее количество торговых предприятий			Всего по ДВО
	Государственных	Кооперативных	Частных	
Чита	56	104	583	743
Благовещенск	49	16	641	706
Владивосток	84	41	188	2010
Хабаровск	41	26	480	547
Всего	230	187	3589	4006

Примечания: Таблица составлена на основе источника: Районирование Дальневосточного края. Доклад Дальревкома Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету (Материалы по административно-хозяйственному районированию ДВ Края). Книга III. – Хабаровск, 1925. – С. 38.

Таким образом, на Дальнем Востоке в начале 1923 г. преобладало развитие частной промышленности и торговли с более высоким уровнем производительности труда и объемом продукции, что являлось характерной особенностью региона по сравнению с центральной частью России. При этом вследствие экономической разрухи периода интервенции крупные предприятия отсутствовали и преобладали мелкие и средние.

Упадок в промышленном развитии сказался на финансах, торговле и снабжении населения региона. В начале 1923 г. товарная масса составляла только 36,1% от уровня 1913 г., денежная масса – 25,1%, а бюджет ДВО достигал лишь 12,4% от довоенного.³ Такое положение обуславливало и высокий уровень безработицы среди городского населения.

По данным Дальревкома число безработных по всем биржам труда ДВО колебалось в пределах 26 – 36 тыс. чел., составляя в среднем 28% от общего числа занятых в производстве лиц.⁴ Уровень безработицы на Даль-

¹ Саначев И.Д. Новая экономическая политика на Дальнем Востоке: 1922 – 1925 гг. - Владивосток, 1993. - С. 24.

² Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. (Отчет Дальбюро ВЦСПС). – Чита-Владивосток, 1924. - С. 5.

³ Всесоюзная городская перепись 1923 г.: итоги промышленной переписи //Труды ЦСУ СССР. - 1926. - Т. 27. - Вып. 1. - С. 6-12.

⁴ Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. – С. 6.

⁵ Отчет Дальревкома и Дальэконо. – С. 148-149.

⁶ РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 105. Л. 4.

¹ Саначев И.Д. Указ. соч. – С. 29.

² Октябрь на Амуре: Сборник документов, 1917 – 1922 /Отв. ред. В.П. Малышева. - Благовещенск, 1965. - С. 375.

³ Саначев И.Д. Указ. соч. – С. 24.

⁴ Три года советского строительства в Дальневосточном крае... - С. 229.

нем Востоке был самым высоким по России, превышая общероссийский в среднем на 8-10%, что было обусловлено сокращением производства, а также сокращением штатов государственных органов и армии в 1922 г. Наибольший процент безработных приходился на Приморскую губернию и составлял до 30% от их общей численности.¹ Соотношение безработных по отраслям труда показывало, что на малоквалифицированный конторский труд, приходилось до 30% безработных, чернорабочих – около 20%, домашнюю прислугу – около 10%, водный транспорт – около 10% и металлообработывающую промышленность – до 7%.² Свыше 60% безработных приходилось на непроизводственные и малоквалифицированные отрасли труда, в то время как спрос на квалифицированный труд был достаточно высоким и зачастую превышал предложение.

Средняя заработная плата по ДВО колебалась от 32,0 до 40,1 зол. руб. и зависела от разряда и тарифного пояса.³ Минимум заработной платы с ноября 1922 г. был установлен от 15 зол. руб. для 1-го пояса и 34 руб. для 4-го пояса.⁴ Характеризуя положение по заработной плате и безработице Дальревком, в отчете за 1923 г. указывал, что уровень жизни городского населения на Дальнем Востоке был одним из самых низких на территории советской России. Средняя заработная плата по всем отраслям дальневосточной промышленности в начале 1923 г. едва достигала 60% от довоенного уровня (Москва – 85,6%, Ленинград – 74,0%).⁵ В среднем, по зарплате Дальний Восток отставал от всей России на 14,1%, от Ленинграда на 19,1%, от Москвы, с которой в довоенное время были почти одинаковые товарные цены (средняя стоимость продуктов бюджетного набора в 1913 г. на Дальнем Востоке – 9 руб. 80 коп.; в Москве – 10 руб.) – на 28,1%.⁶ При этом товарные цены в регионе в конце 1922 – начале 1923 гг. на 13,8 - 14,6%, в среднем, превышали общероссийские.

Серьезную социальную проблему в ДВО представляла детская беспризорность. В официальных документах 1922 – 1923 гг. точного количества беспризорных детей в области не называлось, что дает основание предположить о попытке официальных органов скрыть проблему. В отчетах Дальревкома указывалось, что в 1922 – 1923 гг. имелось 24 детских дома с числом детей в них 2560 чел.⁷, и подводился итог, что детдома крайне переполнены, а количество беспризорных детей намного превышает возможности их приема.⁸ Только в отчетах за 1927 г. мы находим условную

оценку детской беспризорности в 30000 чел.¹ Это позволяет сделать вывод о том, что в 1922 – 1923 гг. эта цифра была намного выше.

Уровень жизни дальневосточного населения был низким также ввиду высокого уровня инфляции и того обстоятельства, что Дальний Восток вошел в состав РСФСР в период самого широкого в 1920-е гг. расхождения индекса цен.² Рубеж 1922-1923 гг. был пиком товарного кризиса в центральной России, который распространился и на ДВО. В этот момент индекс цен на сельскохозяйственные и промышленные товары выражался соотношением: 1,19 : 2,55.³ Наименьшее расхождение цен наблюдалось в Благовещенске, наибольшее – во Владивостоке. Среднегодовой индекс цен по Владивостоку в 1923 г. составлял 2,07, превышая среднеобластной на 0,17 и Благовещенский на 0,33.⁴ Сельскохозяйственные товары во Владивостоке в марте 1923 г. в 2 ¼ раза стоили ниже промышленных.⁵ Это обстоятельство не способствовало ни развитию производства, ни развитию сельского хозяйства в ДВО, провоцируя кризис перепроизводства в первом и нерентабельность последнего. Недосев в предыдущие годы и низкие цены на хлеб вызывали стремление крестьян к побочным заработкам, обуславливая усиленное предложение крестьянского труда на рынке и способствуя росту безработицы.

Высокие цены на промышленные товары породили, еще в период гражданской войны, небывалый размах контрабандной торговли. На дальневосточных конференциях РКП(б) в течение всей первой половины 1920-х годов неоднократно отмечалось, что ввоз и вывоз контрабандных товаров, особенно в Забайкальской и Приморской губерниях, имел массовый характер.⁶ В наибольшей степени торговлей контрабандными товарами была охвачена деревня. Крестьяне предпочитали покупать контрабандные товары, поскольку они были намного дешевле и за них можно было не платить деньги, а выменивать их на продукты питания, которые затем реализовывались в городах на «черном рынке».⁷ В целом же, цены на контрабандные товары в области были на 50% ниже государственных.

Наблюдался кризис и в коммунальном хозяйстве дальневосточных городов, также немало пострадавших в годы гражданской войны. Остро стояла жилищная проблема. По данным городской переписи 1923 г. на одного

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 114. Л. 36.

² В 1920-е гг. под индексом цен понимали среднюю из отношений цен отдельных товаров в данный момент (день, месяц, квартал, год) к ценам тех же товаров, взятым в предыдущий момент, называемый основанием или базой индекса цен: в качестве базы в индексах цен рубежа 1922-1923 гг. брался 1913 г.

³ Вайнштейн Альберт Л. Хлебный рынок и условия ценообразования хлебов до войны и в 1922-24 гг. // Хлебные цены и хлебный рынок. - М., 1925. - С. 51-53.

⁴ Отчет Дальревкома и Дальэконо... - С. 317.

⁵ Там же.

⁶ VII-я Дальне-Восточная Краевая Конференция РКП(б) (16-20/XI 1925 г.). Стенографический отчет. - Хабаровск, 1925. - С. 16.

⁷ ГАПК. Ф. Р-1167. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

¹ Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию Дальнего Востока... - С. 31-33.

² Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. - С. 99.

³ Там же. - С. 55.

⁴ Деление Дальнего Востока на тарифные пояса см. в Таблице 1 Приложения.

⁵ Бюджеты рабочих и служащих. Вып.1. Бюджеты рабочей семьи в 1922 – 1927 гг. Труды ЦСУ. - М., 1929. - С. 15.

⁶ Там же. - С. 34.

⁷ Три года советского строительства в Дальневосточном крае... - С. 63.

⁸ Отчет Дальревкома и Дальэконо... - С. 439.

человека приходилось жилой площади во Владивостоке и Благовещенске 1,4 м, в Хабаровске – 1,8 м и в Чите – 1,5 м.¹ Большая часть городского населения проживала в дорогих частных квартирах: так, из 92423 чел., зарегистрированных во Владивостоке, 86663 чел. проживало на частных квартирах, в Хабаровске из 34338 чел. на частных квартирах проживало 28386 чел., в Благовещенске из 57723 чел. – 54193 чел., в Чите на частных квартирах проживало 56253 чел. из 60023.²

Задача советизации Дальнего Востока была возложена на Дальневосточный революционный комитет. Для управления областью необходима была организация четкой иерархии власти – сети губернских и уездных ревкомов, волревкомов и сельревкомов, которая была завершена лишь к апрелю 1923 г. Для координации и общего направления деятельности хозяйственных органов на Дальнем Востоке в начале декабря 1922 г. было создано Дальневосточное экономическое совещание (Дальэконосо), которое должно было согласовывать работу ревкомов. В губерниях были созданы губернские экономические совещания для организации местной хозяйственной деятельности.

Таблица 7

**Состояние партийной организации ДВО
(по материалам партийной переписи 1923 г.)**

Губернии	Количество членов и кандидатов партии		
	Члены	Кандидаты	Всего
Забайкальская	3200	2253	5453
Амурская	1232	307	1539
Приморская	1502	492	1994
Всего по ДВО	5934	3052	8986

Примечание: Таблица составлена на основе источника: Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию Дальнего Востока (по данным совещания секретарей Губкомов и председателей Губисполкомов 3-го августа 1923 года). - Чита, 1923. - С. 5-6, 73, 119, 146, 187.

По данным партийной переписи 1923 г. в состав дальневосточной партийной организации входило 8986 чел. (Таблица 7). Такое количество партийцев, к тому же рассредоточенных на огромной территории ДВО, было незначительным, учитывая, что большевики не имели большого влияния среди дальневосточного населения, во многом уступая меньшевикам и эсерам. В соотношении с общим количеством населения региона получалось, что один член партии приходился на более чем 180 тыс. чел. Это обстоятельство затрудняло процесс советизации региона.³

Одним из характерных отличий Дальнего Востока от других областей и районов РСФСР в момент присоединения к советской России было то, что широкие слои населения региона, удаленного на большое расстояние от центра, да еще при наличии, с конца 1918 г., интервенции, а впоследствии и ДВР, имели с центральной Россией крайне слабую связь. Все происходящее в центре страны с 1917 г. передавалось на Дальний Восток, в основном, в виде слухов. Достаточно зажиточное крестьянство, владеющее большими земельными наделами, и городское население, имеющее значительное количество частной собственности, получали информацию о земельной экспроприации и политике всеобщей национализации периода «военного коммунизма», о голоде в центральных регионах зачастую в преувеличенном и искаженном виде.

Политика РКП(б), проводимая в центре не вызывала на Дальнем Востоке ни сочувствия, ни каких либо положительных эмоций, а напротив, вызывала у населения боязнь за свое благополучие и страх перед национализацией имущества. Если в центре, в проводимой большевиками политике, в соответствии с уже устоявшимися к этому времени и идеологией и практикой, ставка делалась на рабочий класс, то на Дальнем Востоке в 1922 – начале 1923 г. партийцы не показывались в рабочие районы, не потому, что они этого не хотели, а потому, что рабочие их выгоняли. В среде же рабочих прочные позиции занимали меньшевики, что особенно было характерно для Читы и Владивостока.¹ На рабочих собраниях, проводимых на предприятиях с участием представителей ВКП(б), рабочие повсеместно задавали вопрос: «а будут ли нам платить зарплату при новой власти?».²

Политическое настроение в деревне было еще менее благополучно для большевиков, чем в городе. Крестьянство, в общей своей массе за время существования ДВР было в значительной степени предоставлено самому себе, так как не имело достаточного политического и хозяйственного руководства со стороны уездных и областных управлений ДВР, которые в основном сосредотачивали свое внимание на городах. Волостные управления и сельские комитеты были почти не работоспособными органами и не пользовались у населения авторитетом, к тому же, на работу в волостных управлениях и сельских комитетах крестьянство смотрело как на неприятную повинность и в большинстве отбывало ее по очереди.³ Кроме того, в состав волостных управлений и сельских комитетов в основном входили «лучшие люди» деревни – наиболее зажиточные и хозяйственно организованные крестьяне, которые, в соответствии с официальной идеологией, не могли стать социальной базой советской власти в деревне. Ситуация усугублялась еще и тем, что зачастую, в особенности в Забайкальской и Приморской губерниях, в одной деревне бок о бок проживали и бывшие крас-

¹ Отчет Дальревкома и Дальэконосо... - С. 420.

² Там же.

³ VII-я Дальне-Восточная Краевая Конференция РКП(б)... - С. 21.

¹ VII-я Дальне-Восточная Краевая Конференция РКП(б)... - С. 21.

² ГАХК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 88. Л. 130; Д. 224. Л. 4-8.

³ Три года советского строительства в Дальневосточном крае... - С. 19.

ные партизаны, и люди, воевавшие в частях белой армии, что иногда заканчивалось расправами одних над другими.¹

Высокий уровень распространения контрабандной торговли в деревнях, концентрация на приграничных территориях с Китаем и Манчжурией остатков белогвардейских частей, вызывала страх у коммунистов перед работой в деревнях. Коммунисты деревенских партячеек в Забайкалье и Приморье не выходили на улицу без винтовок, и нередкими бывали случаи, когда ячеишники, уходя из дома, не говорили где будут ночевать, боясь нападения.²

Таким образом, социально-экономическая и политическая ситуация на Дальнем Востоке после вхождения региона в состав РСФСР была крайне сложной и в своем проявлении неоднозначной, что и стало причиной создания ревкомов как внеконституционных органов власти с особыми полномочиями. Социально-экономическое состояние региона обуславливало морально-психологический климат, в котором формировались политические настроения населения, связанные, в первую очередь, либо со стремлением улучшить свое экономическое благосостояние, либо сохранить его на прежнем уровне. Политическая сила, способная сделать это, могла завоевать доверие населения, независимо от первоначального отношения к ней. В этих условиях Дальревкому становится необходимым направить все силы на регулирование, прежде всего, социальных отношений путем преобразований в хозяйственной сфере, определения необходимых условий и средств для улучшения уровня жизни тех слоев и групп дальневосточного населения, которые должны были стать социальной базой советской власти для успешной советизации региона.

§ 2. Социальные мероприятия в 1922 – 1927 гг.

Для начала проведения социальной политики на Дальнем Востоке необходимо было создать законодательную базу для будущих преобразований. Социально-экономическая ситуация в регионе в 1922 г. не способствовала автоматическому введению советского законодательства. На Дальнем Востоке имело свободное хождение золотой и серебряной монеты царской чеканки, здесь существовала государственная монополия торговли спиртом и водкой, имелось значительное количество частных предприятий и промыслов и большая доля частного и иностранного капитала в промышленности – чего не было на территории РСФСР и что не могло быть предусмотрено действующим там законодательством, даже в условиях НЭПа. Кроме того, поскольку государственная жизнь в РСФСР, а вместе с нею и законодательство, шло от «военного коммунизма» к НЭПу, на Дальнем Востоке жизнь должна была переходить от буржуазно-демократического

устройства ДВР к устройству советского типа и от охраны неприкосновенности частной собственности к переходу наиболее важных отраслей хозяйства и крупных предприятий в собственность государства. Естественно, что введение в действие декретов и законов РСФСР, особенно изданных до установление НЭПа, требовало определенных корректив.

Постановлением Дальревкома от 15 ноября 1922 г. была введена в действие Конституция РСФСР и было установлено, что остальные законы РСФСР, для избежания коренной ломки сложившихся финансовых и экономических отношений, должны вводиться постепенно особыми постановлениями. При этом временно были оставлены в силе некоторые законы ДВР, регулирующие социально-экономическую сторону жизни Дальнего Востока, - «поскольку последние не противоречат новой экономической политике РСФСР».¹ Постановлением от 28 ноября 1922 г. вводились в действие на территории ДВО УК РСФСР, УПК РСФСР, Положение о прокурорском надзоре, - как основные механизмы социального контроля, Декрет об отделении церкви от государства и Положение о векселях. В декабре 1922 г. были введены в действие Кодекс законов об актах гражданского состояния, Декрет о порядке издания обязательных постановлений, КЗоТ РСФСР (без главы XVII «О социальном страховании», введенной в действие лишь в 1924 г.), был указан порядок проведения декрета об отмене частной собственности и ряд других менее важных декретов. За исключением УК РСФСР, УПК РСФСР и Положения о прокурорском надзоре остальные декреты и кодексы вводились со значительными коррективами применительно к местным особенностям региона и к сохранению уже сложившихся экономических отношений, этими декретами не предусматриваемых.

Таким образом, законодательной базой проведения социальных мероприятий на Дальнем Востоке становится «смешанное законодательство», состоящее из законов и декретов РСФСР с корректировками под местные условия, вносимыми Дальревкомом; собственно постановлений Дальревкома и законов ДВР, временно сохранявших свою юридическую силу.

Среди социальных мероприятий, проводимых в ДВО с 1922 г., одно из основных мест занимала политика в области заработной платы. Это направление в социальной политике должно было стать решающим в процессе советизации региона и большевики это понимали. Характеризуя политическое состояние рабочего класса в России Г.Л. Пятаков в своем письме И.В. Сталину от 1 ноября 1923 г. отмечал, что рабочие отнюдь не ориентируются на РКП(б), а выступают сторонниками меньшевиков.² А Ф.Э. Дзержинский считал, что «только взяв в свои руки стихию движения по увели-

¹ Три года советского строительства в Дальневосточном крае... - С. 30.

² Большевицкое руководство. Переписка. 1912 – 1927. Сборник документов /Сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк и др. – М., 1996. – С. 280.

¹ VII-я Дальне-Восточная Краевая Конференция РКП(б)... - С. 33.

² Там же.

чению заработной платы, можно будет избежать и политических трещин и достигнуть максимальных результатов при расходе минимума средств».¹

С января 1922 г. минимум заработной платы рабочим и служащим в РСФСР, а также фонд заработной платы по стране определялись ежемесячными специальными постановлениями СНК РСФСР.² Летом 1922 г. величина минимума заработной платы для лиц средней квалификации 1-го тарифного пояса по стране была определена декретом СНК в 540 руб. образца 1922 г.³ (54 зол. руб.). Исключение составляли транспортные рабочие, минимум которых для средней квалификации в том же поясе составлял 1700 руб. (170 зол. руб.) Максимум же заработной платы по РСФСР определялся постановлением СТО «Об установлении максимального размера содержания в государственных учреждениях, предприятиях и организациях»,⁴ в котором говорилось, что максимальный размер получаемого одним лицом содержания (основной оклад, сдельные, сверхурочные, совместительство и т.д.) не должен был превышать 60000 руб., в денежных знаках образца 1922 г. (6000 зол. руб.). Таким образом, в РСФСР к концу 1922 г. существовал почти 40-кратный разрыв между минимумом и максимумом заработной платы.

До августа 1923 г. установление минимума и максимума заработной платы, утверждение тарифной сетки и соотношение коэффициентов между разрядами находилось в ведении Дальревкома. В основе исчисления зарплаты в конце 1922 – начале 1923 г. оставался минимум, установленный постановлением правительства ДВР от 8 февраля 1922 г.⁵ Этот минимум являлся ставкой 1-го разряда для всех общественных, кооперативных, частных учреждений и предприятий и для государственных предприятий, переведенных на хозрасчет. Для остальных государственных учреждений, транспорта и связи, ставка 1-го разряда была установлена с 20% снижением минимума. Общеобязательный минимум заработной платы для предприятий всех форм собственности для 1-го пояса по ДВО⁶ был установлен в 15 зол. руб. и 34 зол. руб. для 4-го пояса, с максимумом в 225 руб. для 1-го пояса и 510 руб. для 4-го пояса.⁷ Таким образом, разрыв между минимумом и максимумом заработной платы по ДВО в 1923 г. выражался в 15-кратном размере.

Политика повышения заработной платы стала одним из механизмов восстановления народного хозяйства Дальнего Востока и главной формой конкуренции государственных предприятий с частными. Среди рабочих

существовало мнение: «Какой толк от работы, если жизнь дорожает, а платят мало»,¹ соответственно, с повышением заработной платы был связан и рост производительности труда.

По данным Дальневосточного краевого бюро статистики труда рост заработной платы по ДВО в 1923 г. составил, в среднем, 45% (Таблица 2 Приложения). Средняя зарплата определялась в 39,98 руб.², выражаясь по профсоюзным группам следующим образом: в промышленной – 42,06; транспортной – 32,56; служащих – 49,86 и прочих – 34,21. Такая неравномерность заработной платы отдельных групп затрудняла укомплектование дефицитных отраслей промышленности квалифицированными кадрами, поэтому в 1924 г. было признано необходимым приостановить повышение заработной платы у выделявшихся групп и подтянуть по зарплате остальные. Результаты проведения этих мероприятий выглядели следующим образом: в промышленной группе в сентябре 1924 г. средняя заработная плата составляла 47,16 руб., увеличившись на 19,8%; на транспорте – 40,1 руб., увеличившись на 13,3%; в группе служащих – 50,40 руб., увеличившись на 1,2% и прочие – 39,64 руб., увеличившись на 12,8%.³

Однако, следует отметить, что реальная заработная плата измеряется отношением уровня дохода к уровню цен. Так стоимость бюджетного набора (См. Таблицы 3-4 Приложения) Госплана в декабре 1923 г. составляла по Забайкальской губернии 14,02 руб., в Амурской губернии – 15,55 руб. и в Приморье – 16,26 руб.⁴ Заработная плата в отношении к бюджетному набору составляла в Забайкалье – 105,05%, в Амурской губернии – 107,74% и в Приморье – 93,4%.

По отдельным отраслям промышленности в период 1923-1924 гг. изменения в зарплате выглядели следующим образом: на первом месте находились печатники, средняя зарплата которых к сентябрю 1924 г. поднялась до 58,47 руб. против сентября 1923 г. в 44,49 руб.⁵ Зарплата печатников, являющаяся самой высокой в промышленной группе, поднялась вследствие широкого применения сдельных работ. На втором месте в промышленной группе стояли деревообработчики – 51,22 руб., далее шли пищевики – 51,13 руб., металлисты – 49,85 руб., кожевники – 49,06 руб., химики – 45,69 руб., строители – 43,62 руб. и горнорабочие – 42,08 руб.⁶ На транспорте больше всех поднялась зарплата у железнодорожников – до 39,82 руб., против 27,78 в 1923 г., но потеряли в зарплате водники – до 44,34 руб., против 53,63 в 1923 г.⁷

¹ Большевистское руководство. Переписка. 1912 – 1927. - С. 277.

² Собрание Указаний и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. - М., 1922. №6. Ст. 69.

³ Там же. №34. Ст. 396.

⁴ Там же. №49. Ст. 517.

⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 2. Л. 36.

⁶ О делении территории Дальнего Востока на тарифные пояса см. Таблица 1 Приложения.

⁷ Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. - С. 55.

¹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 323. Л. 48-49.

² Отчет Дальревкома и Дальэконо... - С. 510.

³ Труд в ДВК. Статистический справочник за 1923, 1924 и 1925 годы. - Хабаровск, 1926. - С. 54-75.

⁴ Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. - С. 60-61.

⁵ Труд в ДВК. - С. 54-75.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Если профсоюзы вели учет заработной платы в государственном секторе хозяйства, то учет в частном секторе практически не велся, однако, отдельные сведения, по размерам ставок и тарифным сеткам, имеющиеся по частному сектору труда, позволяют делать некоторые сопоставления. Так, в государственном секторе ставку 1-го разряда от 75 до 100% бюджетного набора в 1924 г. имели 59% занятых работников, от 100 до 125% стоимости набора имели 36%. В общественных организациях 68% получали по ставке 1-го разряда от 100 до 125 % бюджетного набора, 8,5% – до 100% бюджетного набора, 23,3% – свыше 125%. В частном секторе в пределах до 100% бюджетного набора получали 26% занятых, от 100 до 125% – 30% занятых и свыше 125% – все остальные.¹ Из этого сопоставления видно, что относительно большое количество рабочих и служащих в частных учреждениях оплачивались по ставкам 1-го разряда более высоким, чем в государственных и общественных учреждениях. Эти данные позволяют сделать вывод, что, как правило, зарплата в частных учреждениях и предприятиях была более высокой, чем в государственных.

Особую категорию работников составляли служащие государственных учреждений. В ноябре 1923 г. постановлением СТО «О порядке установления персональных окладов и особых вознаграждений за выполнение специальных заданий работниками государственных учреждений и предприятий и акционерных и смешанных обществ с преобладающим государственным капиталом» было отменено ограничение заработной платы отдельного работника, а также разрешено установление персональных окладов и выдачи особых вознаграждений за работы по специальным заданиям.² В результате члены ревкомов в ДВО получали в 1923 г. в среднем 62 руб., народные судьи – 85 руб., народные следователи – 77 руб.³, а в бюджетах дальневосточных предприятий в 1923 – 1924 гг. уходило на оплату администрации до 11% средств.⁴ Слишком явный разрыв в заработной плате между рабочими и служащими вынудил СТО в апреле 1924 г. принять новое постановление – «О снижении персональных окладов служащих государственных и кооперативных учреждений и предприятий и смешанных акционерных обществ с преобладанием государственного и кооперативного капитала» не менее чем на 20%.⁵

9 июня 1925 г. Совнарком СССР принял постановление «О нормировании заработной платы служащих государственных учреждений». В основу системы государственного нормирования были положены номенклатура должностей с единым наименованием и характеристикой вида и объе-

ма выполняемых работ, твердые штаты на основе этой номенклатуры и твердые оклады для каждой штатной должности. Предельный размер персональных окладов специалистов определялся в 360 руб.¹ Так по 1-му тарифному поясу ДВО председатель губревкома получал минимум 74 руб., народный судья – 85 руб., начальник милиции – 48 руб.; учителя школ 1-й ступени – 33 руб., 2-й ступени – 40 руб.; врачи, агрономы и ветврачи – 55 руб.; фельдшера, акушерки и фармацевты – 35 руб.; работники налоговых органов получали в среднем около 200 руб.² Следует отметить, что значительно большие размеры окладов работникам налогового аппарата объяснялись, по-видимому, стремлением уменьшить опасность их коррумпирования.

В 1925 – 1927 гг. происходит дальнейший рост заработной платы в регионе. Как показывают данные таблицы 8, средняя месячная заработная плата в промышленности повысилась за 1926 г. на 13,2%, а к апрелю 1927 г. на 20,6% против средней 1925 г. Происходил рост заработной платы на транспорте и у служащих предприятий. Впервые в 1926 г. было введено плановое повышение заработной платы, которое на Дальнем Востоке проводилось в порядке выполнения директив центральных органов.

Таблица 8

Движение заработной платы на Дальнем Востоке по хозяйственным отраслям в 1925 – 1927 гг. (в золотых рублях)

Хозяйственные группы	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Промышленность:			
а) рабочие	46,38	52,51	55,96
б) служащие	56,34	61,50	68,20
Транспорт:			
а) рабочие	44,41	74,00	87,67
б) служащие	61,57	81,54	84,86

Примечания: Таблица составлена на основе источника: Профессиональные союзы ДВК: 1925 – 1927 гг. Отчет ДКСПС ко 2-му Дальневосточному Краевому Съезду Профсоюзов. - Хабаровск, 1927. - С. 19-21.

В начале 1926 г. были проведены административные преобразования органов власти на Дальнем Востоке. Были упразднены губернии и уезды, вместо них введены окружные и районные административно-территориальные управления. Дальневосточная область была преобразована в Дальневосточный край (ДВК) в составе 9 округов и 75 районов. 15 марта 1926 г. на первом Дальневосточном краевом съезде советов Дальревком передал властные полномочия Дальневосточному краевому исполнительному комитету (Далькрайисполком).

¹ Собрание законов Союза ССР. - М., 1925. №42. Ст. 321.

² РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 29. Л. 26-28.

¹ Отчет Дальревкома и Дальэконо... - С. 513.

² Собр. Узак. 1924. №10. Ст. 90.

³ Первый Владивостокский окружной съезд советов. Стенографический отчет. - Владивосток, 1926. - С. 115.

⁴ Там же. - С. 113.

⁵ Собр. Узак. 1924. №53. Ст. 525.

⁶ Собрание законов Союза ССР. - М., 1925. №42. Ст. 321.

В 1927 г. Далькрайисполком провел, в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 11 июля 1927 г. «Об установлении на 1927/1928 бюджетный год минимальных ставок заработной платы для некоторых групп работников, состоящих на местном бюджете»,¹ плановое поднятие заработной платы нетарифицируемых групп работников местного бюджета. По отдельным категориям работников повышение заработной платы происходило от 0,2 до 87,5% (Таблица 9).

Таблица 9
Рост заработной платы нетарифицируемых групп работников
местного бюджета в 1925 – 1927 гг.

Группы работников	Заработная плата в руб.		Рост зарплат в %
	По бюджету 1925/1926 гг.	По бюджету 1926/1927 гг.	
Учителя 1-й ступени	35 – 37	45	28,5
Учителя 2-й ступени	51 – 52	65	27,5
Зав. школой 1-й ступени	35 – 37	50	39
Народные судьи и следователи	48 – 79	112,5	42
Мед. и ветеринарные врачи	81	не ниже 100	23,5
Медицинские фельдшера	35	44	25,5
Зав. фельд. пунктами	48	52	8,5
Агрономы	71	100	41
Председ. и секретари сельсоветов	8 – 18	15 – 32	87,5
Младшие милиционеры (сельск.)	26,4	33	25
Старшие милиционеры (сельск.)	33,45	40,5	21
Председатели крайисполкомов	54	55	0,2

Примечания: Таблица составлена на основе источников: Профессиональные союзы ДВК: 1925 – 1927 гг. Отчет ДКСПС ко 2-му Дальневосточному Краевому Съезду Профсоюзов. - Хабаровск, 1927. - С. 21; РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 29. Л. 28.

Особенностью этого повышения было то, что заработная плата врачей, агрономов и ветеринаров, учителей школ 2-й ступени была выше, а иногда и значительно, зарплаты судьи, следователя, председателя райисполкома, что было обусловлено значимостью данных профессий для скорейшего повышения уровня экономического развития региона. Самой низкой в ДВК оставалась заработная плата сельских служащих.

В июне 1927 г. было принято первое в РСФСР постановление о периодических прибавках к заработной плате за выслугу лет. Вначале оно касалось только учителей начальных школ и школ специального воспитания,² затем (с мая 1928 г.) было распространено на педагогический и инструкторский персонал учреждений для трудновоспитуемых детей и подростков,³ а также на работников строевого и активного состава общегосудар-

ственной и ведомственной милиции.¹ Для педагогов надбавки устанавливались за каждые 5 лет службы в учебных заведениях при советской власти в размере от 60 до 150 руб. в год в зависимости от типа учебного заведения; для милиции – 10% за каждые три года непрерывной службы.

Особую категорию по оплате как в РСФСР так и на Дальнем Востоке составлял профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, оплата труда которых осуществлялась на основании особых правил. Так профессор ГДУ при 6-часовой недельной нагрузке получал в 1924 – 1925 гг. – 120 руб., а в 1926 – 1927 гг. – 140 руб.; преподаватель 1-го разряда за 10 недельных часов получал в 1924 – 1925 гг. 108 руб., а в 1926 – 1927 гг. – 126 руб.; преподаватель 2-го разряда за 14 недельных часов соответственно 97 и 116 руб.² Профессорско-преподавательскому составу высших учебных заведений отводилась основная роль в процессе подготовки профессиональных кадров для советского народного хозяйства, что и стало причиной высоких заработных плат в системе высшего образования.

В число социальных мероприятий входило и регулирование цен, которое напрямую было связано с политикой в области заработной платы, поскольку, как уже было отмечено, реальное благосостояние оценивается через отношение заработной платы к уровню цен.

В 1923 г. бюджетный набор на одного человека (без коммунальных услуг и культпросветрасходов) оценивался в Забайкальской губернии в 14,02 руб., в Амурской – 15,55 руб. и в Приморской – 16,26 руб.³ Амплитуда колебания цен по отдельным областям РСФСР достигала 37 – 38 пунктов: самый низкий уровень цен наблюдался в Восточной Сибири, а самый высокий – на Дальнем Востоке (Таблица 5 Приложения). Одной из основных причин расхождения цен являлись недостатки в организации торговли в ДВО. Текстильные и металлические товары на Дальнем Востоке стоили в 2 раза дороже, чем в Восточной Сибири, притом, что ни тот, ни другой край не являлись производителями этих товаров. Слабая торговая сеть и слабость обобщественной торговли в ДВО позволяли частному торговому сектору сильно повышать цены, используя свое практически монопольное положение.⁴ В 1924 – 1926 гг. в регионе происходит рост цен в сети частной торговли на мануфактуру и товары бюджетного набора: так, рост цен на 1 января 1927 г. в частной торговле составил по краю от 25 до 27%.⁵ Крайне низкую покупательную силу имели хлебные товары и мясо.

¹ Собр. Узак. 1928. №51. Ст. 386.

² Три года советского строительства в Дальневосточном крае... - С. 66.

³ Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. - С. 60-61.

⁴ Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1925 – 1926 гг. - Хабаровск, 1925. - С. 57 – 65; Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1926 – 1927 гг. - Хабаровск, 1926. - С. 41-48.

⁵ Вайнштейн Альберт Л. Избранные труды. В 2-х книгах. Кн. 2. Народное богатство и народный доход России и СССР. - М., 2000. - С. 80-81.

¹ Собр. Узак. 1927. №66. Ст. 450.

² Там же. Ст. 451.

³ Там же. 1928. №55. Ст. 412.

Отдельные факты государственного регулирования цен на Дальнем Востоке наблюдались уже в начале 1923 г., а с осени 1923 г. начиналось регулирование цен по всем группам товаров. Основными механизмами регулирования цен стало установление твердых закупочных цен в сети государственной торговли и борьба с контрабандными товарными поставками в частной торговле. В 1925 г. в РСФСР появилось понятие «плановая цена».¹ Регулирование цен переросло в планирование как общего уровня цен, так и уровня цен отдельных групп товаров на разных ступенях товаропроизводящей цепи.

С 1926 г. задача регулирования цен в Дальневосточном крае была возложена на профсоюзы, которые стали выполнять конкретные задания СТО. В июле 1926 г. Президиум ДК СПС ввел по всем ступеням государственной торговли режим экономии; были сокращены штаты торговых предприятий и учреждений и накладные расходы, что позволило к 1 августа 1926 г. снизить розничные цены в сети госторговли на 10%.² Частичный ввоз недостающих товаров в сети государственной торговли (текстиль) был осуществлен из Китая. В результате стоимость бюджетного набора товаров в сети госторговли по центральным городам Дальнего Востока удалось удержать на 1 июля 1927 г. на уровне цен 1924 г.: Благовещенск – 14,50 руб., Хабаровск – 15,62 руб., Чита – 15,91 руб., Владивосток – 17,57 руб.³ Однако это достижение в области регулирования цен сводилось «на нет» дефицитом товаров в государственной торговой сети. Спрос на необходимые товары в ДВК в 1927 г. на 87% удовлетворялся через частную торговую сеть, где цена на товары и продукты питания, в среднем, была выше на 27 - 29%,⁴ что делало дефицитным среднемесячный бюджет основной массы рабочих и служащих. При этом цены на некоторые товары в частной розничной торговле превышали государственные от 39% (мыло, чай, обувь) до 87% (чай кирпичный).⁵

В течение 1926-1927 гг. были произведены бюджетные обследования рабочих наиболее крупных городов и отраслей промышленности как производственных предприятий, так и предприятий подсобного характера. Результаты обследований показали, что общая сумма расходов рабочих, в среднем, за месяц в декабре 1926 г. выражалась в 90,98 руб. на хозяйство или 30,58 руб. на еду, превышая общую сумму заработной платы на 23%.⁶ Главной статьёй в бюджете рабочего являлся расход на питание, ко-

торый оценивался в 15,14 руб., составляя около 49,5% расходов; на втором месте стояли расходы на приобретение одежды, белья, обуви и на их починку, выражаясь в 17,39 руб. и составляя около 19,1% расхода; третье место принадлежало топливу и осветительным материалам, составляя 7,58 руб. или 8,3%; четвертое место занимали расходы на квартиру, составляя в муниципальном жилом секторе 4,29 руб. на хозяйство.¹ Разрыв в доходной и расходной статьях бюджета рабочих обычно покрывался за счет приработков семьи и отчасти товарно-денежным кредитом, а также за счет продажи излишних, сохранившихся за предыдущий месяц, продуктов на рынке и продажи вещей и бытовых товаров, не нужных более в хозяйстве.

Превышение расходов над доходами присутствовало и в бюджете рабочих центральных районов РСФСР, но было значительно ниже, чем на Дальнем Востоке. Так, в Москве в 1927 г. это соотношение выражалось в 11%, а в Ленинграде в 13,2%.² Власти обратили внимание на такой разрыв еще в начале 1920-х гг., и тогда же начала создаваться система государственного продовольственного снабжения, ставшая с конца 1920-х гг. одним из основных механизмов советской социальной политики.

Государственное распределение продовольствия в советской России началось в 1921 г. и было связано с массовым голодом, охватившим центральные губернии. Введенная в начальный период гражданской войны для обеспечения фронта и городов продовольственная политика «военного коммунизма» с её продрозверсткой и свертыванием рыночных отношений подорвала крестьянское хозяйство в центральной России и вызвала голод.

9 августа 1921 г. было опубликовано Положение ВЦИК о Народном комиссариате продовольствия, согласно которому в круг ведения Наркомпрода стали входить заготовка продовольствия и промышленного сырья и их распределение среди населения через местные органы Наркомпрода и потребительскую кооперацию.³ В сентябре 1921 г. был принят декрет «Об отпуске продовольствия и предметов первой необходимости потребителям, находящимся на государственном снабжении».⁴ Декрет устанавливал 4 группы населения, подлежащих обеспечению продовольствием и предметами первой необходимости со стороны государства: Красная армия и флот; рабочие и служащие государственных функционирующих предприятий и учреждений, железнодорожного и водного транспорта; нетрудоспособные члены их семей и иждивенцы при отсутствии у них других средств к существованию; инвалиды, учащиеся и прочие лица, состоящие на государственном социальном обеспечении.⁵ К тому же, выдача продовольствия становилась механизмом контроля за повышением производительности труда, поскольку она производилась за «определенный производственный

¹ Вайнштейн Альберт Л. Избранные труды. – С. 98.

² Профессиональные союзы ДВК: 1925 – 1927 гг. Отчет ДКСПС ко 2-му Дальневосточному Краевому Съезду Профсоюзов. – С. 81.

³ Там же. – С. 83-84.

⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 39. Л. 23.

⁵ Два года советской власти в Амурской губернии. Отчет Амурского губернского исполнительного комитета 2-му губернскому съезду советов рабочих крестьянских и красноармейских депутатов. – Благовещенск, 1925. – С. 89.

⁶ Профессиональные союзы ДВК: 1925 – 1927 гг. – С. 36.

¹ Профессиональные союзы ДВК: 1925 – 1927 гг. – С. 36-37.

² РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 6. Л. 7.

³ Собр. Узак. 1921. №59. Ст. 399.

⁴ Там же. №62. Ст. 453.

⁵ Там же.

результат» или же за отработанные дни и дни установленного отдыха. В начале декабря 1921 г. был принят декрет «О порядке отпуска государством предметов питания и широкого потребления», согласно которому предметы питания и широкого потребления начинают отпускаться в порядке снабжения в счет заработной платы, но по стоимости, значительно ниже рыночной.¹ Согласно декрету «О мерах к проведению в жизнь общего плана государственного снабжения»,² принятому в конце декабря, была создана специальная Центральная комиссия по снабжению рабочих, через которую в обязательном порядке стали проводиться все вносимые СНК и СТО проекты постановлений по данным вопросам с целью их согласования с общим планом госснабжения.

После присоединения Дальнего Востока к РСФСР действие названных декретов без изменений и ограничений распространилось и на эту территорию в отличие от других советских законов и декретов. Для организации продовольственного снабжения в ДВО в 1922 – 1923 гг. была создана кооперативная сеть.

В конце 1922 г. в дальневосточной кооперативной организации оформились два основных вида кооперации: потребительская кооперативная сеть, основными задачами которой стала организация сбыта товаров промышленного производства в деревнях и организация закупок сельскохозяйственных продуктов с дальнейшей реализацией их в городах, и рабочая кооперация, целью которой стало обеспечение продуктами и товарами широкого потребления рабочих, в первую очередь, государственных предприятий. Таким образом, снабженческие функции легли на рабочую кооперацию.

Рабочая кооперация стала формироваться под эгидой профсоюзов по направлениям: городская, горная, транспортная. В 1923 г. на Дальнем Востоке работало 13 кооперативов.³ Однако, с самого начала в кооперации возникли проблемы финансирования, которые вылились в недостаточную закупку товаров, низкий торговый оборот и высокие цены. На 13 кооперативов приходилось 51763 члена, охватывая не более 41,5 % организованных профсоюзами рабочих.⁴ Слабое стремление рабочих вступать в кооператив было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, высоким паевым взносом, который составлял, по разным кооперативам, от 5 до 15 руб. или до 25% заработной платы периода 1923 г. Во-вторых, отсутствием в кооперативах стремления построить свою деятельность на обслуживание рабочего бюджета, т.е. в кооперативе можно было приобрести товары, которые не входили в бюджетный набор, а, следовательно, не были товарами первой необходимости. В самой же кооперации собранных паевыми взносами

средств было недостаточно и до 81% средств изыскивалось на стороне за счет продажи товаров посторонним частным лицам и оптовыми партиями на свободном рынке, что обуславливало их высокую стоимость.¹ Своим членам кооперативы в 1923 г. могли предложить товаров не более чем на 15 руб., при этом, товары не были товарами первой необходимости, в результате чего до 43% членов кооперативов являлись таковыми лишь формально, покупая необходимое на свободном рынке.

Не смотря на все усилия профсоюзов по повышению заработной платы и сдерживанию роста цен, материальное положение основной массы городского населения улучшалось медленно, в том числе и ввиду плохого товарного обеспечения. В расходной части бюджета рабочих семей на первом месте стояла покупка продуктов питания на рынке, а на втором – приобретение одежды и обуви, хотя ни на то, ни на другое, зачастую, не хватало средств. Нередко на заседаниях фабрично-заводских комитетов обсуждались ходатайства о выдачи материальной помощи для покупки одежды и обуви.² Купить предметы гардероба было трудно, поскольку на рынке они были крайне дороги, а в сети государственной и кооперативной торговли их не хватало. Большое количество времени у горожан занимало «латание дыр» на своих вещах и их переделка. Свободный же рынок обеспечивался товарами в основном за счет контрабандных поставок, и, если контрабандная торговля просуществовала на Дальнем Востоке до конца 1920-х гг., то не столько по причине невозможности борьбы с ней, сколько ввиду того, что власти понимали, - перекрыв поток контрабанды они еще более обострят проблему товарного дефицита.

В 1926-27 гг. состояние рабочей кооперации несколько улучшилось. Количество членов выросло по сравнению с 1923 г. на 52,5 %, несмотря на увеличение паевого взноса до 10-15 руб.³ Из предлагаемых товаров бакалейные в 1926 – 27 гг. составляли 32%, мануфактура – 28%, прочие – 40%, а их средняя цена в кооперативной рабочей сети лишь на 16-19% превышала государственную, что и привлекло в кооперативы большее количество членов, сделав членство более реальным.⁴ Всего за месяц рабочими, по данным бюджетного обследования 1926 г., приобреталось продуктов питания и товаров первой необходимости на сумму 66,41 руб., из них в кооперации – 44%, в госторге – 7,4%, в частной торговой сети – 43%, с рук – 5,6%.⁵ Увеличение торгового оборота кооперативной и государственной сети к концу 1926 г. позволило населению приобретать товары по более низким, чем рыночные, ценам, сделав возможным сокращение расходной части семейного бюджета.

¹ Собр. Узак. 1922. №1. Ст. 12.

² Там же. Ст. 22.

³ Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. - С. 118.

⁴ Там же. - С. 116.

¹ Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. - С. 118, 121.

² РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 2. Л. 28.

³ Профессиональные союзы ДВК: 1925 – 1927 гг. - С. 31-33.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Для Дальнего Востока, где процент городского населения был значительно выше, чем в других регионах России, актуальной была проблема обеспечения населения жильем. Жилищный фонд дальневосточных городов был изношенным, и по качеству, в подавляющей своей части, деревянным и неблагоустроенным. Например, во Владивостоке деревянными были до 80% домов, средняя величина которых составляла до 40 кв. м,¹ а в других городах – еще меньше. Многие города были разрушены в период интервенции. Так, Николаевск-на-Амуре в 1920 г. был почти полностью разрушен японцами: из 1200 домов, в 1922 г. оставалось не более 50. Остро стояла жилищная проблема в Чите и Благовещенске. При санитарной норме на человека в 8,1 кв. м в Дальневосточной области, в среднем, приходилось на человека не более 4,8 кв. м.²

В ДВР существовала ордерная система распределения и учета жилой площади. Решив, прежде всего, укрепиться в регионе политически, большевики временно отложили решение жилищного вопроса, и ордерная система просуществовала до 1 октября 1923 г., после чего на Дальнем Востоке было введено советское жилищное законодательство и решение жилищного вопроса стало осуществляться в соответствии с декретами и постановлениями Центра.

1 октября 1923 г. ордерная система заменяется сдачей 10% полезной жилой площади в распоряжение коммунальных отделов; крупное домовладение с числом комнат более 10 было муниципализовано.³ Во Владивостоке, где жилищная проблема стояла наиболее остро, было произведено, еще в августе 1923 г., отчуждение в муниципальный фонд 35% частновладельческой жилой площади в домах, имеющих не менее 4-х комнат, в основном, в центральной части города, на Эгершельде и в районе Второй реки.⁴

Общее состояние зданий, переданных в муниципальный фонд, было плачевным. Как правило, и бывшие муниципальные здания и вновь полученные, не ремонтировались с 1914 – 1925 гг., и процесс их разрушения непрерывно прогрессировал. Например, в Чите цифры технического состояния коммунальных зданий на 1 октября 1924 г. выглядели следующим образом: не требующих ремонта – 8%, требующих капитального ремонта – 10%, требующих текущего ремонта – 72%, совершенно ветхих – 10%.⁵ Следует отметить, что приобретение новых зданий муниципальным фондом не дало свободной жилой площади, так как вся площадь уже была заселена, и муниципалитет лишь получил возможность закрепить ее за собой и распределять между служащими и рабочими по мере ее освобождения.

¹ Контрольные цифры народного хозяйства Владивостокского округа ДВК на 1928 – 1929 гг. – Владивосток, 1928. - С. 108.

² РГИА ДВ.Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 10. Л. 94.

³ Там же. Л. 86.

⁴ Там же. Л. 117.

⁵ Отчет Дальревкома и Дальэконо... - С. 423.

Таким образом, передача жилья муниципалитетам жилищной проблемы не решила.

Жилищный кризис не был характерен только для Дальнего Востока, а являлся реальностью для всей России. Еще в сентябре 1922 г. декретом ВЦИК была создана Чрезвычайная жилищная комиссия при Моссовете в г. Москва, в задачу которой входила передача в жилой муниципальный фонд нерационально используемых зданий, занимаемых государственными учреждениями, поскольку до 67% москвичей испытывали нужду в жилье.¹ Поиск путей урегулирования жилищного кризиса стал общегосударственной задачей, для разрешения которой в середине 1920-х гг. было принято решение о развитии жилищно-строительной кооперации.

16 мая 1924 г. был издан декрет ВЦИК и СНК «О содействии кооперативному строительству рабочих жилищ»,² который предусматривал следующие финансовые источники такого содействия. Занимаемая в городах нетрудовыми элементами³ жилплощадь облагалась дополнительно, сверх квартирной платы, целевым налогом для поддержания кооперативного рабочего строительства. Устанавливались надбавки на налоги, взимаемые с совокупности доходов, превышающих 120 руб. (кроме зарплаты), для образования фонда долгосрочных ссуд рабочим строительным кооперативам, из которого выдавались ссуды на нужды кооперативного строительства жилых домов. Полученные через эти источники деньги Дальревком направлял, прежде всего, на ремонт жилого фонда. Так, во Владивостоке в 1924 г. было отремонтировано 82 дома, в Благовещенске – 65, в Чите – 12 домов.⁴ В 1924 г., в соответствии с постановлением Дальревкома, из доходов от помещений, сдаваемых под торговые и промышленные предприятия и учреждения, было необходимо отчислять не менее 5% на рабочее жилищное строительство в губерниях.

19 августа 1924 г. было принято постановление ЦИК «О жилищной кооперации», согласно которому гражданам Союза ССР предоставлялось право объединяться в жилищно-кооперативные товарищества для удовлетворения потребности в жилье.⁵ Жилищно-кооперативные товарищества

¹ Собр. Узак. 1922. №59. Ст. 752.

² Там же. 1924. №63. Ст. 636.

³ В соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г. под нетрудовыми элементами понимались лица, лишённые избирательных прав, к которым относились: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовые доходы, т.е. на проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.д.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и разных культов; д) служащие и агенты царской полиции, корпуса жандармов и охранных отделений; е) лица, признанные в установленном порядке душевно больными или умалишенными, а также состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором. (История советской Конституции. 1917 – 1956. - М., 1957. - С. 155.)

⁴ Отчет Дальревкома и Дальэконо... - С. 423 – 425.

⁵ Собр. Зак. Союза ССР. 1924. №5. Ст. 60.

подразделялись на: жилищно-арендные кооперативные товарищества, рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества и общегражданские жилищно-строительные кооперативные товарищества. На основе этого постановления СНК СССР 21 ноября 1924 г. принял декрет «О мероприятиях по проведению в жизнь постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 19 августа о жилищной кооперации».¹ Данный декрет предоставлял жилищно-арендным кооперативным товариществам право преимущественно перед другими соискателями найма муниципальных строений, а рабочим жилищно-строительным кооперативным товариществам – преимущественное право застройки в городах и пригородах.

В декабре 1924 г. специальным декретом ВЦИК и СНК «Об увеличении жилплощади путем привлечения к строительству частного капитала» разрешалось застройщикам из числа владельцев частного капитала сдавать в наем как жилье так и нежилые помещения.² В марте-апреле 1925 г. Президиум ЦИК СССР издал ряд постановлений «Об отчислениях и налогах на нужды строительства рабочих жилищ».³ Размер отчислений из фондов улучшения быта рабочих государственных промышленных предприятий на нужды строительства рабочих жилищ определялся в 75%. Постановлением СТО от 13 февраля 1925 г. определялся размер и порядок отчислений из прибылей государственных торговых предприятий в фонд кооперативного строительства рабочих жилищ.⁴ Такое отчисление составляло 10% чистой прибыли. И, наконец, Постановлением СНК РСФСР от 28 июля 1925 г. застройщикам жилья предоставлялась серия налоговых льгот. Строения, предназначенные для жилья, с принадлежащими к ним земельными участками, полностью освобождались от государственных и местных налогов и сборов в течение 3 лет со дня восстановления или возведения строения. Если жилая площадь восстановленного или возведенного домовладения составляла не менее 75% всей площади строений, то и в дальнейшем застройщик и его наследники должны были платить только 50% налогов. Таким образом, в основной своей массе жилищное строительство было рассчитано на инициативу частных предпринимателей и кооперативное строительство.

Жилищная кооперация на Дальнем Востоке реально оформилась только к 1927 г., а до этого объем ее строительства был ограничен недостатком средств. Средства же, собираемые в соответствии с декретами, в основном шли на восстановление и ремонт муниципального жилья, другая же, меньшая по объему, часть средств уходила на строительство жилья в городах, где проблема была наиболее обострена, и, наконец, остаток средств перечислялся на счета кооперации. Общий объем строительства был незначи-

телен и не покрывал дефицита жилой площади в крае. Как показывают данные Таблицы 10, с 1924 по 1926 гг. на Дальнем Востоке было построено всего 2796 жилых зданий, из них на долю кооперации приходилось лишь 32 строения.

Намного значительнее государственного и кооперативного развивался частный жилищный сектор, чему способствовали налоговые льготы, предоставляемые государством. Предприниматели строили, по большей части, деревянные строения, обычно в пригороде, которые затем сдавали в аренду предприятиям под жилье для рабочих.¹ Такого же типа преобладали и кооперативные строения. В основном это были маленькие деревянные домики средних размеров (35 – 45 кв. м по площади пола), рассчитанные на удовлетворение потребностей одной семьи.² Вторым типом жилья, преобладающим в кооперативном рабочем строительстве, были временные постройки – дома и плахи с насыпными стенами, которые впоследствии получили названия «бараков». В государственном секторе осуществлялось более фундаментальное строительство, по размерам превышающее и частное и кооперативное в 6-7 раз – деревянные постройки в 120 кв. м и каменные в 150 кв. м по площади пола,³ хотя по объемам строительства государственный сектор в десятки раз уступал частному (Таблица 10).

Таблица 10
Жилищное строительство на Дальнем Востоке в 1924-1926 гг.

Годы	Сектор	Количество строений				
		Каменные	Деревянные	Смешанные	Прочие	Всего
1924	Государственный	1	30	1	5	37
	Кооперативный	-	4	-	1	5
	Частный	3	453	1	151	608
1925	Государственный	9	46	-	13	68
	Кооперативный	-	6	1	1	8
	Частный	1	549	1	152	703
1926	Государственный	19	94	3	6	122
	Кооперативный	-	18	-	1	19
	Частный	6	1032	8	180	1226
	Всего	39	2232	15	510	2796

Примечания: Таблица приведена по: Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927 – 1928 гг. - Хабаровск, 1927. - С 59.

¹ Собр. Зак. Союза ССР. 1924. №89. Ст. 893.

² Собр. Узак. 1924. №90. Ст. 914.

³ Собр. Зак. Союза ССР. 1925. №26. Ст. 176-178.

⁴ Там же. Ст. 184.

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 10. Л. 74.

² Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927 – 1928 гг. - Хабаровск, 1927. - С. 60.

³ Там же. - С. 60.

В результате жилищного строительства в 1924 г. потребность в жилой площади на Дальнем Востоке удовлетворялась на 18,4%, в 1925 г. – на 26,4%, в 1926 г. – на 40,7%, в 1927 г. – на 55,1%.¹ В проекте бюджета ДВК на 1927/28 гг. на 80% было запланировано облегченное деревянное каркасно-засыпное строительство жилого фонда, которое возлагалось на частных предпринимателей, и на 20% - каменные муниципальные постройки с центральным отоплением и водопроводом,² что свидетельствовало о попытке власти, хотя бы временно, за короткий срок, удовлетворить минимальную потребность в жилье. К тому же, в конце 1927 г. ВЦСПС снизил норму необходимой жилой площади по Союзу ССР до 6,1 кв. м на человека,³ что было на 2 кв. м меньше установленной ранее санитарной нормы жилья.

В 1927 г. принимается ряд постановлений центральной власти, которые явились юридическим основанием для развития коммунальных квартир. 1 августа 1927 г. было принято постановление ЦИК и СНК РСФСР «О самоуплотнении»,⁴ согласно которому владельцы или съемщики квартир были обязаны вселять к себе на излишки площади любого человека по своему усмотрению. На реализацию этого постановления отводился строго определенный срок. По истечении этого срока представители специально созданных для отслеживания ситуации домовых комитетов и районных властей имели право на вторжение в жилище и заселение излишков площади по своему усмотрению. Постановлением СНК РСФСР от 24 ноября 1927 г. «О мероприятиях по жилищному хозяйству в городских поселениях» жилищные товарищества обязывались сдавать в распоряжение горсоветов всю освобождающуюся площадь, которые заселяли ее по своему усмотрению, но только трудовыми элементами.⁵ Уплотнению же подлежали в первую очередь нетрудовые элементы. На Дальнем Востоке уплотнению подлежали 16,1% городского населения.⁶ Одновременно, 31 октября 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О праве пользования дополнительной жилой площадью».⁷ Под дополнительной площадью подразумевалась 1 комната, а при ее отсутствии – дополнительные 10 кв. м. Данный декрет содержал и список лиц на дополнительную жилую площадь, куда входили страдающие заболеваниями опорно-двигательного аппарата, научные работники, высшие военные чины, вольнопрактикующие врачи, герои труда, заслуженные деятели науки и искусства, народные и заслуженные артисты РСФСР, члены коллегии адвокатов, а также лица, зани-

маемые должности, перечисленные в специальных перечнях должностей. Перечни должностей, дающих такое право, издавались в отношении работников центральных учреждений и предприятий и их местных органов, не подчиняющихся непосредственно исполкомам местных советов, в отношении общесоюзных и общереспубликанских профсоюзных, партийных, кооперативных и иных общественных организаций, в отношении учреждений, подчиненных местным исполкомам, а также местных общественных организаций.¹

Таким образом, с самого начала жилищная политика строилась по классовому признаку – улучшение условий существования одних (трудового населения) за счет других (нетрудовых элементов), и при этом создавалась система привилегий в отношении, в первую очередь, групп, обладающих властными полномочиями и тех, кто был необходим государству в процессе социалистического строительства.

Классовый характер проводимых в жилищной сфере социальных мероприятий еще более был заметен при установлении ставок оплаты жилой площади.

С середины 1923 г. по август 1928 г. был издан ряд документов, определяющих нормы оплаты жилой площади. 13 июня 1923 г. ВЦИК и СНК приняли декрет «Об оплате жилых помещений в поселках городского типа»,² согласно которому местные исполкомы по согласованию с объединениями профсоюзов устанавливали нормы квартирной платы со следующих категорий населения: 1) лица, живущие на нетрудовые доходы, платят от 3 до 10 руб. в месяц с 1 кв. сажени (4,5 кв. м); 2) лица свободных профессий, а также кустари и ремесленники – 1-2 руб. в месяц; 3) рабочие и служащие государственных и частных предприятий – в зависимости от их заработной платы за текущий месяц: если зарплата не превышала 30 руб. – 10-20 коп., если зарплата составляла от 30 до 59 руб. – 20-40 коп., 50-70 руб. – 40-60 коп., 70-100 руб. – 60-90 коп., свыше 100 руб. – от 90 коп. до 1,20 руб. Учитывая недостаток средств на строительство рабочего жилья на Дальнем Востоке, по решению Дальревкома с согласия профсоюзов, были приняты максимальные ставки по оплате жилья, в соответствии с декретом, для каждой категории.³ При этом, семьи красноармейцев и красных партизан, безработные, имеющие право на получение государственного пособия, учащиеся, освобожденные от платы за учение, по решению Дальревкома, платили не более 10 коп. с одной кв. сажени.⁴ По указанным нормам квартиросъемщики оплачивали занимаемую площадь в пределах не менее 2-х кв. сажень (9 кв. м) на человека. Излишки занимаемой площади оплачивались в двойном размере норм, установленных для каждой категории плательщи-

¹ Слабина Л.А. Ставка на ускорение: уровень жизни населения в 20-е годы (жилищно-бытовые условия и система здравоохранения) //Россия и АТР. – 1996. - № 4. – С. 19.

² Контрольные цифры народного хозяйства Владивостокского округа ДВК на 1928 – 1929 гг. - С. 109.

³ Слабина Л.И. Указ. соч. – С. 20.

⁴ Собр. Узак. 1927. №47. Ст. 470.

⁵ Там же. Ст. 800.

⁶ Отчет Дальревкома и Дальэконо. - С. 36.

⁷ Собр. Узак. 1927. №116. Ст. 783.

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 29. Л. 64.

² Собр. Узак. 1923. №55. Ст. 540.

³ Предварительные итоги бюджетного обследования рабочих и служащих Дальнего Востока в марте 1924 года. Выпуск 1. - Хабаровск, 1924. - С. 43-46.

⁴ Два года советской власти в Амурской губернии... - С. 115-119.

ков. Полуподвальные, темные и чердачные помещения, занимаемые людьми, получающими заработную плату менее 30 руб. в месяц, а также находящиеся на социальном обеспечении, оплачивались ими на 50% ниже установленного тарифа.

В июле 1924 г. был пересмотрен декрет «Об оплате жилых помещений в поселках городского типа». Установленные ранее дифференцированные ставки квартирной платы были сохранены, с одним добавлением: для тех, кто получал свыше 150 руб., ставка квартплаты вводилась в размере 1,20 руб. плюс 10 коп. с каждых полных 10 руб. сверх 150.¹ 4 июля 1926 г. ЦИК и СНК издали постановление «О квартирной плате и мерах к урегулированию пользования жилищами в городских поселениях»,² а 26 августа новый декрет «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках»,³ которые взаимно дополняли друг друга. В соответствии с этими актами основная ставка квартплаты в каждом городе составляла от 35 до 44 коп. за 1 кв. м жилой площади в месяц, а в городах с населением до 40000 чел. была понижена до 26 коп. за 1 кв. м. Для рабочих и служащих с зарплатой менее 125 руб. в месяц вводились следующие скидки с квартирной платы: если зарплата составляла от 20 до 30 руб., то скидка была в 75%; от 31 до 40 руб. – скидка 65% и далее пропорционально; от 111 до 124 руб. – скидка 10%. Для получающих менее 20 руб. в месяц (пенсионеры, инвалиды, учащиеся, безработные и т.д.) ставка составляла 5,5 коп. за 1 кв. м. Для рабочих и служащих, получающих более 145 руб. в месяц вводилась надбавка к квартирной плате в размере 3,3 коп. за 1 кв. м, но не более 1,32 руб. Для кустарей и ремесленников не эксплуатирующих наемного труда квартплата устанавливалась в 22 коп. и увеличивалась с ростом доходов до 1,10 руб. в крупных городах и до 66 коп. в остальных; для кустарей и ремесленников, имеющих 2-3 наемных работника, а также для лиц свободных профессий ставка устанавливалась от 88 коп. до 1,98 руб. за 1 кв. м жилой площади. Для торговцев и прочих лиц нетрудовых категорий в городах с населением свыше 40000 чел. квартплата устанавливалась от 1,98 руб. до 4,40 руб. за 1 кв. м, в остальных городах – от 1,32 руб. до 2,20 руб. Норма жилплощади на 1 чел. определялась в 18 кв. аршин (9 кв. м). Излишки оплачивались в тройном размере; если съемщиками являлись рабочие и служащие, то часть излишков, не достигающая на семью ½ нормы, оплачивалась в одинарном размере. Таким образом, модель жилищных отношений в советском государстве в 1920-е гг. формировалась на базе крайне дифференцированных ставок оплаты жилой площади.

Делая основной упор в социальной политике на улучшение социально-экономического положения трудового населения, советское правительство не могло оставить без внимания проблему безработицы. Безработица

была характерна для всего советского государства в период НЭПа, но, если в центральных регионах страны развивающиеся крупные государственные предприятия могли поглощать рабочую силу, то на Дальнем Востоке этого не происходило: крупного производства не было, а частные предприятия и промысловые хозяйства, с незначительным числом рабочих, не могли предложить большого количества рабочих мест.

В 1923-1924 гг. безработица вырастала в год от 11 до 18% по отдельным месяцам по отношению к началу каждого года.¹ В конце 1924 г. Дальревком вынужден был констатировать, что безработица на Дальнем Востоке приобретает затяжной характер, охватывая, в основном, низко квалифицированный труд, спрос на который, в связи с рационализацией производства, с каждым годом все падал.² Большой процент безработных (до 30%) составляли женщины и подростки, труд которых не имел в довоенное время широкого применения. Из общего числа собственно безработных (1-я категория) было около 90% (в весенние месяцы процент снижался до 75%), остальные относились ко 2-й категории – ищущих работу.

В 1923 г. в ДВО работало 4 биржи труда: Читинская, Хабаровская, Благовещенская, Владивостокская. В июле 1923 г. общее число безработных, зарегистрированных на биржах труда, составляло 25025 тыс. чел.³ Биржи труда обеспечивали, в основном, рабочей силой промысловые артели в весенний и летний периоды и могли предоставить временную низкооплачиваемую работу. В 1923 – начале 1924 г. целенаправленных попыток ликвидировать безработицу на Дальнем Востоке не предпринималось – Дальревком не считал эту задачу первоочередной, и, к тому же, на это не было средств.

К концу 1924 г. власти осознали, что безработные представляют собой «группу риска», вносящую дисбаланс в общество. Безработные ежедневно устраивали попойки, пьяные побоища, приставали к женщинам. На биржах процветала проституция, чему способствовала женская безработица; биржи посещались уголовными элементами, обкрадывающими и обыгрывающими в азартные игры безработных; из безработных формировались шайки для совершения различных преступлений и правонарушений. Горожане обходили биржи стороной, да и милиция предпочитала в них не показываться.⁴ Такая атмосфера на биржах труда складывалась не только на Дальнем Востоке, но и в центральных российских городах. Например, в 1924-1925 гг. в Москве за хулиганство был задержан 581 безработный, что составляло 18% от общего числа задержанных за хулиганство.⁵ Для 1-й категории безработных безработица была хронической – люди не пытались найти работу,

¹ Отчет Дальревкома и Дальэконо... - С. 492.

² Там же.

³ Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. - С. 104.

⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 4. Л. 56.

⁵ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. - С. 178.

¹ Собр. Узак. 1924. №67. Ст. 662.

² Собр. Зак. Союза ССР. 1926. №44. Ст. 312.

³ Там же. №56. Ст. 433.

предпочитая получать пособие, которое, в соответствии с декретом СНК РСФСР от 3 октября 1921 г. «Об обеспечении безработных», составляло ½ минимального заработка для 1 разряда данного тарифного пояса.¹

На Дальнем Востоке с 1 января 1924 г. постановлением Дальревкома было введено страхование по безработице на началах общесоветского тарифа страховых взносов, в соответствии с которым, пособие по безработице стало составлять сумму в 11,9 руб.² Было принято решение о проведении целенаправленной политики по борьбе с безработицей. При Уполнаркомтуде постановлениями Дальбюро ВЦСПС и Дальревкома был создан комитет помощи безработным, финансирование которого должно было осуществляться за счет специальных отчислений предприятий и «пожертвованных», носивших обязательный характер, со стороны предпринимателей.³

23 августа 1924 г. был принят декрет СНК РСФСР «О борьбе с безработицей и о биржах труда», который предписывал провести перерегистрацию безработных на биржах труда, организовать для безработных трудовую помощь в виде общественных работ, отчистить биржи труда от нетрудовых элементов и, из прошедших перерегистрацию, расширить круг обеспечиваемых материальной помощью безработных.⁴ С августа по декабрь 1924 г. на биржах труда была проведена полная перерегистрация, или, так называемая «чистка» безработных. Из списков дальневосточных бирж были исключены нетрудовые элементы; состоящие на учете длительное время безработные, но отказывающиеся от предоставляемой работы без уважительной причины – «хронические безработные»; криминальный элемент – лица, замеченные в хулиганских поступках. В результате проведенной акции количество зарегистрированных безработных на 1 июля 1925 г. составило 14716 чел.⁵ Эта мера носила противоречивый характер. Сократив по официальным сводкам безработицу почти вдвое, Дальревком закрыл глаза на огромное количество безработных, оказавшихся лишенными какого-либо права на помощь со стороны государства.

Для поддержки прошедших перерегистрацию безработных была организована помощь по двум направлениям: переобучение малоквалифицированных безработных в трудовых коллективах и создание общественных работ. В 1925 г. было организовано 64 трудовых коллектива, в которых прошли переобучение 2039 чел (из них 1564 – мужчины, 475 – женщины, 117 – подростки), в 1926 г. в трудовых коллективах было занято 2503 чел. (1765 муж., 738 жен., 170 подросток), в 1927 г. – 3607 чел. (2670 муж., 737 жен., 241 подросток).⁶ Некоторые коллективы достигали размеров значительных, хорошо оборудованных и прибыльных предприятий: как, напри-

мер, судоремонтный и механический завод во Владивостоке с 230 рабочими и в нем же деревообрабатывающая мастерская с 19 рабочими, сапожная мастерская в Чите с 65 рабочими.¹ Средний заработок члена трудового коллектива на Дальнем Востоке составлял 1,47 руб. в день.

Организация общественных работ носила менее упорядоченный характер, прежде всего, по причине дороговизны этого вида помощи. В 1925 – 1927 гг. общественных работ было проведено на сумму 64093 руб. и было отработано 34881 человеко-дней при среднем заработке рабочего в 1,84 руб. в день.² В основном это были каменоломные работы, мощение и планировка улиц, земляные работы, ремонт и возведение мостов. В этот же период Комитетом помощи безработным было организовано 4 общежития в общей сложности на 160 мест, выдача бесплатных обедов (в 1925-1926 гг. – 8260 обедов), выдача мелких пособий (1147 руб.), талонов на бесплатное пользование баней (600) и теплой одежды для посылаемых на работы.³

В результате проводимых мероприятий и ежегодных перерегистраций количество официально зарегистрированных безработных начало медленно снижаться, составив в июле 1926 г. – 12428 чел., а в июле 1927 г. – 11390 чел.⁴ Количество же безработных по неофициальным данным – людей, которые не просто не могли найти работу и не состояли на бирже труда, но и не имели права на защиту от безработицы, – к концу 1927 г. оставалось на уровне 26-30 тыс. чел.⁵

Важным механизмом реализации социальной политики на Дальнем Востоке стала система социального обеспечения и страхования, которое с 1924 г. развивалось в рамках общегосударственной концепции.

В основу создания советской системы социального обеспечения и страхования был положен ленинский принцип социального страхования, в соответствии с которым страхование должно было охватывать всех лиц наемного труда; расходы по содержанию системы страхования и обеспечения ложились на предпринимателей и государство; обеспечение должно было осуществляться во всех случаях утраты трудоспособности, включая старость, инвалидность, беременность и роды и т.д., и в случае потери заработка в условиях безработицы.⁶

В соответствии с декретом «Об утверждении Положения о социальном обеспечении трудящихся» от 31 октября 1918 г.⁷ социальное обеспечение распространялось на случаи: а) оказания всех видов врачебной, лекар-

¹ Три года советского строительства в Дальневосточном крае... - С. 231.

² Там же. – С. 232.

³ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7. Л. 163.

⁴ Профессиональные союзы ДВК: 1925 – 1927 гг. - С. 46.

⁵ Семенова Е.В. Становление и реализация советской модели социального обеспечения в условиях юга Дальнего Востока (октябрь 1917 – июнь 1941 гг.): Дис. ...канд. ист. наук. – Благовещенск, 2001. – С. 103.

⁶ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 21. - С. 146.

⁷ Собр. Узак. 1918. №39. Ст. 906.

¹ Собр. Узак. 1921. №68. Ст. 536.

² Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. - С. 85.

³ Отчет Дальревкома и Дальэконо... - С. 495.

⁴ Собр. Узак. 1924. №77. Ст. 779.

⁵ Профессиональные союзы ДВК: 1925 – 1927 гг. - С. 46.

⁶ Там же. - С. 47.

ственной и т.п. помощи и родовспоможения нуждающимся в ней лицам; б) временной утраты средств к существованию вследствие нетрудоспособности, независимо от причины ее вызвавшей; в) постоянной утраты средств к существованию вследствие нетрудоспособности, вызванной увечьем, болезнью, старостью и т.п.; г) утраты средств к существованию вследствие безработицы, происшедшей не по вине безработного. Предусматривалось также принятие предупредительных мер против заболеваний, увечий и т.п., а равно облегчение их последствий. На основе этого декрета и ряда других положений в 1918 – 1920 гг. была создана система социального обеспечения и страхования лиц наемного труда.¹ Однако, с началом НЭПа потребовалось внесение корректировок в уже созданную систему, что было отмечено в постановлении IX Всероссийского съезда Советов по вопросам новой экономической политики и промышленности от 31 декабря 1921 г.,² после чего были внесены дополнения и поправки к ранее принятым декретам, в соответствии с которыми, социальное обеспечение и страхование не должно было распространяться на нетрудовые элементы.³

Переход Дальнего Востока на советскую систему социального страхования происходил в течение 2-х лет, поскольку этот процесс требовал корректировки в соответствии с местными условиями. Закон ДВР «О социальном страховании» от 10 января 1922 г. сохранял свою юридическую силу и после ликвидации республики, но постепенно ограничивался, однако участие представителей страховщиков в органах управления соцстраха было отменено уже в декабре 1922 г.⁴ В июле 1923 г. Страховой совет и страховые присутствия были преобразованы в управления социального страхования отделов труда. С 1 января 1924 г. постановлением Дальревкома закон ДВР «О социальном страховании» был отменен, и было введено в действие советское законодательство о социальном страховании.

В основе введения советской системы социального страхования лежала идеологическая подоплека. Так, страхование по инвалидности и безработице на началах общесоветских тарифов страховых взносов было введено уже с 1 января 1923 г. Это было обусловлено, во-первых, политической ситуацией: новая власть обязана была продемонстрировать заботу о тех трудящихся, которые были лишены трудоспособности ввиду полученных трудовых увечий, в том числе, и на частных предприятиях до 1922 г., и о тех, кто получил увечья на фронтах гражданской войны, и, во-вторых, не-

обходимо было ослабить социальную напряженность, обеспечив пособием неспособных найти работу не по своей вине.

На 1 января 1924 г. на Дальнем Востоке было создано Дальневосточное управление социального страхования, которому подчинялись 5 губернских управлений (Прибайкальской, Амурское, Приамурское, Приморское и Камчатское), 20 страховых касс (16 территориальных и 4 транспортных).¹ В 1923 – 1924 гг. социальное страхование стало быстро распространяться по региону: на 1 октября 1922 г. количество застрахованных было 6953 чел., на 1 октября 1923 г. – 73757 чел., на 1 октября 1924 г. – 107835 чел., и на 1 октября 1925 г. – 120000 чел.² За три года число застрахованных увеличилось более чем в 17 раз.

На первом месте по числу застрахованных стояли страховые кассы по временной нетрудоспособности, выдающие пособия по болезни, беременности и родам, на втором месте – страхование по инвалидности. В соответствии с советским законодательством инвалиды делились на следующие группы: 1-я группа – совершенно беспомощные, нуждающиеся в постороннем уходе (на 1 сентября 1925 г. на Дальнем Востоке было зарегистрировано 209 чел.); 2-я группа – неспособные к труду, но не нуждающиеся в постороннем уходе (1217 чел.); 3-я группа – способные к легкой и непродолжительной работе (1317 чел.). На обеспечении страховых касс, помимо инвалидов, на 1 сентября 1925 г. находилось 1929 семей, потерявших кормильцев, а также 350 работников просвещения, проработавших более 25 лет и получающих пенсию за выслугу лет.³ На последнем месте по числу зарегистрированных стояли кассы страхования по безработице. В 1925 – 1926 гг. из общего количества безработных застраховано было не более 28%.

В 1925 г. была проведена государственная реформа системы социального страхования. 6 февраля 1925 г. постановлением Президиума ЦИК было утверждено Положение о Союзном совете социального страхования при Наркомате труда СССР.⁴ Данный совет был учрежден с целью общего регулирования дела социального страхования в стране. Ведению союзного совета соцстраха подлежало общее руководство деятельностью центрального управления Социального страхования, рассмотрение и утверждение общего плана работы данного управления, согласование общих основ организации лечебной помощи застрахованным и их семьям и т.д. Под особый контроль Союзного Совета соцстраха было поставлено социальное обеспечение инвалидов гражданской войны. 30 января 1925 г. Президиум ЦИК принял Постановление «Об обеспечении инвалидов гражданской войны из числа рабочих и служащих, а также семей рабочих и служащих, погибших

¹ Более подробно о создании советской системы социального обеспечения и страхования см.: Шалугина И.Б. Социальное обеспечение в РСФСР в 20-е годы: Дис. ...канд. ист. наук. - М., 1990; Семенова Е.В. Становление и реализация советской модели социального обеспечения в условиях юга Дальнего Востока (октябрь 1917 – июнь 1941 гг.): Дис. ...канд. ист. наук. – Благовещенск, 2001.

² Собр. Узак. 1922. №4. Ст. 43.

³ Там же. №6. Ст. 64, 65; №7. Ст. 77, 17, №17. Ст. 176.

⁴ Три года советского строительства в Дальневосточном крае... - С. 234.

¹ Три года советского строительства в Дальневосточном крае... - С. 234.

² ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7. Л. 64.

³ Там же. Л. 66-68.

⁴ Собр. Зак. Союза ССР. 1925. №8. Ст. 74.

в гражданской войне».¹ На эти цели было выделено 20000 пенсионных единиц, которые Совнаркому было поручено распределить по союзным республикам пропорционально численности населения. Из них на РСФСР выделялось 13700 пенсионных единиц, из которых квота Дальнего Востока составила 850 единиц.² 25 сентября 1925 г. Президиум ЦИК принял постановление «О социальном страховании для лиц, занятых по найму в домашнем хозяйстве», согласно которому за нянь, кухарок, кормилиц, домработниц и т.д. наниматели обязаны были уплачивать взносы на социальное страхование в размере 10% заработной платы.³

Из средств страховых касс выплачивались не только пособия и пенсии, но также шла организация санаторно-курортного лечения и профилактической помощи. За период 1926 – 1927 гг. лечение в домах отдыха прошло 3407 чел. дальневосточников, в санаториях – 478 чел., на курортах – 697 чел.⁴

Увеличение выплачиваемых пособий происходило соответственно росту заработной платы, а распределение средств находилось строго под контролем профсоюзов. На 1 сентября 1927 г. единовременное пособие по уходу за ребенком составляло 22,24 руб., ежемесячное пособие по потери кормильца – 5,58 руб., пособие по временной утрате трудоспособности выплачивалось в полном размере заработной платы соответствующего разряда, пособие по безработице составляло 16,28 руб.⁵ Однако, право на пособие по безработице имело только 32% от общего числа застрахованных, или 40 – 45 чел. на 1000 застрахованных. Пенсии по инвалидности составляли 40% средней заработной платы данного тарифного пояса: инвалиды 1-й группы – 18 руб., инвалиды 2-й группы – 12,8 руб., инвалиды 3-й группы – 9,12 руб.⁶ Общий денежный уровень выплачиваемых пособий был крайне низким, составляя лишь 25 – 35% стоимости бюджетного набора в месяц на одного человека.

Быстрый рост системы социального страхования на Дальнем Востоке был обусловлен еще и желанием людей получить через страховые кассы не только дополнительные средства в трудных жизненных ситуациях, но и возможность получения медицинской помощи. Это было связано с низким уровнем развития медицины в регионе. Только за первое полугодие 1925 г. страховыми кассами было израсходовано: на пособие по болезни и на оказание медицинской помощи 1427 тыс. руб., остальные социальные выплаты составили 252 тыс. руб.⁷

¹ Собр. Зак. Союза ССР. 1925. №7. Ст. 71.

² Там же.

³ Там же. №66. Ст. 491.

⁴ Профессиональные союзы ДВК: 1925 – 1927 гг. - С. 47.

⁵ Там же. - С. 64.

⁶ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 133. Л. 11-14.

⁷ Три года советского строительства в Дальневосточном крае... - С. 235.

К концу 1922 г. медицинское обслуживание населения на Дальнем Востоке находилось в зачаточном состоянии: 87,2% населения вовсе не пользовались советами и помощью врачей, а 90% не были в состоянии пользоваться больничной помощью.¹ Сельские жители были практически лишены возможности обратиться за медицинской помощью, да и в городах положение было не лучше, причиной чему являлось существование ведомственной медицины. Все лечебные учреждения находились в ведении городских коммун и железной дороги. Страховая же медицина была образована только в июле 1924 г. По данным отчета Дальревкома за 1923 г. в губернских городах было 9 больниц с общим числом коек 770, где на 1 койкоместо приходилось 350 чел.² В губернских масштабах эти пропорции выглядели еще больше: по ДВО, в среднем, на 1 врача приходилось 9780 чел. населения, на одну больничную койку – 1180 чел., на одного зубного врача – 40100 чел.³ Весь медицинский персонал области был представлен 247 врачами (из них 200 проживали в городах), 472 фельдшерами и 37 акушерками.

15 сентября 1922 г. был принят декрет СНК «О санитарных органах республики»,⁴ в ведение которых отдавались санитарная охрана воды, воздуха, почвы, жилища, пищевых продуктов, организация противоэпидемических мероприятий и борьба с социальными болезнями, охрана здоровья детей, санитарная статистика, общая организация лечебно-санитарного дела. Этот декрет был введен в действие на Дальнем Востоке постановлением Дальревкома только 20 июля 1923 г.

Основной проблемой, с которой столкнулся Дальревком при налаживании системы государственного медицинского обслуживания, была нехватка денежных ресурсов. Финансирование здравоохранения должно было осуществляться за счет дотаций Наркомздрава, средств, отпускаемых Дальревкомом, местных средств губревкомов. В 1922-1923 г. финансирование выглядело следующим образом: дотации Наркомздрава – 634 тыс. руб. (против запланированных 713 тыс.) и средства Дальревкома – 16,7 тыс. руб. (против 20 тыс. руб.).⁵ Средства Дальревкома формировались в основном за счет налоговых поступлений с местной промышленности (как государственного, так и частного промышленного сектора), которая в этот период еще не была окончательно восстановлена, и с сельского хозяйства, где сбор налогов еще не был четко отлажен, а потому были весьма незначительны.

Полное организационное оформление дальневосточного здравоохранения завершилось только к концу 1925 г. Ведение всем делом здравоохранения

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

² Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию Дальнего Востока... - С. 63, 117, 181.

³ Два года советской власти в Амурской губернии. - С. 75.

⁴ Собр. Узак. 1922. №80. Ст. 1040.

⁵ Отчет Дальревкома и Дальэконо... - С. 464.

нения было возложено на Уполномоченного Наркомздрава РСФСР, являющегося одновременно и заведующим Отделом здравоохранения Дальревкома (Дальздрав). Дальздрав распадался на 5 подразделов: административный, лечебный, санитарно-профилактический, охраны материнства и младенчества, охраны здоровья детей и подростков; и несколько отделений: санитарного просвещения, отделения социальных болезней, статистики и медпомощи застрахованным. Отдельно были созданы Дальневосточное курортное управление и Дальмедторг.

С образованием четкой структуры управления здравоохранением была налажена и система финансирования: если в 1922 – 1923 гг. на здравоохранение было выделено 650,7 тыс. рублей, в 1923 – 1924 гг. эта сумма составляла 741 тыс., в 1924 – 1925 гг. – 906, 2 тыс., в 1925 – 1926 гг. – 1126,1 тыс. руб. (Таблица 6 Приложения). Наряду с ростом финансирования улучшился и уровень медицинского обслуживания. Большую роль здесь сыграло и развитие страховой медицины с января 1924 г., когда львиную долю средств стали собирать страховые кассы, что позволило выкупать курортно-профилактические лечебные учреждения у частных лиц. К 1927 г. была налажена сеть амбулаторной помощи по городам: в Чите функционировала амбулатория Дальздрава и амбулаторная сеть читинской страховой кассы (5 единиц) с общими и специальными приемами, в Благовещенске 14 амбулаторий, во Владивостоке 9 амбулаторий и 2 поликлиники, 5 амбулаторий в Хабаровске и 3 в Никольск-Уссурийске.¹ Во Владивостоке, в Хабаровске и Чите в 1925 – 1926 гг. была открыта сеть зубокабинетов, с общей пропускной способностью каждого в 4338 посещений,² что для того времени было огромным достижением.

Особо остро стояла проблема обеспечения лечебной помощью в сельских местностях. Традиционным для России был метод построения сельской лечебной сети исходя из радиуса врачебных участков. Критерием являлся радиус в 10 – 15 верст, на котором врачебная помощь считалась вполне доступной для населения. При таком радиусе врачебных участков, в среднем, по России один врач обслуживал 11 – 12 тыс. чел. населения.³ При малой плотности населения Дальнего Востока радиус обслуживания одного участка составлял 30 – 40 верст. На все сельское население к концу 1927 г. приходилось 36 врачебных участков, из которых было 26 больниц с 300 койко-местами и 196 фельдшерских пунктов. Один участок обслуживал в среднем 32000 чел. По отдельным губерниям на сельское население приходилось: в Приморье 15 участков и 71 фельдшерский пункт (1 участок на 28974 чел.), в Амурской губернии – 7 участков и 57 фельдшерских пунктов (1 участок на 42000 чел.) и в Забайкалье – 14 врачебных участка и 41

фельдшерский пункт (1 участок на 30643 чел.).¹ В целом же, общий рост медицинского обслуживания сельского населения по сравнению с 1923 г. вырос на 43,2%.²

Развитие медицинского обслуживания населения на Дальнем Востоке, в рамках создаваемой новой модели, росло значительно медленнее, чем в центральной России, причиной чему являлось отсутствие квалифицированного медицинского персонала при низкой заработной плате и ведомственный характер сети больничных учреждений. Сохранение длительное время ведомственной медицины оправдывалось желанием Дальревкома, во-первых, не допустить к бесплатному медицинскому обслуживанию нетрудовые элементы. Для этой социальной категории предусматривались платные медицинские услуги. Во-вторых, это был своеобразный механизм конкуренции с частными предприятиями за квалифицированную рабочую силу, поскольку последние, хотя и имели более высокие ставки заработной платы, но не были охвачены сетью страховых касс.

Наряду с развитием медицинского обслуживания, еще одним важным аспектом социальной политики было развитие народного образования и защиты детства, поскольку, именно «соответственно» воспитанное молодое поколение должно было в будущем стать социальным фундаментом советской государственности. К тому же, одним из механизмов советизации территорий, избранным большевиками с 1917 г., было распространение печатных материалов идеологического содержания, что имело смысл только при условии достаточного уровня грамотности среди населения, а для Дальнего Востока это было еще и залогом успешной советизации.

По данным переписи 1923 г. процент грамотных среди всего населения ДВО равнялся 37,5%. По РСФСР средний уровень грамотности выражался в 50%, из них от общего количества населения: в Сибири – 42%, в Центральном районе – 51%, в Московской губернии – 76,1%.³

Распространение образования считалось важным социальным фактором освоения дальневосточных окраин и в предреволюционный период, благодаря чему к 1917 г. сеть начальных школ была достаточно разветвленной, и в период ДВР ее в основном удалось сохранить. Школ 1-й ступени (обучение детей от 8 до 12 лет) на Дальнем Востоке насчитывалось в 1923 г. 1547 с общим количеством учащихся в 101616; школ 2-й ступени (обучение детей от 12 до 17 лет) – 56, с количеством учащихся – 13078 (Таблица 7 Приложения). Общее количество учителей школ 1-й и 2-й ступени составляло 3700 чел. При этом, на Дальнем Востоке одна школа 1-й ступени приходилась на 1055 жителей, а школа 2-й ступени – на 29100 жителей, в то время как в центральной России, соответственно, на 1400 и на

¹ Стенограмма первого Дальневосточного краевого съезда советов. Хабаровск, 1926. - С. 478 – 481.

² Там же.

³ Отчет Дальревкома и Дальэконо. - С. 472.

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 5. Л. 37.

² Там же.

³ Дальревком: первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке в 1922 – 1926 гг. Сб. документов. - Хабаровск, 1957. - С. 125.

45000 жителей.¹ Резкой разницы в охвате детей школьным образованием на Дальнем Востоке, по сравнению с общим числом охвата образованием по России, не наблюдалось: по РСФСР общее отношение учащихся по отношению к количеству детей школьного возраста выражалось в 46%, по ДВО – 44,6%. Общий же процент неграмотного населения был на Дальнем Востоке выше общероссийского и определялся за счет людей старших поколений, особенно в сельской местности и среди коренного населения.

Развитие образования на Дальнем Востоке было определено Дальревкомом по нескольким направлениям: развитие школ 1-й и 2-й ступени и семилеток, с введением советской методики преподавания, развитие сети школ крестьянской молодежи, развитие высшего и средне специального образования, ликвидация неграмотности среди взрослого населения. Как в школы 1-й, так и 2-й ступени в первую очередь принимались дети рабочих, крестьян, членов профсоюзов и, при условии наличия свободных посадочных мест в классах, так называемые «прочие» – дети предпринимателей, домовладельцев, лавочников и т.д.² Однако, практика показывала, что таким детям обычно отказывали в принятии в школу для обучения.

На 1 января 1926 г. по трем дальневосточным губерниям без Камчатки и Сахалина числилось 159807 детей в возрасте от 8 до 11 лет; к этому времени школами 1-й ступени было охвачено 111609 чел., школами 2-й ступени – 17740 чел.³ В сельских местностях преобладали школы 1-й ступени, которые предусматривали 4-х летнее обучение, на самом же деле учащиеся пребывали в них, в среднем, 2,6 года. Сам же учебный год в сельской местности продолжался не более 150 дней, а местами доходил до 115 дней, что было обусловлено системой полевых работ. К 1927 г. количество школ 1-й ступени увеличилось, по сравнению с 1923 г. в Приморье на 70, в Забайкалье – на 27, в Амурской губернии – на 18.⁴ Рост школьной сети не соответствовал строительству школьных зданий, и к 1927 г. общее количество школьных зданий было на уровне 1915 г., из-за чего занятия проводились в 3-4 смены.

С 1924 г. начался рост сети семилетних школ, количество которых к концу 1926 г. составило 53. Распоряжением Далькрайкома в октябре 1926 г. старшие классы семилеток были переведены на программы профессиональной подготовки, в соответствии с которыми, учащиеся старших классов усваивали определенную профессию. При всем этом, сельское население не было охвачено школами 2-й ступени и семилетками.

Для обеспечения промышленности квалифицированными специалистами была создана к 1927 г. сеть техникумов. Однако, они сразу же оказались закрытыми для крестьянских детей, хотя из 30 техникумов – 12 гото-

вили специалистов для сельского хозяйства. Причиной этому было то, что в техникумы принимали из семилеток, которых в деревнях не было. Для крестьянского населения были открыты с 1 октября 1924 г. школы крестьянской молодежи. Эти школы были предусмотрены для Дальнего Востока Наркомпросом в количестве 12 – по 4 на губернию, и носили идеологический характер: в их задачи входила организация изб читален, распространение газет, организация пунктов по ликвидации неграмотности, проведение комсомольских курсов и конференций.¹ В 1926 г. общее количество учащихся в школах крестьянской молодежи было 952 чел., при количестве педагогов в 60 чел.² Одним из основных направлений в деятельности ШКМ было введение новых форм хозяйствования: они обеспечивались сельскохозяйственным инвентарем и носили показательный агитационный характер. Вторым направлением была организация пунктов по ликвидации неграмотности, работа в которых ложилась как на преподавателей, так и на учащихся.

К началу 1927 г. из основных учреждений народного образования на Дальнем Востоке было 1644 школы 1-й ступени с 111609 учащимися, 79 школ повышенного типа (2-й ступени, семилетки, школы крестьянской молодежи) с 18698 учащимися, 30 техникумов с 3437 учащимися и 578 изб-читален, которые обслуживали 148460 человек.³ Особое значение имела работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В 1923 – 24 гг. через систему пунктов ликвидации неграмотности прошло 1705 чел., в 1924 – 25 гг. – 10665 чел., в 1926 – 27 гг. – 24302 чел.⁴

В 1923 г. был образован Дальневосточный государственный университет (ГДУ) в составе 5 факультетов, соответствующих потребностям экономического развития региона: восточный, педагогический, агрономический, технический и рабочий. Создание университета было высшим достижением в сфере образования, что выражалось и в зарплате педагогического персонала, являющейся одной из самых высоких в системе государственных предприятий и учреждений ДВО. В 1926 г. в университете обучалось 1466 студентов, из которых 321 – на рабочем факультете.⁵ По социальному составу это были дети и члены семей рабочих, членов профсоюзов, партийных руководителей и государственных служащих.

В целом, спрос на специалистов и квалифицированную рабочую силу удовлетворялся на Дальнем Востоке двумя путями: через ввоз из центра и других областей и через подготовку в пределах края. Общая подготовка специалистов в крае к 1927 г. проводилась: руководящий персонал высшей квалификации (инженеры, ученые агрономы, лесоводы, учителя высшей квалификации, востоковеды) – в ГДУ, средний руководящий персонал (тех-

¹ Отчет Дальревкома и Дальэконо. - С. 434.

² Стенограмма первого Дальневосточного краевого съезда советов. – Хабаровск, 1926. - С. 446-476.

³ Три года советского строительства в Дальневосточном крае... - С. 59.

⁴ Стенограмма первого Дальневосточного краевого съезда советов. - С. 456.

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 2. Л. 136.

² Там же.

³ Дальревком. Первый этап мирного строительства на Дальнем Востоке... - С. 125.

⁴ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 5. Л. 27.

⁵ Там же.

ники для всех видов промышленности и сельского хозяйства, учителя и средний медперсонал) – в техникумах, квалифицированные рабочие – в профшколах различных специальностей, школах фабзавуча и на специальных курсах.¹

Доля образования в местном бюджете ежегодно с 1923 г., определялась в 20 – 25%. Общая сумма расходов на образование по государственному и местному бюджету в 1926 – 27 гг. увеличилась по сравнению с 1924 – 25 гг. на 23,5%; ассигнования же 1924 – 25 гг. были выше ассигнований 1923 – 24 гг. на 11,6%.² Доля расходов на народное образование на душу населения выглядела следующим образом: в 1922 – 23 гг. – 2,04 руб., в 1923 – 24 гг. – 2,21 руб., в 1924 – 25 гг. – 3,07 руб., 1925 – 26 гг. – 3,74 руб.³

Общее «наступление на неграмотность», которое велось на Дальнем Востоке в 1923 – 27 гг., особенно в деревне, носило характер «кампанейщины и чрезвычайщины», к тому же, не смотря на все усилия местной власти, для широкого распространения систематического школьного образования средств было недостаточно. В январе 1928 г. Дальревком вынужден был признать наличие среди взрослого населения ДВО огромного количества неграмотных: 42% от общего числа населения в возрасте от 17 до 35 лет.⁴ Особенно высокая концентрация неграмотных была в деревне (84%) и среди женщин (66%).⁵ Было ясно, что путем краткосрочного натиска стабильных знаний привить невозможно. Неполноценное же «ликбезовское» обучение производило, зачастую, далеко не полноценных по уровню грамотности людей. Недаром широкое хождение в народе получил термин «недоучка». Вместе с тем, благодаря ликпунктам во многих деревнях Дальнего Востока появились люди, способные кое-как писать, считать и воспринимать пропаганду элементарных научных и политических знаний, которые для многих становились своего рода откровением. В целом же, в 1920-е годы был сделан огромный шаг в деле распространения образования. Школы, техникумы, ФЗУ и Вузы заполнялись рабочей и крестьянской молодежью, открывая дорогу тем, кто желал учиться, не смотря на классовый подход к приему учащихся. Из тех, кто получил доступ к образованию, формировалось новое деятельное, политически ангажированное поколение советских людей, ставших опорой режиму, объединенных чувством общности и сопричастности ко всему новому. Поэтому работа с молодежью имела особое политическое значение.

Еще более сложной задачей, чем распространение грамотности, представлялась борьба с детской беспризорностью как на Дальнем Востоке, так и в государстве в целом. Рост беспризорности в начале 1920-х гг. являлся

прямым следствием гражданской войны и особенно был заметен на территориях, затронутых боевыми действиями.

Решить эту проблему пытались уже в 1921 г. 23 сентября 1921 г. было издано положение СНК «О детской социальной инспекции»,¹ в задачи которой входила борьба с детской беспризорностью, нищенством, проституцией, спекуляцией, правонарушениями. Детские социальные инспектора, люди не моложе 21 года, обязаны были дежурить в публичных местах (без оружия и каких либо опознавательных знаков), посещать предприятия, где использовался детский труд, семьи, учреждения и в случае необходимости задерживать несовершеннолетних правонарушителей и направлять их в детские приемно-распределительные пункты.

В 1923 г. в соответствии с декретом на Дальнем Востоке было образовано два приемно-распределительных пункта: в Забайкальской и Приморской губерниях. В этот же период имелось 24 детских дома с общим количеством детей в них 2560 чел.² В 1923 – первой половине 1924 г. через приемные пункты прошло 273 чел., из которых 101 были определены в детские дома, 16 – в колонии для трудновоспитуемых подростков (4 колонии на область: 3 – в Приморье и 1 – в Забайкалье), 4 было устроено на работу и 40 чел. сбежали. Детдома и колонии были перегружены, недоставало средств на их содержание. В детдомах на питание детей тратилось в среднем 7 руб. в месяц (Читинский центральный детский дом – 9 руб.), в то время как для более-менее нормального развития ребенка требовалось не менее 16 – 23 руб. в месяц.³ Ощущался острый недостаток в одежде и обуви, в штатах воспитательного и технического персонала. На 1 воспитателя приходилось до 30 – 40 детей. Заработная плата воспитателей составляла от 33 до 52 руб. в месяц (без обеспечения квартирой и столом) за 10 – 12 часов работы, что было причиной высокой текучести кадров.⁴ В 1923 – 24 гг. расходы на борьбу с детской беспризорностью составили лишь 1,2 % от общих расходов на образование.

Более целенаправленная ликвидация детской беспризорности началась на Дальнем Востоке со второй половины 1924 г. В июле 1924 г. было принято постановление ЦИК «Об общесоюзном и местном фондах им. В.И. Ленина для организации помощи беспризорным детям»,⁵ где определялся размер фонда в 100 млн. руб., из которых 50 млн. руб. вносились правительством СССР в течение 5 лет, а еще 50 млн. руб. составлялись из 20% добровольных отчислений из местных фондов и других сборов, производимых на основании особых постановлений местных органов власти. В соответствии с постановлением, с октября 1924 г., началось финансирование из госбюджета мероприятий по борьбе с детской беспризорностью. По

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 5. Л. 32.

² РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 2. Л. 138.

³ Там же.

⁴ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7. Л. 224.

⁵ Там же.

¹ Собр. Узак. 1921. №66. Ст. 506.

² Три года советского строительства в Дальневосточном крае... - С. 63.

³ Отчет Дальревкома и Дальэконо... - С. 439.

⁴ Там же. - С. 440.

⁵ Собр. Зак. 1924. №3. Ст. 33.

факту поступления денег постановлением Дальревкома от 15 октября 1924 г. были созданы комиссии по делам несовершеннолетних нарушителей.¹ Было образовано три губернских комиссии (Амурская, Приморская, Забайкальская) и 10 уездных. Помимо госбюджетного финансирования было принято решение о местном финансировании, средства на которое должны были поступать от эксплуатации предприятий (10% налог), устройства платных развлечений со сбором средств на борьбу с беспризорностью. С 1 января 1925 г. было организовано «дальневосточное общество друзей детей», а губернские местные комиссии были реорганизованы в губернские отделы ДОДД и комиссии по делам несовершеннолетних (КОМОНЕС), а для более эффективного финансирования и продовольственного обеспечения было произведено укрупнение и реорганизация детских домов и колоний.²

В 1926 г. Далькрайом отчиталось о результатах проделанной работы перед Далькрайисполкомом. Впервые в официальных отчетах было названо общее количество беспризорных детей в крае – 8000 человек. После реорганизации и укрупнения из детских учреждений в 1926 г. насчитывалось: 18 детдомов и 2 детприемника, в которых было размещено лишь 2500 чел. детей, – 30% от общего количества беспризорных.³ При этом было отмечено, что количество беспризорных по материалам Далькрайом ориентировочно составляет не более 30% от общего их количества в крае, поскольку «этот контингент не поддается учету». Отмечалось и недостаточное количество отпускаемых средств: так в 1924 – 25 гг. финансирование на борьбу с беспризорностью составило 4,9% от общего количества средств на образование, в 1925 – 26 гг. – 5,7%, в 1926 – 27 гг. – 6,8%, что было явно недостаточно.⁴

В 1926 г. Далькрайком нашел новые способы борьбы с детской беспризорностью через организацию шефств предприятий над детскими домами, организацию профшкол для беспризорных детей с их полным содержанием и обеспечением, определение подростков в школы крестьянской молодежи и школы 2-й ступени, определение детей по специальной детской брони для работы на предприятиях, определение детей на воспитание в рабочие и крестьянские семьи.⁵ Эти меры позволили выпускать до 28% воспитанников детских домов в год (определение в семьи и рабочие коллективы), увеличив пропускную способность детских домов. Однако, полная ликвидация беспризорности в условиях НЭПа была невозможна из-за недостатка средств при остаточном финансировании. Общее количество беспризорных детей в РСФСР в 1926 г. составляло около 1,2 млн. чел., из них на Дальний Восток приходилось 2,3% или, по неофициальным данным,

26600 чел.¹ По сравнению с другими регионами страны это цифра была незначительна, поскольку только в Московской губернии количество беспризорных приближалось к 65 тыс.²

Во время подготовки к празднованию десятилетия советской власти в 1927 г. обнаружилось, что огромная численность беспризорных детей по стране сбивает все отчетные показатели, и было принято решение о масштабном увеличении темпа борьбы по ликвидации беспризорности. В июне 1927 г. были приняты два постановления ВЦИК и Совнаркома РСФСР «Об утверждении положения о Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК и местных комиссиях по улучшению жизни детей».³ Целью данной комиссии было общее руководство ликвидацией детской беспризорности; она имела право проводить свои мероприятия по борьбе с беспризорностью через соответствующие ведомства и общественные организации, а также имела право ознакомления с деятельностью всех государственных и общественных учреждений, осуществляющих помощь детям. Согласно второму постановлению все учреждения и заведения по улучшению жизни детей освобождались от всех налогов и сборов, как государственных так и местных; все торговые, производственные, зрелищные предприятия, эксплуатируемые местными комиссиями по улучшению жизни детей, – от местных налогов и сборов; все учебно-производственные мастерские, обслуживаемые рабочей силой воспитанников детских домов – от государственных и местных налогов. Через неделю было издано еще одно постановление ВЦИК и СНК РСФСР – «О плане борьбы с детской беспризорностью», в котором отмечалось, что во многих губерниях выпуск из детских домов происходит без трудоустройства подростков и обеспечения им прожиточного минимума, что ведет к воспроизводству беспризорности.⁴ Постановление обязывало включать в местные бюджеты расходы на трудовую подготовку всех подростков детских домов. Детские учреждения обязаны были трудоустраивать своих выпускников: передавать их на производство или в обучение кустарям, ремесленникам, крестьянские семьи, кооперативные артели и т.д. Однако, это постановление не способствовало улучшению ситуации, а напротив, породило порочную практику: когда крестьяне, кустари, ремесленники стали брать беспризорных детей на воспитание с целью получения налоговых льгот не обеспечивая им при этом нормальных условий существования, и дети бежали из этих семей вновь на улицу. Только за 6 месяцев 1927 г. по Дальнему Востоку около 800 подростков сбежали из семей, куда они были определены.⁵

Таким образом, недостаток финансовых средств и периодичность проводимых мероприятий по ликвидации детской беспризорности, отсутствие

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 5. Л. 31.

² Два года советской власти в Амурской губернии. - С. 197.

³ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 5. Л. 31.

⁴ Там же. Л. 32.

⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 114. Л. 56.

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 114. Л. 56.

² РГАЭ. Ф. 396. Оп. 7. Д. 14. Л. 105.

³ Собр. Узак. 1927. № 61. Ст. 422, 423.

⁴ Там же. №65. Ст. 446.

⁵ Семенова Е.В. Указ. соч. – С. 86.

четкой программы действий, как на региональном, так и на общесоюзном уровне, не способствовало в период НЭПа ликвидации проблемы беспризорного детства.

Совершенно особым направлением в социальной деятельности советского правительства сфере выступала политика в отношении крестьянства.

Между дальневосточным крестьянством и крестьянством остальных регионов России, особенно в период введения НЭПа, имелось значительное различие. До 1917 г. дальневосточное крестьянство, вследствие переселенческой политики царского правительства, в большинстве своем не платило никаких налогов, находясь, таким образом, в более привилегированном положении, чем крестьянство остальных российских губерний. Это имело важное значение при переходе к НЭПу. Если введение с началом НЭПа продовольственного налога в центральных регионах было воспринято как уменьшение экономического гнета по сравнению с действиями продотрядов, то введение продналога на Дальнем Востоке было воспринято как продолжение политики военных грабежей.

Определяя социальное содержание НЭПа, как политики, направленной на укрепление «союза» рабочего класса и мелкого крестьянского хозяйства идеологи большевизма изначально не учли тот факт, что в состав российского государства будут входить и губернии, где большинство составляют не мелкие, но крупные крестьянские хозяйства.¹ Установленная декретом СНК «О натуральном налоге на хлеб, картофель и масляные семена» от 21 апреля 1921 г. подесятичная ставка налога, при установлении общей суммы увеличивалась во столько раз, сколько десятин и едоков имело хозяйство.² Если для мелкокрестьянских хозяйств центральных губерний введение продналога по минимальным ставкам означало общее улучшение экономической обстановки для развития хозяйств, то введение максимальных ставок продналога для крупных хозяйств Дальнего Востока воспринималось с точностью «до наоборот». Таким образом, сразу же наметился своеобразный разрыв в социальной политике по отношению к крестьянству на Дальнем Востоке и в центральной России, когда Правительство заняло позицию жесткого диктата в отношении к региону без учета специфики его деревни.

Уже на IV Дальневосточной партийной конференции РКП(б), состоявшейся в октябре 1922 г., отмечалось недовольство крестьян налогами и зачитывались обращения крестьян с просьбами об отмене или значительном сокращении налогов.³ К тому же, кроме продовольственного налога, на жителей дальневосточных деревень возлагался целый ряд повинностей, целью которых был сбор средств для восстановления хозяйства региона, -

специальный волостной сбор, подводная повинность, в ряде волостей замененная подводным налогом.¹

В 1923 г. положение дальневосточного крестьянства еще более ухудшилось. На XII Съезде РКП(б), проходившем 17-25 апреля 1923 г., в резолюции «О налоговой политике в деревне» было принято решение о введении единого «прямого сельскохозяйственного налога», который должен был унифицировать все имеющиеся многочисленные сборы и повинности.² Если продналог и иные повинности крестьянин мог сдавать натурой, то единый сельхозналог он был обязан сдавать деньгами, для чего должен был продавать свою продукцию, средняя стоимость которой уже заранее определялась государством, что изначально создавало возможности для эксплуатации крестьянства.

Уровень единого сельхозналога определялся системой налоговых разрядов по обложению губерний, в которых находились облагаемые хозяйства. Разряды определялись ВЦИК и СНК РСФСР в зависимости от «зажиточности» губерний, спускались на места и изменению не подлежали. Средняя налоговая единица для дальневосточных губерний была определена 6-м разрядом.³ Непосредственно в губерниях определялся разряд налоговой единицы в зависимости от «зажиточности» хозяйства: количества в хозяйстве пашен и сенокосов, количества едоков в хозяйстве, количества взрослого рабочего скота от 3-х и крупного рогатого скота от 1,5 лет и урожайности хлебов и трав на десятину.⁴ По Дальнему Востоку было установлено 9 групп хозяйств по количеству пахотной и сенокосной земли, 4 группы по количеству облагаемого скота и 11 разрядов по урожайности.⁵ За основу обложения брались разряды по количеству пахотной и сенокосной земли (Таблица 11). Исходя из расчета налогообложения по Дальнему Востоку в целом, средняя ставка налога на 1 хозяйство в 1923 – 1924 гг. приходилась в 24,2 руб., в то время как в центральных российских губерниях – 12,8 руб.⁶

¹ Саначев И.Д. Новая экономическая политика на Дальнем Востоке: 1922 – 1925 гг. - С. 59.

² КПСС в резолюциях и решениях... Т. 3. - М., 1954. - С. 50 – 129.

³ Тяжесть обложения в СССР: социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг. - М., 1929. - С. 56.

⁴ Два года советской власти в Амурской губернии. - С. 133.

⁵ Весь Дальний Восток: Справочник на 1925 год. - Хабаровск, 1926. - С. 9.

⁶ Тяжесть обложения в СССР... - С. 86; Два года советской власти в Амурской губернии. - С. 137.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т. 41. - С. 173.

² Собр. Узак. 1921. №38. Ст. 204.

³ Три года советского строительства в Дальневосточном крае... - С. 25.

Таблица 11

**Уровень единого сельхозналога с пашни на Дальнем Востоке
(по разрядам 1924 г.)**

Разряд	Минимальная ставка (руб.) 0,5 десятин	Излишки сверх минимальной ставки (руб.)			
		0,5 десятин	1 десятина	2 десятины	Более 4 десятин
1.	0,4	0,8	1,6	3	6
2.	0,5	1,05	2,2	3,9	7,6
3.	0,65	1,35	2,9	4,85	8,4
4.	0,8	1,7	3,7	6,0	11,3
5.	0,95	2,1	4,8	7,3	13,5
6.	1,15	2,55	5,9	8,9	16,0
7.	1,4	3,05	7,3	10,6	18,9
8.	1,9	3,6	9,0	13,6	24,2
9.	2,25	4,2	12,0	17,5	30,4

Примечания: Таблица составлена на основе: ГАХК. Ф. Р-931. Оп.1. Д. 6. Л. 87-88; Тяжесть обложения в СССР: социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг. - М., 1929; Саначев И.Д. Новая экономическая политика на Дальнем Востоке: 1922 – 1925 гг. - Владивосток, 1993. - С. 63.

В рамках общего направления политики по улучшению положения беднейшего крестьянства в 1923 – 24 гг. принимается серия декретов, устанавливающих льготы по сельхозналогу. 24 августа 1923 г. был принят декрет ЦИК и СНК СССР «О льготах беднейшему крестьянству по освобождению от уплаты единого сельскохозяйственного налога», в соответствии с которым от уплаты единого сельхозналога были освобождены единоличные и коллективные хозяйства, не имеющие скота, при условии, что они имеют не более $\frac{3}{4}$ десятины облагаемой земли на едока.¹ Действие этого декрета на Дальнем Востоке распространялось на 26028 хозяйств, что составило лишь 3,5 % от общего количества крестьянских хозяйств.² От налога также освобождались хозяйства служащих в РККА, бывших красных партизан и хозяйства, освобожденные от налога специальным постановлением местных властей (от 22 июля 1924 г.) и обязательными постановлениями ВЦИК за №№ 71, 72 и 73, которые составили еще около 1,8% от общего количества дальневосточных хозяйств.³

Исходя из «зажиточности» дальневосточных губерний единый сельхозналог на 1923/24 бюджетный год был определен ВЦИК в невероятно огромную сумму – по Дальнему Востоку предполагалось собрать 5451 тыс. руб.⁴ Уже в середине 1924 г. Дальревком и Дальэконо отмечали массовое недовольство всего дальневосточного крестьянства налогом, которое вылилось как в пассивных, так и в открытых формах сопротивления налого-

вой компании – в сокращении пашен, в забое скота, в утаивании от налоговых инспекторов налоговых единиц (пашен, покосов, возраста скота), в прямом повстанческом движении.¹ Если на Дальнем Востоке в 1923 г. пшеницей засеивалось 74,3 тыс. десятин земли, то в 1925 г. эта цифра составила 27,8 тыс. десятин.² Только в 1923/24 бюджетном году общая численность крестьянского скота ввиду забоев сократилась в Забайкалье – на 1257 голов, в Амурской губернии – на 5418 голов, в Приморской губернии – на 3523 головы.³

Дифференцированный подход в реализации политики по отношению к крестьянству четко прослеживался по результатам налоговоборочной компании 1923/24 гг. Все дальневосточное крестьянство условно разделялось на 5 категорий: бедняки, т.е. имеющие минимум по шкале налогообложения; маломощные середняки, имеющие некоторые излишки; середняки; мощные середняки и зажиточные хозяйства. Уровень налогообложения по этим социальным категориям мы можем проследить на примере Амурской губернии: как показывают данные таблицы 12, зажиточные крестьяне, составляя лишь 3,4% от общего количества крестьянских хозяйств, платили 25,8% налога, бедняки, составляя 14,6% платили лишь 1% от общих налоговых сборов, в то время как основная тяжесть налога ложилась на средняцкие хозяйства разной степени «зажиточности».

Таблица 12

**Исчисление единого сельхозналога по Амурской губернии на 1923/24
бюджетный год (по 6-му губернскому разряду)**

Хозяйства	Количество хозяйств	% отношение	Сумма налога (руб.)	% отношение
Бедняки	7193	14,6	22016	1,0
Маломощные				
середняки	14768	29,9	130363	5,5
Средняки	18699	37,8	747761	31,5
Мощные				
середняки	7067	14,3	856732	36,2
Зажиточные хозяйства	1555	3,4	610620	25,8
Итого	49282	100	2367492	100

Примечания: Таблица приведена по: Два года советской власти в Амурской губернии. Отчет Амурского губернского исполнительного комитета 2-му губернскому съезду советов рабочих крестьянских и красноармейских депутатов. - Благовещенск, 1925. - С. 136.

На VII Дальневосточной краевой конференции ВКП(б) в ноябре 1925 г., представители Дальревкома признали, что налог был искусственно

¹ Собр. Узак. 1923. №97. Ст. 969.

² ГАХК. Ф. Р-937. Оп.1. Д. 12. Л. 34-36.

³ Два года советской власти в Амурской губернии. - С. 137.

⁴ Саначев И.Д. Указ. соч. - С. 71.

¹ VII-я Дальне-Восточная Краевая Конференция РКП(б). - С. 54.

² Три года советского строительства в Дальневосточном крае... - С. 86.

³ Там же.

взвинчен правительством РСФСР по Забайкальской губернии – в 21%, по Амурской – в 20% и по Приморской губернии – в 46%.¹

Сам же сбор налогов по Дальнему Востоку по распоряжению Дальревкома проводился с применением принудительных мер административного и уголовного характера: за первую обнаруженную утайку крестьяне, независимо от своего социального положения, наказывались штрафом в размере двойного оклада; за несдачу налога в срок, имущество крестьян продавалось с торгов, за отказ от приема окладных листов налагалось до 3 лет лишения свободы; недоимщикам налагалось 7 суток ареста.²

В 1925 г. происходит поворот в политике правительства по отношению к крестьянству в свете общих идеологических изменений. Пережитый в 1923 – 1924 гг. в центральных губерниях голод, общее недовольство крестьянских масс политикой правительства и интересы всего народного хозяйства страны в целом потребовали подъема и укрепления сельского хозяйства. Этот подъем было решено, согласно «бухаринскому» плану развития сельского хозяйства («Обогащайтесь...»³), осуществлять путем стимулирования повышения доходности индивидуальных крестьянских хозяйств. При проведении государственной политики по отношению к крестьянству происходит изменение социальных приоритетов в сторону крепких индивидуальных хозяйств.

Весной 1925 г. был принят ряд постановлений ЦИК, СНК и Президиума ЦИК СССР, направленных на «быстрее укрепление и подъем всей массы крестьянских хозяйств».⁴ Из них на первом месте стоит постановление 3-й сессии ЦИК СССР от 7 марта «О едином сельскохозяйственном налоге на 1925/26 годы»,⁵ согласно которому была значительно снижена тяжесть налога – с 470 млн. до 300 млн. руб., из которых 100 млн. руб. передавалось в районы; были пересмотрены действующие нормы пересчета скота и пашни в сторону их понижения: стала учитываться действительная площадь посева, а не пашня вообще (пар и толока); возраст облагаемого рабочего скота был повышен до 4-х лет, а крупного рогатого скота до 2-х лет; разряды были пересчитаны по обложению, а не по урожайности. 6 мая 1925 г. было принято постановление СНК «О льготной продаже крестьянству сельскохозяйственных машин и орудий, производимых государственными заводами в 1924 – 1925 гг.».⁶ Эта льготная продажа должна была проводиться только до 1 октября 1925 г., но помощь в приобретении сельскохозяйственных орудий могла оказать существенную. Согласно данному постановлению, если оптовая цена машин и орудий составляла более 12 руб., то государственные и кооперативные торгующие организации обяза-

ны были предоставить кредит, срок уплаты которого составлял от 1 до 3 урожаев.¹

Наиболее важным в этом ряду весенних постановлений 1925 г. представляется постановление СНК от 18 апреля – «Временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах».² Эти правила определенным образом ограничивали допускающуюся эксплуатацию и защищали социальные права батраков. Размер вознаграждения батраку не мог быть ниже государственного минимума заработной платы для данной местности, и наниматель не имел права платить натурой. Наниматель был обязан предоставить батраку жилье и пищу такого же качества, как и в своей семье, а при наличии более 3-х батраков страховать их по особым правилам и льготным нормам. Не допускалось заключение соглашения о найме через год, а также сроком более чем на 1 год. Рабочий день свыше 8 часов допускался только по взаимному соглашению сторон, наниматель также был обязан предоставлять наемному работнику 1 день в неделю для отдыха, а в страду выплачивать компенсацию за непредоставленный отдых по особому соглашению. Таким образом, «Временные правила» подробно регламентировали права и обязанности нанимателя и батрака, защищая последнего от возможности чрезмерной эксплуатации со стороны первого.

Постановление от 18 апреля 1925 г. имело особое значение для Дальнего Востока, ввиду широкого, по сравнению с другими районами страны, использования наемной рабочей силы.

Переписью 1923 г. в дальневосточных губерниях было зафиксировано 4627 хозяйств, нанимавших годовых и сезонных батраков, и 13285 хозяйств, периодически нанимавших сельскохозяйственных рабочих.³ Общее количество годовых и сезонных рабочих в 1923 г. насчитывалось 26 тыс., и если на каждые 100 крестьянских хозяйств в целом по стране приходилось в среднем 4 батрака, то на Дальнем Востоке – 6-7.⁴ Учет зачастую осложнялся замаскированными формами эксплуатации батраков более зажиточными крестьянами, которые выдавали их за своих родственников, знакомых, пришедших на неделю помочь по хозяйству и т.д. Зажиточные крестьяне привлекали наемную рабочую силу на 3 и более месяца, имея избыток средств производства, которые не могли использовать в полной мере сами. Особенно часто нанимали крестьян переселенцев, которые почти не имели денег, рабочего и продуктивного скота, простейшего сельхозинвентаря, и поэтому попадали в зависимость от своих зажиточных соседей.⁵

¹ Собр. Зак. 1925. №32. Ст. 222.

² Там же. №26. Ст. 183.

³ Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Расчет Сталина оправдался: батрак в дальневосточной деревне 20-х годов. //Россия и АТР. – 1996. - № 4. – С. 14.

⁴ Там же.

⁵ Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX – XX вв. (Очерки истории) /Под общ. ред. акад. А.И. Крушанова. – Владивосток, 1991. – 185.

¹ VII-я Дальне-Восточная Краевая Конференция РКП(б). - С. 68-80.

² ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 5. Л. 54.

³ Бухарин Н.И. Избранные произведения. - Новосибирск, 1990. - С. 136.

⁴ Собр. Зак. 1925. №35. Ст. 248.

⁵ Там же. №17. Ст. 124.

⁶ Там же. №32. Ст. 222.

Следует отметить, что в процессе исследования нам не удалось обнаружить никакого документа, который бы не регламентировал, а санкционировал или хотя бы каким-либо образом оправдывал необходимость такого шага, как применение наемного труда в частном секторе. Даже идеологически этот важнейший социальный факт не объяснялся и, таким образом, молча признавалось, что эксплуатация батрачества в советском государстве может существовать, и требовалось ее только легализовать и регламентировать. Принятое 20 мая 1925 г. постановление III Съезда Советов Союза ССР «О мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства»¹ одобрило «Временные правила» от 18 апреля, в числе прочих мероприятий, направленных на отмену «ряда ограничений, задерживающих развитие сельского хозяйства». Кроме того, III Съезд Советов, отмечая нецелесообразность применения «каких-либо административных мер против вырастающей на почве свободной торговли буржуазной верхушки в деревне» подчеркнул, что несмотря ни на что, политика советской власти должна быть направлена на помощь бедняцким и середняцким крестьянским хозяйствам. Объединение этих слоев крестьянства в сельскохозяйственную потребительскую кооперацию, указывалось в постановлении, является единственно правильным путем поднятия их хозяйственной силы, а первоочередной задачей советской власти в ближайший период провозглашалась помощь объединяющемуся в кооперацию мелкому крестьянству с целью его социальной поддержки и обеспечению его конкурентоспособности в противовес индивидуальным хозяйствам.

Помимо налогообложения, основного направления в реализации социальной политики по отношению к крестьянству, четко скорректированного по каждой крестьянской внутриклассовой группе в соответствии с критерием «зажиточности» хозяйства, вторым направлением выступала организация социального обеспечения беднейшего крестьянского населения. Первым документом, декларирующим начало социального обеспечения беднейшего крестьянского населения стал декрет «О земле», согласно которому те земледельцы, кто навсегда утратил возможность лично обрабатывать землю вследствие старости или инвалидности, должны были получать от государства пенсии и пособия.² В соответствии с декретом СНК «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев»³ от 14 мая 1921 г., основные расходы на социальное обеспечение беднейшего крестьянства должно было нести не государство, а само крестьянство, а также рабочие и служащие через местные бюджеты. Декрет предписывал образовывать крестьянские комитеты общественной взаимопомощи при сельских советах и волостных исполкомах,

¹ Собр. Зак. 1925. № 35. Ст. 218.

² Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сб. документов в трех томах, 1917 – 1936 гг. Т. I. Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР, 1917 – 1922 гг. - М., 1959. - С. 12.

³ Собр. Узак. 1921. №48. Ст. 236.

и создать при комитетах натуральный фонд социального обеспечения за счет специального налогообложения богатейшего крестьянства, а также отчислений с зарплат рабочих и служащих и со средств комиссий по охране труда.¹ На комитеты ложилось устройство учреждений социального обеспечения, а также помощь семьям красноармейцев, инвалидов и крайне нуждающихся крестьян. Постановлением ВЦИК от 25 сентября 1924 г. комитеты общественной взаимопомощи были переименованы в крестьянские общества взаимопомощи, основным источником финансирования которых должно было выступать самообложение крестьян.² Данные декреты и постановления четко обозначили «полярность» в отношении советской власти к крестьянству и рабочему классу – если последний обеспечивался государством, то обязанностей по обеспечению первого государство на себя не возлагало.

Работа по организации крестьянских комитетов взаимопомощи на Дальнем Востоке началась стихийно с 1923 г. В октябре 1923 г. для общего руководства организацией кресткомов в ДВО был образован Областной крестком, подчиняющиеся ему губернские кресткомы и, ниже по иерархии, уездные кресткомы.³ К 1 января 1925 г. в Приморской губернии были организованы 538 сельских и 30 волостных кресткомов, в Забайкальской губернии – 363 и 15 соответственно, и в Амурской губернии – 638 и 36,⁴ что свидетельствовало о том, что сельские кресткомы создавались почти в каждом селе. На 1 января 1925 г. денежные фонды кресткомов, по области, составляли 28288 руб., натуральные (сельскохозяйственный инвентарь) – 14303 руб.⁵ К 1926 г. был проведен учет лиц, нуждающихся в помощи, данные которого показали, что на 15126 дворов с 106202 проживающими приходилось нуждающихся: семей красноармейцев – 66 (484 чел.), семей с вдовами и сиротами – 287 (966 чел.), впавших в нужду – 582 семьи (3266 чел.), инвалидов – 192 чел.⁶

В организации кресткомов на Дальнем Востоке прослеживалось большое количество отрицательных моментов. Большая часть кресткомов, будучи организованной, числилась только на бумаге и активной деятельности не вела.⁷ Волостные и уездные исполкомы не уделяли кресткомам должного внимания, и в результате во многих из них руководящие посты занимали зажиточные крестьяне, зачастую использовавшие фонды в своих интересах. Кадровый состав кресткомов не всегда сам понимал цель их

¹ Собр. Узак. 1921. №48. Ст. 236.

² Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. - М., 1977. - С. 89.

³ Весь Дальний Восток: Справочник на 1925 год. - С. 62.

⁴ Там же. - С. 130-132.

⁵ Дальневосточный край в цифрах. - С. 42.

⁶ Там же. - С. 68.

⁷ Отчет Дальневосточного Краевого Исполнительного Комитета за 1925-1926 год. - Хабаровск, 1927. - С. 74.

создания и, соответственно, не разъяснял их целей и задач на селе, в результате чего, многие действительно нуждающиеся крестьяне не обращались за помощью в кресткомы, просто потому, что не подозревали об этой возможности. В результате, уровень полезности кресткомов оказался минимальным, и, хотя они просуществовали на Дальнем Востоке до 1930 г., с 1927 г., с началом организации коллективных хозяйств их деятельность стала постепенно затухать.

Таким образом, в реализации социальной политики по отношению к крестьянству в 1920-е годы мы можем выделить два основных механизма: реализация социальной политики через систему налогообложения и через социальное обеспечение. В рамках первого четко прослеживаются два этапа: на первом этапе – до 1925 г. интересы крестьян полностью игнорировались, подчиняясь общему темпу экономического развития, и допускалась лишь незначительная их поддержка, в виде налоговых льгот беднейшим слоям деревни, что противоречило НЭПу в целом, но не противоречило официальной идеологии. На втором этапе – с 1925 г., правительство модернизировало идеологию в соответствии с критериями НЭПа, снижая налоговое бремя и допуская развитие частных индивидуальных хозяйств, в тоже время, предоставляя целенаправленную поддержку беднейшему крестьянству. В рамках же социального обеспечения государство лишь обеспечивало соответствующую правовую базу для его регламентации, возлагая его финансирование на самих крестьян.

При определении объекта социальной политики исследователи традиционно ориентируются на систему налогообложения и политику в области предоставления льгот. Во-первых, потому что это основные механизмы среди ряда других при реализации социальной политики, а, во-вторых, распределение льгот – налоговых и других, четко определяет те социальные группы, которые становятся объектом социальной поддержки государства, и, соответственно, определив объект социальной политики, мы можем дать ее объективную характеристику.

Предоставление льгот началось с первых лет советской власти и изначально касалось преимущественно льготного налогообложения неимущих. Предоставление льгот и, прежде всего, налоговых, традиционно имеет целью снижение имущественной дифференциации населения и, предоставление льгот неимущим гражданам наряду с прогрессивным налогообложением имущего населения в первые годы советской власти этой цели соответствовало.

Предоставление льгот с началом НЭПа сразу стало носить противоречивый характер: началось предоставление льгот отдельным, далеко не самым бедным, категориям граждан, которые, хотя и были идеологически обоснованы (например, необходимостью привлечения на государственные предприятия высококвалифицированного инженерно-технического персонала или необходимостью сохранения научного потенциала страны) и законодательно закреплены, но не были направлены на снижение социальной

и имущественной дифференциации населения, ввиду чего стали носить характер привилегий, став основным механизмом советской распределительной системы. Следует также отметить, что политика предоставления льгот носила исключительно централизованный характер без возможности каких-либо вариаций со стороны местных властей. И если целенаправленное предоставление льгот на Дальнем Востоке началось только после присоединения к РСФСР, то началось оно с распространения в ДВО тех декретов и распоряжений ВЦИК и СНК, которые были приняты до 1922 г.

12 декабря 1921 г. СНК РСФСР принял декрет «О мерах к улучшению условий жизни работников просвещения».¹ Данный декрет распространял на работников просвещения (учительский и воспитательный состав государственных учебных заведений) льготу, которой уже пользовались военнослужащие, а именно, невыселение из занимаемых ими помещений. В декабре 1921 г. был принят декрет СНК РСФСР «Об улучшении быта ученых», который устанавливал особое дополнительное академическое материальное обеспечение научных работников.² Число научных работников, подлежащих такому обеспечению, устанавливалось в 7000 чел., а в дальнейшем было увеличено до 8000 чел.³ Была создана специальная Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦКУБУ), за которой бронировалось необходимое количество денежных знаков. Декрет также разрешал упрощенный порядок получения разрешений для выезда ученых за границу, однако эти привилегии касались только ученых, зарегистрированных в ЦКУБУ.⁴

16 января 1922 г. был принят декрет СНК «О мерах к улучшению жилищных условий научных работников»,⁵ который предоставлял научным работникам, зарегистрированным в ЦКУБУ, право на дополнительную комнату сверх общего числа жилых комнат, причитающихся по общегражданской норме им и членам их семей, а также право использовать жилые помещения для лабораторий, библиотек, чертежных и для проведения всякого рода научных занятий по специальности. Научные работники не подлежали выселению (выселение допускалось только по суду в случае хищнического отношения к жилищу, влекущему его разрушение, отказа от квартплаты и т.п.) и уплотнению.⁶ ЦКУБУ предоставлялось право выдавать удостоверения, охраняющие жилищные права научных работников. В феврале 1922 г. было принято постановление СТО «О бронировании за ЦКУБУ особого фонда пайков»⁷ (8000 пайков⁸), независимого от общего

¹ Собр. Узак. 1921. №80. Ст. 686.

² Там же. 1922. №1. Ст. 5.

³ ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 11. Л. 33.

⁴ Собр. Узак. 1922. №1. Ст. 5.

⁵ Там же. №6. Ст. 73.

⁶ Там же.

⁷ Там же. №19. Ст. 207.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп.1. Д. 11. Л. 33.

фонда Наркомата просвещения. В июне был принят декрет СНК «Об увеличении норм дополнительного академического обеспечения ученым, зарегистрированным в ЦКУБУ».¹ Эти лица делились на 5 разрядов, а дополнительное обеспечение увеличивалось до следующих размеров: 1 разряд – с 5 до 20 руб., 2 разряд – с 7,5 до 30 руб., 3 разряд – с 12 до 50 руб., 4 разряд – с 25 до 100 руб., 5 разряд – с 50 до 150 руб., на эти же цели в дополнение к уже ассигнованным ЦКУБУ 790000 руб. отпускалось еще 915000 руб. Наконец, в 1924 г. специальным декретом ВЦИК и СНК «О мерах к улучшению жизненных условий научных работников»² были подтверждены льготы, предоставленные декретами 1922 г.

Предоставление льгот научным работникам на Дальнем Востоке в период НЭПа не получило такого размаха, как в Москве, Ленинграде и ряде других центральных городов. Это связано с тем, что в дальневосточном регионе в 1920-е годы не было крупных научных академических учреждений. До образования в 1932 г. Дальневосточного филиала Академии наук СССР наука концентрировалась, в основном, в Государственном дальневосточном университете (ГДУ). В 1923 г. в ГДУ состояло всего 93 научных работника, а к 1927 г. количество научных работников ГДУ увеличилось до 142 человек, из которых только 9 были зарегистрированы в ЦКУБУ и пользовались имеющимися льготами.³ Однако, даже не зарегистрированные в ЦКУБУ научные работники ГДУ получали в 1927 г. заработную плату в 3,5 – 4 раза выше среднего уровня заработной платы по региону.

16 февраля 1923 г. был принят декрет СНК «О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед Республикой»,⁴ который устанавливал порядок назначения персональных пенсий и пособий на лечение. Персональные пенсии и единовременные пособия назначались лицам, имеющим исключительные заслуги перед Республикой в области революционной и профессиональной деятельности, а также в области науки, искусства и техники. Эти пенсии устанавливались специально созданной при Наркомате социального обеспечения комиссией из представителей различных наркоматов, решения которой были окончательными. Размер персональной пенсии определялся в пределах двойной высшей тарифной ставки ответственных советских профессиональных работников по месту жительства лица, получающего пенсию (что было связано с различными тарифными поясами регионов). Размер единовременных пособий определялся в пределах не свыше трехкратного размера назначаемой пенсии или трехкратного размера высшей тарифной ставки ответственных работников по г. Москве. В случае смерти лица, имеющего право на персональную пенсию, одному нетрудоспособному члену его семьи выдавалась половина,

двум нетрудоспособным – две трети, трем и более – полная персональная пенсия, которую мог бы получить умерший.

Персональные пенсии на Дальнем Востоке назначались участникам партизанского движения, особо отличившимся при освобождении Дальнего Востока от интервентов солдатам и офицерам (жителям региона) РККА, партийным и ответственным работникам, участникам подпольного движения, а так же пенсии назначались по решению Президиума Дальревкома, а затем и Далькрайисполкома. Динамика движения персональных пенсий на Дальнем Востоке выглядела следующим образом: 1923 г. – 868 персональных пенсионеров, 1925 г. – 2260, 1927 г. – 7000 персональных пенсионеров, из которых 365 чел. получали персональные пенсии республиканского уровня.¹

Не смотря на регламентацию порядка назначения персональных пенсий в соответствии с декретом от 16 февраля 1923 г., до 1927 г. на Дальнем Востоке на местах не было четкого представления о том, кто должен назначать персональные пенсии и в каком размере,² в результате чего местная практика применения персональных пенсий была не только достаточно слаба, но и весьма разнообразна. Каждый округ практиковал назначение пенсий по своему, не придерживаясь ни существующего порядка, ни финансовых ставок пенсий. Так, персональная пенсия могла быть назначена любому ответственному работнику округа по достижении определенного возраста, независимо от наличия особых заслуг, чем и объяснялся факт такого огромного количества персональных пенсионеров в 1927 г. (7000 чел.). Средняя же ставка персональных пенсий по ДВК в том же 1927 г. составляла 55 руб. в месяц, в то время как в других регионах она составляла до 360 руб.³ В связи с этим, в октябре 1927 г. было принято постановление Далькрайисполкома, регламентирующее назначение персональных пенсий.⁴ В соответствии с постановлением для назначения персональных пенсий местного значения при окружных отделах социального обеспечения организовывались постоянные межведомственные комиссии в составе председателей ОКРФО, Окрстрахкасы и Окрпрофбюро под председательством Зав. окружным отделом социального обеспечения. Утверждение постановлений о назначении или отказе в пенсии возлагалось на окрисполкомы, решения которых были окончательными. Размер пенсии за заслуги местного значения устанавливался в пределах от полуторного размера обычной пенсии инвалида военной службы 1-й группы инвалидности до средней заработной платы данной местности.⁵

С 1922 г. начинается законодательное распространение привилегий, относящихся к партаппарату. На XII партийной конференции, которая про-

¹ ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп.1. Д. 11. Л. 68.

² Собр. Узак. 1824. №68. Ст. 673.

³ Три года советского строительства в Дальневосточном крае... - С. 66; ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 6. Л. 94.

⁴ Собр. Узак. 1923. №15. Ст. 198.

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 133. Л. 12.

² Там же. Оп. 4. Д. 134. Л. 39.

³ Там же. Оп. 1. Д. 133. Л. 16; ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 42. Д. 264. Л. 98.

⁴ Там же. Оп. 4. Д. 134. Л. 140.

⁵ Там же.

ходила 4-7 августа 1922 г., были приняты две резолюции: «Об улучшении материального положения членов РКП(б)» и «О материальном положении активных партработников».¹ Первая из них обозначала необходимость разработки в ближайшее время положения о фонде взаимопомощи среди коммунистов и определяла категории членов партии, которым могла быть оказана помощь из этого фонда (больные, впавшие в острую нужду, семьи погибших в гражданскую войну или на партийном посту). Вторая же определяла численность и структуру «активных» партийных должностей (всего 15325) и оклады по ним (с 12 по 17 разряд тарифной сетки), а так же то, что все, кто занимал данные должности, должны были быть обеспечены в жилищном отношении через местные исполкомы, в отношении медицинской помощи через Наркомздрав, в отношении воспитания и образования детей через Наркомпрос, и указывала, что соответствующие мероприятия должны быть проведены ЦК за счет партии.² Однако, подобные привилегии были установлены не Партконференцией, а до ее проведения еще в июле 1922 г. постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) «Об улучшении быта активных партработников»,³ а конференция, таким образом, их лишь утвердила. В соответствии с тарифной сеткой, минимальный оклад секретаря партячейки на предприятии или сельской партячейки определялся в 300 руб. в месяц; минимум для членов ЦК, секретарей губкомов – 430 руб.; для партработников с семьей из трех человек предусматривалось увеличение окладов на 50% и еще на 50% - «за работу во внеслужбное время».⁴ Кроме окладов, «активные» партработники и члены их семей получали партийный продпак (12 кг мяса, 1,2 кг сливочного масла и сахара, 4,8 кг риса – для ответственных работников центральных органов партии; 4,6 кг мяса или рыбы, 1 кг жиров, 400 г сахара, 162 папиросы и 3 коробки спичек – для губернских партработников⁵), бесплатное жилье, одежду, медицинское обслуживание, иногда персональный транспорт. Издательское отделение ЦК РКП(б) выпустило материалы конференции небольшим тиражом, в дальнейшем же, при перепечатке постановлений XII партконференции местными издательствами в регионах резолюция из публикации вообще исключалась.

В ноябре 1923 г. Совнарком РСФСР издал декрет «Об обеспечении семей слушателей советских партийных школ и коммунистических университетов»,⁶ согласно которому, старшим возрастным группам рабочих и крестьян, обремененных семьями, предоставлялась возможность поступле-

ния в советские партийные школы и коммунистические университеты, семьям слушателей предоставлялись льготы по взносу единого сельхозналога; прием членов семей слушателей в школы, детские сады, ясли, больницы, дома для престарелых и инвалидов должен был производиться бесплатно и в первую очередь.

Для унификации системы льгот и привилегий ответственных партработников постановлением ЦК РКП(б) от 8 ноября 1923 г. были утверждены различные номенклатурные списки должностей.¹ Всего их было три. В номенклатуру №1 входило около 3500 наиболее важных постов, причем для утверждения 1590 из них (СНК, ЦИК СССР, ВЦИК, членов президиумов и коллегий наркоматов, руководства ВЦСПС и кооперативных органов) должны были создаваться специальные комиссии; в номенклатуру №2 входили заместители начальников главков, управлений и другие должности; номенклатура №3 касалась руководящих кадров на местах. 9 июня 1925 г. было принято постановление СНК СССР «О нормировании заработной платы служащих государственных учреждений»,² согласно которому номенклатуры должностей ложились в основу оплаты труда служащих государственных учреждений. Постановлением НКТ СССР от 17 ноября 1925 г. «О размере оплаты труда ответственных политических работников, занятых в профессиональных советских, кооперативных, хозяйственных и других организациях»³ устанавливалась оплата труда ответственных политических работников по тарифной сетке ВЦСПС при соотношении 1 : 8 и по тарифным поясам в следующем размере для 1-го разряда: Москва и Ленинград – 18 руб. 75 коп., I-й пояс 17 руб. 50 коп., II-й пояс – 16 руб. 50 коп., III-й пояс – 15 руб. 25 коп., IV-й пояс – 14 руб., V-й пояс – 12 руб. Для работников уездного масштаба ставка 1-го разряда понижалась на 10%, для работников волостных и сельских местностей – на 25%.⁴ Дальний Восток был отнесен ко II-му тарифному поясу. В 1925 г. средняя зарплата ответственных политических работников на Дальнем Востоке при пересчете всех коэффициентов при среднем 14 разряде оставляла около 560 руб.

К 1926 г. количество лиц, обладающих правом на партпривилегии составляло в РСФСР – 155193 чел., из них на Дальнем Востоке – 4632 чел. (Таблица 13).

Из общего числа управленческого аппарата на Дальнем Востоке в 1926 г. 22 человека (2 из них – крайпрокурор Дальнего Востока, помкрайпрокурора) получали заработную плату по ставке 17 разряда, которая в пересчете составляла до 740 руб., имели право на персональный автомобиль, бесплатную жилую площадь, бесплатное медицинское обслуживание и курортное лечение; 76 человек (из них 22 – высший краевой юридический

¹ Постановления и резолюции Всероссийской конференции РКП(б), 4-7 августа 1922 г. - М., 1922. - С. 18-29.

² Там же. - С. 18-29.

³ Подшеколдин А. 1922 год: фабрики рабочим, привилегии – партаппарату //Аргументы и Факты. – 1990. - №27.

⁴ Постановления и резолюции Всероссийской конференции РКП(б), 4-7 августа 1922 г. - С. 18-29.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 42. Д. 315. Л. 94-95.

⁶ Собр. Узак. 1923. №91. Ст. 898.

¹ Соколов А.К. Курс советской истории: 1917 – 1940 гг. - М., 1999. - С. 136.

² Собр. Зак. 1925. №42. Ст. 321.

³ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 29. Л. 26.

⁴ Там же.

персонал) получали заработную плату по ставке 16 разряда (до 660 руб.) и имели право на те же льготы, за исключением персонального автомобиля; 80 человек (из них 13 работники краевой прокуратуры) получали заработную плату по ставке 15 разряда (до 540 руб.), имея право на бесплатную медицинскую помощь и курортное лечение, право на бесплатную жилую площадь.

Таблица 13
Руководящий и высший юридический персонал районов РСФСР
в 1926 г.

Территория	Руководящий персонал		Высший юридический персонал	
	Абсолютное число	% от все лиц интеллигентного труда	Абсолютное число	% от все лиц интеллигентного труда
РСФСР	155193	38,2	11232	2,8
В том числе:				
Северный Кавказ	12978	38,0	974	2,9
Сибирь	9791	42,5	507	2,2
Дальний Восток	4632	44,6	267	2,7

Таблица составлена по: Жиромская В.Б. Кадры решают все! Административно-управленческий аппарат в 20-е – 30-е годы по данным общих и спецпереписей //Формирование административно-командной системы: 20-е – 30-е годы. Сб. статей. - М., 1992. - С. 47-48.

Одним из пунктов резолюции XII Партконференции «О материальном положении активных партработников» устанавливалось, что коммунисты, работающие в хозяйственных, советских, кооперативных и профессиональных органах, месячный заработок которых был больше полуторной ставки 17 разряда, должны были отчислять в фонд взаимопомощи от 25 до 50% (размер процента устанавливался губкомами) разницы между получаемым окладом и полуторной ставкой 17 разряда. Эти отчисления, в обиходе называвшиеся «партмаксимумом», начинались с суммы 645 руб.² Когда же положение о партмаксимуме было отменено (после 1929 г., точная дата неизвестна, поскольку его отмена хранилась глубоко в тайне), дифференциация доходов в советском государстве стала выходить за рамки количественных различий и приобретать новый качественный характер.

Подводя общие итоги, мы можем сделать вывод о том, что проведение советской социальной политики в 1922 – 1927 гг. основывалось, прежде всего, на общеидеологической концепции социального развития в соответствии с классовым подходом, что особенно прослеживалось при проведе-

нии мероприятий в области заработной платы, в жилищной сфере, в области образования и медицинского обслуживания, а также через механизм налогообложения. Своеобразное отступление от классового критерия прослеживается в таком направлении, как предоставление льгот и привилегий, под воздействием которого происходило формирование новой, пока еще весьма размытой по своему социальному содержанию, социальной группы, основанной на номенклатурных должностных списках, пользующейся особой поддержкой государства. В тоже время мы можем отметить тот факт, что советская социальная политика с самого начала носила централизованный характер и проводилась «сверху» практически без учета местных особенностей.

§ 3. Социальная дифференциация населения Дальнего Востока в 1922 – 1927 гг.

Рассмотрев основные направления и мероприятия советской социальной политики и ее реализацию на Дальнем Востоке, мы считаем необходимым проанализировать ее результаты в регионе, которые, в конечном итоге, выражались в изменении уровня жизни и социального положения дальневосточного населения.

Прежде всего, проследим изменения в уровне жизни и социальном положении рабочей группы дальневосточного населения. Первоочередное внимание, уделяемое этому социальному слою, связано с двумя факторами. Во-первых, это общеидеологическая концепция, в соответствии с которой на верхнюю ступень социальной лестницы ставился пролетариат, по официальной терминологии того времени включающий в себя рабочих и, с оговорками, служащих государственного аппарата, являющихся выразителями интересов и «направляющим звеном» пролетариата. Во-вторых, внимание к рабочим на Дальнем Востоке обуславливалось, помимо идеологии, еще и необходимостью скорейшего восстановления разрушенной в годы гражданской войны и интервенции региональной экономики. Общее количество рабочих, занятых в различных отраслях дальневосточного хозяйства было весьма незначительным, составляя в 1923 г. лишь 3,5% от общего количества населения, доминируя, однако, среди городского самостоятельного населения – 38,3%.¹ К 1927 г. соотношение изменилось незначительно – рабочие составляли 3,8% от всего населения региона, их же отношение к самостоятельному городскому населению не изменилось и составило 38,2% (Подсчитано по Таблицам 8-9 Приложения).

Рабочие не были однородным социальным слоем, а делились на многочисленные группы в зависимости от выполняемой работы, сферы занятости и квалификации. Прежде всего, выделялись рабочие государственных предприятий и рабочие, занятые в частном производственном секторе; сре-

¹ Подсчитано автором по: Весь Дальний Восток: Справочник на 1925 год. С. 50-55; ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 42. Д. 315. Л. 94-95; РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 29. Л. 26.

² ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 42. Д. 315. Л. 98.

¹ Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927 – 1928 гг. - С. 71.

ди них выделялись рабочие государственной фабрично-заводской промышленности, занятые в пищевой промышленности, кожевенной, печатники и т.д.; в частном секторе выделялись рабочие мелких и средних предприятий, занятые в кустарной промышленности; особую группу составляли сельскохозяйственные сенокосные рабочие, численность которых была не велика (Таблица 9 Приложения); самую большую по численности группу составляли рабочие, занятые на транспорте, что было обусловлено структурой экономического развития региона. Наконец, существовало деление рабочих по уровню квалификации: высококвалифицированные рабочие, рабочие среднего уровня квалификации и низкоквалифицированные рабочие, составляющие так называемую группу риска потому, что могли в любой момент, ввиду недостатка квалификации, потерять работу.

Основным механизмом улучшения имущественного положения рабочих выступало регулирование заработной платы, которая напрямую зависела от указанных выше групповых признаков. В исследуемый период заработная плата не носила централизованного характера, что было связано с двухсекторным производством (частный и государственный) и региональными различиями в уровне цен и в продовольственном снабжении. В то же время, элементы централизации уже прослеживаются в установлении государственного минимума заработной платы и системы тарифных ставок наряду с установлением тарифных поясов. Общее количество разрядов, согласно тарифной сетке ВЦСПС, было 17, однако, лишь за некоторым исключением, ставки выше 9 разряда среди рабочих не утверждались.¹ Установление разряда зависело от квалификации рабочего и его стажа. Рабочие, получающие заработную плату от 7 до 9 разряда, имели высшую квалификацию и дореволюционный стаж работы на крупных дальневосточных промышленных предприятиях. Средняя заработная плата таких рабочих достигала в 1923 г. от 53,15 до 76,10 руб. (при ставке 1-го разряда от 15,05 до 23,5 руб. в зависимости от тарифного пояса), в 1925 г. – до 83,5 руб., в 1927 г. – до 91,35 руб.² В 1923 г. от общего числа рабочих (57265 чел.), по высшим ставкам заработную плату получали 3565 рабочих государственных предприятий, в 1925 г. – 4364 чел., в 1927 г. – 5686 чел.³ Средняя заработная плата от 4 до 7 разряда в 1923 г. составляла от 38,03 до 51,45 руб., в 1925 г. – до 56 руб., в 1927 г. до 63 руб.⁴ Заработную плату средних разрядов получали в 1923 г. 8364 рабочих, в 1925 г. – 9161 чел., в 1927 г. – 12800 чел.⁵ Низшие разряды определялись молодым неопытным рабочим, чаще всего пришедшим на производство «от сохи», выполняющим низкоквали-

фицированную работу и исчислялись в 1923 г от 15,05 руб. до 20,82 руб., в 1925 – до 25,6 руб., в 1927 до 32, 56 руб.¹ Эта категория рабочих была наиболее многочисленной в государственном секторе, составляя в 1923 г. – 28630 чел., в 1925 г. – 22130 чел., в 1927 г. – 16366 чел. и с годами имела тенденцию к сокращению.² Заработная плата в частном секторе находилась вне государственного регулирования, хотя и зависела от установленного государственного минимума заработной платы и общей экономической конъюнктуры, и на некоторых производствах в 2-3 раза превышала зарплату в государственном секторе.

Зафиксировав системой разрядов определенный уровень дифференциации заработной платы, что оказало значительное влияние на различие в доходах, государство, в тоже время, создало возможность внутригрупповой мобильности для рабочих через систему профессионального образования и повышения квалификации, чем и объяснялось постоянное сокращение в период с 1923 по 1927 гг. низкоквалифицированных рабочих и постоянное увеличение групп рабочих высшей и средней квалификации.

Рабочие, получавшие заработную плату по ставкам от 7 до 9 разрядов к 1927 г. составляли самую обеспеченную внутриклассовую группу, даже не смотря на значительную разницу в заработной плате с рабочими частных и концессионных предприятий. Это объяснялось системой льгот, которые предоставлялись рабочим государственного сектора: обеспечение жилой площадью с низким уровнем квартирной платы,³ возможность бесплатного образования и повышения квалификации, бесплатное высшее образование для детей, охват сетью потребительской кооперации, что имело существенное значение при постоянном росте цен на товары первой необходимости, возможность получения помощи через сеть медицинских страховых касс. Примерно на одном уровне благосостояния в 1927 г. находились рабочие средней квалификации, имеющие право на те же льготы, и рабочие большей части частных секторов производства, вынужденные тратить большую часть заработной платы на удовлетворение основных социальных нужд, на оплату коммунальных услуг и медицинское обслуживание. Наименее обеспеченную категорию составляли рабочие низкой квалификации обоих секторов производства, заработная плата которых иногда с трудом покрывала стоимость бюджетного набора.

При анализе постановлений и декретов местной и центральной власти бросается в глаза целенаправленное формирование, при особой государственной поддержке, такой социальной группы как государственные служащие. Государственные служащие, так же как и рабочие, относились, согласно общеполитической концепции, к пролетариату, составляя его «ру-

¹ Труд в ДВК. Статистический справочник за 1923, 1924 и 1925 годы. - С. 43-46.

² Подсчитано по: Труд в ДВК. Статистический справочник за 1923, 1924 и 1925 годы. - С. 43; Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. - С. 21-25; Профессиональные союзы ДВК: 1925 – 1927 гг. - С. 63-70.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

¹ Подсчитано по: Труд в ДВК. Статистический справочник за 1923, 1924 и 1925 годы. - С. 43; Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. - С. 21-25; Профессиональные союзы ДВК: 1925 – 1927 гг. - С. 63-70.

² Там же.

³ См. § 2 настоящей главы.

ководящую и направляющую силу». В тоже время, государственные служащие пролетариатом не являлись, хотя до 60% их составляли выходцы из рабочей среды и беднейших слоев деревни, и сюда же входили сильно пошедшие и концу 1920-х гг. представители «старой интеллигенции» и представители новой, нарождающейся «советской интеллигенции».¹

Так же как и рабочие, государственные служащие не были однородной социальной группой, причем именно в этой группе иерархия социальных позиций прослеживалась как ни в одной другой. Верхнюю групповую позицию занимала государственная партийная номенклатура и, ступенькой ниже, стояла научная номенклатура; сюда же входили и лица «интеллектуального труда», работающие на государство: инженерно-технический персонал предприятий, ученые и преподаватели не входящие в научную номенклатуру, учителя и другие сотрудники государственных учреждений различных профессиональных обязанностей.

Общее количество служащих на Дальнем Востоке в 1923 г. было на 16% меньше, чем рабочих и составляло 33324 чел., или 22,3 % от самодеятельного населения городов. Из них в государственных учреждениях, включая местные администрации различных уровней, трудилось 29003 чел. и 1621 чел. составлял инженерно-технический персонал в государственном секторе промышленности; остальные 2670 чел. трудились на частных предприятиях и в конторах.² Из 30654 чел. государственных служащих в 1923 г. 8986 чел. составляли члены и кандидаты партии, из которых 4632 чел. высшего управленческого и юридического персонала в 1926 г. вошли в номенклатуру должностей; 3700 – учительский персонал; 93 преподавателя ГДУ, из которых к 1925 г. 26 вошли в номенклатуру ЦКУБУ.

Средняя месячная заработная плата служащих государственной фабрично-заводской промышленности составляла в 1923 г. – 49,86 руб., в 1925 г. – 111,1 руб., в 1927 г. – 135,2 руб.; средняя месячная заработная плата служащих учреждений и торговых предприятий в 1923 г. – 112 руб., в 1925 г. – 139 руб., в 1927 г. – 186 руб.³

В основе окладов государственных служащих лежала, так же как и у рабочих, тарифная сетка ВЦСПС, однако, если максимальным разрядом для рабочих был 9 разряд, то для государственных служащих это был 17 разряд.⁴ Помимо зарплаты по разрядам, служащие государственных учреждений получали персональные оклады по двойным и тройным тарифным ставкам, вознаграждения за выполнение специальных партийных заданий,

имели право на жилую площадь, и, в том числе дополнительную, не подлежали уплотнению (научные работники, высший инженерно-технический и управленческий персонал), имели право на бесплатное медицинское обслуживание, курортное лечение и образование, а также бесплатный продовольственный паек в составе основных продуктов бюджетного набора.

Среди всех социальных групп Дальнего Востока государственные служащие являлись самой обеспеченной категорией населения и, для многих представляли референтную группу, чем и объяснялся ее неуклонный рост на протяжении 20-х годов: в 1925 г. количество служащих государственных учреждений выросло до 31792 чел., а инженерно-технический персонал промышленных предприятий вырос до 2650 чел.; к 1927 г. это количество выросло соответственно 32862 чел. и 3330 чел., составив в итоге 36192 чел, увеличившись по сравнению с 1923 г. на 7,9%.¹

Совершенно недосягаемыми по уровню жизни социальными группами к 1927 г. стали служащие, относящиеся к высшему управленческому и юридическому персоналу, входившие в партийную номенклатуру, и ученые, зарегистрированные в ЦКУБУ. Эта категория государственных служащих получала заработную плату по высшим разрядам тарифной сетки – от 12 до 17 разряда, которая, в среднем, составляла около 500 руб. и достигала, по ставке 1-го разряда, в 1927 г., при достаточно высоком уровне цен на Дальнем Востоке, 350- 430% стоимости бюджетного набора;² она пользовалась огромным количеством привилегий, созданных для неё государством за весь период 1920-х гг. Кроме привилегий и заработной платы высший управленческий персонал получал также особые надбавки к заработной плате на так называемые «представительские расходы» (проведение официальных банкетов, организацию совещаний и собраний, особенно с участием иностранных представителей), общая сумма которых иногда составляла до 50% заработной платы.³

Выделение партийной номенклатуры в привилегированную социальную группу не могло не вызывать откликов среди рабочих и остальных социальных групп, в том числе и среди рядовых членов партии, чему сохранились немалые свидетельства в архивных источниках. На первом Владивостокском окружном съезде советов в апреле 1926 г. в докладе одного из руководителей финансового отдела окрисполкома тов. Зыряна отмечалось недовольство окружных финансистов расходами, которые тратятся на содержание административного аппарата и, признавалось, что неравенство в окладах – «самый больной вопрос».⁴ По мнению большинства рабочих к концу 1920-х годов по сравнению с «царской Россией» ничего не изменилось: «как раньше, так и в настоящее время, есть господа и есть рабы, но

¹ Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов //Вопросы истории. - 1990. - №8. - С. 16-31; Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917 – 1920) //Отечественная история. - 1997. - №5. - С. 44-53.

² Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927 – 1928 гг. - С. 71.

³ Труд в ДВК. Статистический справочник за 1923, 1924 и 1925 годы. - С. 63; Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927 – 1928 гг. - С. 63-70.

⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 29. Л. 26.

¹ Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927 – 1928 гг. - С. 71.

² РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 29. Л. 45.

³ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43а. Д. 318. Л. 68.

⁴ Первый Владивостокский окружной съезд советов. Стенографический отчет. - С. 117.

только в иной форме».¹ Многие дальневосточники в своих письмах в центральные советские газеты задавали вопросы: «Коммунисты не дворяне, но почему у них жены в шляпках ходят и прислугу имеют?», «Скажите, какая разница между министром и народным комиссаром? Почему жены комиссаров имеют на руках бриллиантовые кольца и золото на шее. Откуда это взято? Ответьте?».²

Несмотря на недовольство народных масс, обладатели высоких окладов и привилегий не стремились от них отказываться. В 1926 г. секретариатом ЦК ВКП(б) рассматривался вопрос о ставках ответственных работников КВЖД. В результате ответственным работникам представительства советского правительства на КВЖД было разрешено получать не более 320 (золотом) руб., а членам правления дороги, управляющему и членам ревизионной комиссии позволялось удерживать у себя до 500 руб., в среднем в месяц, в качестве аванса на представительские расходы.³ По этому поводу сохранилось письмо заместителя председателя КВЖД М.М. Лашевича товарищу Г.К. Орджоникидзе, в котором М.М. Лашевич выражал крайнее недовольство снижением заработной платы: «В Москве мы с женой получали по 400 – 450 руб., теперь я получаю 320 руб., а ей работать нельзя. Я «сановник», как будет работать моя жена? ...А как я должен жить? ...У меня квартира в 10 комнат, три китайских прислуги. Словом, ...я жить не могу на 320 руб. в месяц, и никаких 180 руб. на представительские не хватит. ...Я выпивал и выпиваю. Но все знают, что я не любитель кабаков, а люблю выпить со своими ребятами дома. ...Разве ж можно проверять сколько приемов у меня было? Моя просьба – освободить меня от этих «мелочей быта». По общему мнению минимум минимальнейший – это: содержание – 500 руб. и представительские 250 руб.».⁴

Таким образом, государственные служащие, в особенности высший управленческий персонал, представляли самую обеспеченную категорию населения.

Наиболее многочисленную социальную группу на Дальнем Востоке, равно как и в России в целом, составляло крестьянство. В 1923 г. количество сельского населения в регионе исчислялось в 1193560 чел., что составляло 72,8% от общего количества жителей, в 1927 г. эта цифра увеличилась до 1519600 чел., что составило 74,7 % от всего населения. Прирост сельского населения к 1927 г. носил естественный характер и происходил за счет увеличения рождаемости, что было обусловлено установлением мирного времени и возможностью развития хозяйства.

Как уже отмечалось, определение внутриклассового группового соотношения в крестьянстве шло по степени зажиточности и носило весьма

условный характер: в 1923 г. бедняки и маломощные составляли около 58% или 692264,8 чел., середняки около 30% или 358068 чел. и зажиточные 12% или 143227,2 чел. Почти все группы крестьян имели крупные земельные наделы и, зачастую, земельный надел бедняцкого хозяйства был равен земельному наделу хозяйства зажиточного, однако отличался степенью интенсивности его обработки. Степень интенсивности обработки земельного надела зависела напрямую от количества душ в семье. Бедные хозяйства по различным губерниям и волостям ДВО имели, в среднем, от 4 до 4,9 душ на 1 хозяйство; маломощные – от 5,5 до 6,5 душ; середняцкие хозяйства – от 6,7 до 8,1 душ на хозяйство и зажиточные – от 6,4 до 10,1 душ.¹ Количество душ в семье определяло количество рабочих рук и, следовательно, степень интенсивности обработки земли и, соответственно, уровень благосостояния.

В то же время, невозможно было определить степень зажиточности хозяйства только по наличию рабочих рук, пашни, скота, как это делалось при проведении мероприятий по налогообложению. В данном случае при определении социального расслоения крестьянства нужно было использовать также и такой признак как средний уровень благосостояния, или иначе, достаток крестьянской семьи. По уровню благосостояния крестьянские хозяйства Дальнего Востока можно было определить следующим образом.² бедняцкое хозяйство – хозяйство, систематически не могущее свести свой бюджет без дефицита, попадающее во власть кредиторов, недоедающее; маломощное хозяйство – хозяйство, находящееся в положении неустойчивого равновесия, при котором недород, падеж скота и другие стихийные бедствия переводят хозяйство в разряд бедных, в то время как урожай или удачные заработки дают хозяйству возможность стать на ноги; середняцкое хозяйство – хозяйство устойчивое, благополучно и бездефицитно сводящее свой бюджет и не выходящее по своему экономическому уровню за пределы среднего уровня благосостояния в своем районе; мощное середняцкое хозяйство – хозяйство, благодаря особо благоприятным условиям (обеспеченность рабочей силой и капиталом) или предприимчивости и знаниям хозяина, выделяющееся из общей массы крестьянства своим благосостоянием; и зажиточное хозяйство – хозяйство, отличающееся от мощного середняцкого тем, что строит свое благополучие на эксплуатации других хозяйств (систематический наем рабочей силы, ростовщичество, торговля и т.д.). Если мы определим дифференциацию крестьянских хозяйств по уровню благосостояния, то в 1923 г. эта картина выглядела следующим образом: по различным волостям дальневосточных губерний процент бедняков колебался от 20 до 38%, малоимущих – от 18 до 34%, середняков – от

¹ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. - С. 233.

² Там же.

³ Большевицкое руководство. Переписка. 1912 – 1927. – С. 341-342.

⁴ Там же. - С. 342-343.

¹ Брянский А.М. Экономическое расслоение дальневосточной деревни. - С. 11.

² По данным бюджетных обследований в соответствие с источниками: РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 16. Л. 28; Труд в ДВК. Статистический справочник за 1923, 1924 и 1925 годы; Предварительные итоги бюджетного обследования рабочих и служащих Дальнего Востока в марте 1924 года; Брянский А.М. Экономическое расслоение дальневосточной деревни. - С. 2-8.

25 до 47%, мощных середняков – от 2 до 15 % и зажиточных (кулацких) хозяйств – от 1,2 до 3,5 %.¹ В отчетах Дальревкома за 1923 – 24 гг. мощные середняцкие и зажиточные хозяйства обычно объединялись в одну группу – зажиточных (кулацких) хозяйств, что и давало высокий процент зажиточных хозяйств, в среднем 12%.

Политика, проводимая на Дальнем Востоке по отношению к крестьянству с 1923 г. привела к изменению соотношения внутриклассовых групп в крестьянстве. К 1927 г. происходит «размывание» полярных групп – бедняцких и зажиточных (как мощных середняцких так и кулацких).

Для беднейшего крестьянства, проводимой социальной политикой, была создана возможность социальной мобильности, т.е. возможность повышения уровня благосостояния и перехода в следующую, более обеспеченную социальную группу. Используя налоговые льготы, систему социального обеспечения и другие виды производственной помощи, значительная часть бедняцких хозяйств крепла и поднималась до уровня середняцких. Для интенсификации производства бедняцкие и середняцкие хозяйства снабжались сельскохозяйственными машинами, что оказывало им существенную помощь. Так, по данным Далькрайисполкома, к 1927 г. бедняцким и середняцким хозяйствам губернии было продано сельхозмашин на 4,6 млн. руб.² В тоже время, чем мощнее и обеспеченнее было хозяйство, тем большую высоту стоимости налоговых единиц назначали местные власти, в соответствии с общим уровнем налогообложения Дальнего Востока и тем большее количество налоговых единиц налогообложения насчитывали, что делало невыгодным даже развитие середняцких хозяйств. Это привело к общему спаду сельскохозяйственного производства и сокращению общего уровня благосостояния за период 1923 – 1927 гг. Сокращалось количество посевных площадей, количество поголовья скота.³ Если в 1923 г. общее количество посевных площадей на Дальнем Востоке насчитывало 732700 десятин, то в 1925 г. эта цифра составила 730100 десятин, а в 1927 г. – 673900 десятин.⁴ За этот же период поголовье крупного рогатого скота сократилось к 1925 г. на 14% по отношению к 1923 г. и к 1927 г. по отношению к 1925 г. на 12,8%.⁵ Впервые стало прослеживаться желание крестьян скрыть свое благосостояние и социальную принадлежность. Широкое распространение на Дальнем Востоке получило такое явление как сдача рабочей силы с инвентарем и скотом в наем, которое практиковалось зажиточ-

ными крестьянами.¹ В 1925 г. до 43% бедняцких и маломощных середняцких хозяйств практиковали наем чужого инвентаря, скота и рабочей силы, причем расплачивались не деньгами, а процентом с урожая. Наличие в мощных середняцких и зажиточных хозяйствах членов семьи, работающих по найму, позволяло отнести себя при различных учетах и переписях к такой категории как батрачество.

В 1927 г. бедняцкое хозяйство на Дальнем Востоке выглядело следующим образом: стоимость средств производства составляла в среднем 235,1 руб., имело до 3 десятин посева, около 60% хозяйств были безлошадными и до 20% бескоровными, средний доход на едока составлял 3,9 руб., на хозяйство – 39 руб., состояло из 4-4,9 членов семьи.² Маломощное хозяйство имело до 5 десятин посева, стоимость средств производства оценивалась 328,8 руб., до 25% хозяйств были безлошадными и до 12% бескоровными, средний доход на едока составлял 17,1 руб., на семью – 120 руб., количество членов семьи – 5,5-6,5 чел. Семья середняка имела в среднем от 5 до 12 десятин посева, стоимость средств производства составляла от 397 до 1002 руб., имела 5,2 головы рабочего скота и 5,6 коров, до 7 овец, средний доход на едока составлял 40,0 руб., на семью от 320 до 543,6 руб. Зажиточное крестьянство (разной степени зажиточности) имело в среднем от 9,3 десятин посева, стоимость средств производства составляла около 1868 руб., имело от 9,8 голов рабочего скота, 8,9 коров, до 281 овец, коз и пр., средний доход на едока составлял 209,0 руб., на хозяйство – 1253 руб. Помимо этого бедняки прирабатывали 25 руб. поденным наймом (до 50 дней) в чужом хозяйстве и заготовкой дров до 15 руб., а также брали суды из земуправления до 7 пудов зерна.³ Маломощным и середнякам заготовка дров также давала до 18 руб. дохода. Зажиточный имел до 20 руб. заработок за сдачу в наем инвентаря и рабочего скота. По уровню налогообложения бедняки платили до 3,45 руб. налога, маломощные – до 7 руб., середняки – до 87 руб., зажиточные – до 265 руб.⁴ Разница в благосостоянии крестьянских групп нивелировалась налогами, социальным обеспечением и сторонними заработками, хотя значительная дифференциация хозяйств несмотря ни на что сохранялась и к 1927 г. Общее же соотношение внутриклассовых групп крестьянства по сравнению с 1923 г. несколько изменилось: бедняки составляли от 8 до 16% хозяйств по губерниям края, маломощные хозяйства – от 15 до 23%, середняки от 36 до 73% и зажиточное крестьянство составляло от 2 до 4,6%.⁵ Средний уровень дохода на 1 чело-

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 4. Л. 63; Брянский А.М. Указ. соч. - С. 43.

² Основные моменты хозяйственной деятельности в ДВК за 1929 – 1930 гг. - Хабаровск, 1931. - С. 19.

³ Отчет Дальневосточного Краевого Исполнительного Комитета за 1927-1928 год. - Хабаровск, 1928. - С. 23-28.

⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.

⁵ Там же. Д. 21. Л. 37.

¹ Конъюнктурный обзор народного хозяйства Приморской губернии за октябрь – декабрь 1925 – 1926 гг. - Владивосток, 1926. - С. 45.

² Дальневосточное статистическое обозрение. 1929. № 12. - С. 12-45; Брянский А.М. Указ. соч. - С. 40-58.

³ Материалы обследования крестьянских хозяйств Дальневосточного края в 1927 – 1928 гг. - Хабаровск, 1929. - С. 36.

⁴ Там же.

⁵ Там же. - С. 68.

века, выраженный в денежном эквиваленте, в сельском хозяйстве Дальнего Востока, независимо от степени зажиточности хозяйства, составлял 49,8 руб., являясь самым низким в крае, учитывая, что крестьянство не имело льгот, которыми пользовались рабочие, и тем более, служащие.

В то же время, с 1926 г. в ДВК уже начали создаваться коллективные хозяйства. В 1927 г. количество колхозов было незначительно – 276.¹ Как правило, это были объединения беднейших крестьянских хозяйств, способ их выживания и взаимопомощи. Средний размер такого хозяйства составлял 12 дворов, 54 десятины посева, 5 лошадей и 7 коров, 0,6 молотилок и 0,8 сеялок.² Объединения эти были добровольными, однако находились в особом отношении с государством, оказывавшим им первоочередную поддержку, но и требовавшим от них систематических поставок сельхозпродукции на определенных условиях. Это достигалось за счет сокращения внутреннего потребления колхозников, что объясняло более высокую товарность колхозного производства. Уровень существования и организации труда в коллективных хозяйствах ДВК был низким. Средний доход на 1 человека в коллективном хозяйстве в 1927 г. составлял 29,3 руб. в месяц.³ Между тем коллективные хозяйства не отвечали в целом крестьянским интересам, да и многие крестьяне просто не понимали зачем им это нужно. Большинство из них находилось в плену иллюзий относительно возможности уравнительного распределения земли. В конечном итоге крестьянский идеал в рамках единоличного хозяйства не шел дальше желания получить от государства дешевый кредит, выйти на хутор или соединить свои участки в так называемые «широкие полосы», или, наконец, выделиться из села в небольшие поселки.

Характерной чертой крестьянства, как на Дальнем Востоке, так и в остальной части России, было чувство идентичности, осознания себя единой группой на основе земледельческого быта. Это чувство идентичности, знание особенностей обработки земли, возможности и условий минимальных и максимальных доходов с ее обработки, способствовало тому, что крестьянство реально осознавало свое униженное положение по сравнению с другими социальными группами и, особенно, с рабочими и служащими, что вызывало у него крайнюю степень раздражения и ожесточения. Крестьянин Т. Маюра из деревни Михайловка Завитинского уезда Амурской губернии писал в «Крестьянскую газету» в 1925 г.: «...Сколько существует крестьянство, оно еще не имело ни к кому такой вражды, какую оно имеет к рабочим вообще и к коммунистам в особенности, и причина этой вражды выходит из самого сердца коммунистической партии, ибо ее святой лозунг – диктатура пролетариата – и есть корень вражды. Генералов и помещиков у нас нет, чтобы проводить над ними диктатуру, осталось только над крестья-

нами, ибо крестьянин продает последнюю корову, чтобы заплатить налоги, не по доброй воле, а только под давлением диктатуры. Рабочий, работая, получает за труд, а крестьянин работая, за свой труд платит. Коммунистическая партия как бы стремится всех крестьян сделать нищими, поощряет только бедноту, не помогает ей, а поощряет, и если крестьянину удастся улучшить свое хозяйство и выкарабкаться из бедноты, то его клеймят кулаком и считают врагом советской власти, а ведь нет такого крестьянина, который бы не стремился улучшить свое хозяйство и стать в глазах партии кулаком...».¹ В 1926 г. в отчете секретаря одного из укомов Приморской губернии отмечалось: «главный и основной вопрос во всех районах, и не только у меня, но и по справкам других товарищей во всех волостях нашего уезда – это большая ревность (крестьян) к рабочим, что они много получают и мало работают, что вся дороговизна на все товары и налоги на нас, крестьянах, больше, потому что государство много тратит на уплату рабочим и служащим...».² Следует добавить, что подчиненное положение крестьян по отношению к другим социальным группам в Советском государстве было зафиксировано законодательно – неравные права для рабочих и крестьян на выборах в Советы, закрепленные в Конституции 1924 г.³

К 1927 г. в структуре дальневосточного населения произошло значительное сокращение так называемых «деклассированных» социальных групп, т.е. таких групп, которых по официальной идеологии нельзя было отнести ни к пролетариату, ни к служащим, ни к крестьянству. В первую очередь значительно сократилась группа хозяев мелких и средних предприятий, которая в 1923 г. составляла 6645 чел., или 4,4.% от самостоятельного городского населения, что стало прямым результатом проводимой государством социальной политики. Высокие налоговые ставки на производимую продукцию, дополнительные обложения (расходы на общественные нужды, на создание рабочих мест для безработных, высокая плата за аренду помещений), полное отсутствие каких либо льгот вызвало свертывание производства. Постоянный рост заработной платы в государственном секторе и увеличение количества льгот, предоставляемых государственным рабочим, привело к тому, что частные хозяева не выдерживали конкуренции с государством за привлечение рабочей силы и постоянно теряли рабочих. По данным ЦСУ к январю 1927 г. в ДВК осталось одно частное предприятие по производству одежды, две частные типографии, одна электростанция, 4 кожевенных и 5 табачных фабрик, и 15% предприятий пищевой промышленности. Общее количество хозяев частных предприятий на Дальнем Востоке сократилось к 1927 г. до 1356 чел.⁴

¹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 105. Л. 12.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 152. Л. 5.

³ История советской Конституции. 1917 – 1956. - С. 264.

⁴ Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927 – 1928 гг. - С. 71.

¹ Колхозы Дальнего Востока. - Хабаровск, 1930. - С. 14.

² Там же.

³ Там же. - С. 26.

Значительно сократилось количество мелких кустарей, торговцев и ремесленников, которые в 1923 г. составляли 11% или 16776 чел. от самодеятельного городского населения, а в 1927 г. – 2,3% или 3300 чел.¹ Большая их часть вошла в состав рабочего класса; некоторые, с потерей своих малых предприятий, пополнили собой «армию» безработных, другие, будучи выходцами из деревни, вернулись в сельское хозяйство, и, наконец, часть вошла в состав советских учреждений.²

Незначительно сократилась к 1927 г. такая социальная категория как прислуга, которая в 1923 г. составляла 7,0% самодеятельного населения городов или 10404 чел.³ Эта группа составила в 1927 г. 8650 чел., или 5,9% от самодеятельного городского населения. 89% от общего числа прислуги были женщины, занимающиеся, в основном, ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей, и, 11% составляли мужчины – шоферы, обслуживающие высший управленческий персонал, печники, истопники. Интересно, что если в 1923 г. основными держателями прислуги были лица, имеющие доход от частных предприятий, торговли и т.д., то в 1927 г. основными держателями прислуги становятся служащие советских учреждений (до 87% работодателей).

На самой низкой ступени социальной лестницы в Дальневосточном крае стояли безработные, которые, в качестве источника существования могли рассчитывать только на пособия, если они имели право на регистрацию и учет, и случайные заработки. Эта группа состояла как из лиц, не могущих найти работу виду низкой квалификации или отсутствия востребованности на профессию, так и из категории «лишенцев», которые практически не имели права на труд. Точного количества последних мы так и не смогли найти в архивных источниках, но известно, что многие из них пополнили «армию» безработных, другие каким-то образом приспособились к режиму и вошли в состав низовых звеньев советских учреждений, но в целом, на Дальнем Востоке их количество было незначительным, по сравнению с центральными российскими губерниями. Общее количество безработных в крае в 1927 г. составляло по официальным данным 27025 чел.,⁴ а по неофициальным приближалось к 30 тыс. чел., сократившись, по сравнению с 1923 г. (36 тыс. чел.) незначительно.

И, наконец, последняя группа дальневосточного населения, не являющаяся социальной группой по определению, - иждивенцы государственных и общественных учреждений, - пенсионеры и лица, получающие различного рода вспомогательные пособия. С развитием на Дальнем Востоке систе-

мы социального обеспечения и страхования, эта группа составила к 1927 г. 41375 чел.¹

Если мы представим схему социальной дифференциации населения Дальнего Востока по уровню благосостояния, то она будет иметь классическую пирамидальную форму. Вершину пирамиды, являясь наиболее обеспеченным слоем населения, занимали советские государственные служащие, среди которых в 1920-е гг. по уровню благосостояния выделялась группа высшего управленческого и юридического персонала, входящая в номенклатуру должностей всех уровней. Ступенькой ниже располагались рабочие государственных предприятий различных отраслей промышленности и рабочие частных предприятий. Нижнюю ступень пирамиды занимали крестьяне, составляющие большинство населения, чей уровень благосостояния был значительно ниже чем у рабочих и которые, при этом, еще несли основное бремя налоговых платежей. Самое «дно» пирамиды занимали группы, которые, идеологически, с уверенностью невозможно было отнести ни к рабочим, ни к служащим, ни к крестьянам и получившие определение «деклассированного элемента». Сюда входили лица разнообразных занятий, профессий и различного социального положения, которых объединяло то, что они не могли рассчитывать на государственную поддержку, их источник существования не был постоянным и их доходы были крайне низки и редко превышали расходы; многие представители этих групп облагались государственными налогами и, наконец, их социальное положение носило временный характер, поскольку социальная политика была направлена на «размывание» «деклассированного элемента», для чего были созданы возможности для изменения своего статуса через образование, повышение квалификации и, как это не парадоксально звучит, проявление и подтверждение лояльности в отношении советской власти.

Подводя общие итоги проведению социальных мероприятий в 1920-е годы мы можем сделать следующие выводы.

Для Дальнего Востока исследуемый период был стартовым для дальнейшего социального и экономического развития; в этот период происходит интеграция региона в общесоветское государственное пространство. Закономерным результатом проводимой в регионе социальной политики стало создание каркаса социальной инфраструктуры, были восстановлены разрушенные во время гражданской войны и созданы новые её элементы. В этот период развивается сеть народного образования и просвещения, практически с нуля создается сеть медицинского обслуживания, продолжает развиваться и совершенствоваться система социального обеспечения и страхования, появляются новые виды пособий и выплат, направленные на поддержку наиболее слабо защищенных слоев населения, восстанавливается жилой фонд дальневосточных городов, создаются новые рабочие места, неуклонно повышается рост уровня заработной платы, покупательная спо-

¹ Отчет Дальревкома и Дальэконо за 1923 – 1924 год. - С. 38; Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927 – 1928 гг. - С. 71.

² Предварительные контрольные цифры народного хозяйства ДВК на 1928 – 1929 год. Сводная таблица. - Хабаровск, 1928. - С. 12-24.

³ Отчет Дальревкома и Дальэконо за 1923 – 1924 год. - С. 38.

⁴ Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927 – 1928 гг. - С. 71.

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 134. Л. 68.

Глава 2. Характер социальной политики на Дальнем Востоке в конце 1920-х – в 1930-е годы

§ 1. Социальная политика в годы первой пятилетки

способность которой поддерживается политикой регулирования цен. В то же время эти мероприятия способствовали не углубленному развитию социальной инфраструктуры дальневосточного общества, а лишь созданию ее каркаса, поскольку общий уровень жизни дальневосточников, возможности удовлетворения элементарных социальных потребностей, развивались крайне медленно и носили второстепенный характер по отношению к политическому и экономическому развитию.

Реализация социальной политики на Дальнем Востоке в 1922 – 1927 гг. проходила в русле общегосударственной социальной политики, и, если в первые годы после присоединения региона к РСФСР еще допускалась вариация социальных мероприятий в соответствии с местными условиями, то со второй половины 1920-х гг. социальная политика становится общегосударственной без учета региональных особенностей и потребностей. К концу 1920-х гг. уровень жизни населения Дальнего Востока стал крайне дифференцированным, что явилось прямым результатом общегосударственной концепции социальной политики, носящей ярко выраженный стратифицирующий характер. По отношению к обществу это проявлялось в обосновании и всяческом подчеркивании значимости классового деления, путем вычленения приоритетных групп государственной поддержки. Так интересы рабочих ставились над интересами крестьян, причем поддерживалось и внутригрупповое различие через механизмы заработной платы, налогообложение, через систему социального обеспечения и создание системы льгот и привилегий.

В 1920-е гг. советское общество начинает организовываться как система властных иерархий, где властные отношения реализуются как господство высших слоев над низшими, что достигается не столько насильственными, сколько символическими средствами через утверждение особого типа легитимации власти – установления партийного авторитета. Именно партия, через теорию классового деления общества и утверждения социализма в результате классовой борьбы, начинает составлять организующее ядро и регулирующую силу всего государственного устройства. Основным субъектом социальной политики становятся группы, образующие структуру государства, чья власть распространилась на подавляющую часть материальных и трудовых ресурсов, определяемые как государственные служащие, среди которых особо выделяется группа партийных руководителей, непосредственно обладающих властными полномочиями, которые проводят политику перераспределения доходов через систему дифференцированных налогов, платежей и государственных льгот, в первую очередь обеспечивая свои потребности. Социальное деление общества с этого периода начинает строиться на основе как реальных так и номинальных властных полномочий – чем ближе социальная группа к государственной власти, тем выше её социальное положение и шире возможности практически во всех областях.

Одновременно с большевистской социальной модернизацией происходило укрепление партийного государства, политического режима. Политическая борьба между различными партийными группировками в руководстве страны по вопросу о путях социалистического развития советского общества и определении перспектив НЭПа, развернувшаяся еще в начале 1920-х гг., завершилась к 1927 г. полной победой И.В. Сталина и его социально-экономической доктрины. Важнейшим шагом в укреплении И.В. Сталиным своего положения стал «ленинский призыв» в партию, организованный им в 1924 г., который сопровождался стремительными сдвигами: к 1 ноября 1925 г., в канун XIV Съезда ВКП(б), численность членов партии впервые превысила миллион человек. К середине 1927 г. около 60% составляли те, кто вступил в партию после смерти В.И. Ленина.¹ Именно эти люди стали опорой И.В. Сталина в его укреплении у власти. В результате этих кадровых модификаций к концу 1920-х гг. произошла окончательная подмена государственного аппарата партийным, усилилась бюрократизация и огосударствление всех сфер жизнедеятельности общества.

В результате проводимой в 20-е гг. социальной политики, уровень жизни в стране медленно повышался по сравнению с первыми послереволюционными годами. По мере роста денежных доходов населения стала сказываться ограниченность промышленного производства – как в городах, так и в сельской местности, по всей России стал остро ощущаться недостаток промышленных товаров: в 1926 г. дефицит промышленных товаров определялся в 220 млн. руб., а в первом полугодии 1927 г. он составлял до 500 млн. руб.² Разрушение надежды, питаемой длительное время лидерами ВКП(б) на победу социалистических революций в окружающих Советскую Россию странах, быстрые темпы экономического роста в послевоенной Европе привели к необходимости развития крупной промышленности для обеспечения государственного суверенитета. На XIV съезде партии, проходившем с 18 по 31 декабря 1925 г., был провозглашен курс на индустриализацию страны, в рамках которого все экономическое развитие должно было быть подчинено развитию крупной промышленности и, в первую очередь, машиностроения.³ Однако, до конца 1927 г. развитие промышленности проходило достаточно вялыми темпами.

В постановлении СНК СССР от 8 июня 1927 г. была определена задача: использовать все внутренние ресурсы страны для скорейшего развития

¹ Овсянников А.А. Идеино-теоретическое наследие лидеров большевизма (источниковедческое исследование). – М., 1997. – С. 30.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 354. Л. 5.

³ XIV Съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М.-Л., 1926. – С. 68.

индустрии, и в первую очередь тяжелой и военной.¹ Здесь же была обоснована необходимость свертывания НЭПа и частной инициативы. В выборе путей и методов индустриализации сыграла свою роль как идеология – большевистское неприятие рынка и частной собственности, так и политика – в развитии частного сектора виделась возможность реставрации капитализма и угроза политической власти большевиков. В этот же период в партии побеждает концепция И.В. Сталина о возможности «построения социализма в одной стране», которая была связана с необходимостью централизованного планирования и коллективизацией. Развитие промышленности должно было стать целью, а достижение цели, по мнению И.В. Сталина, было невозможно без конкретного плана действий. На XV Съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. были рассмотрены первые варианты пятилетнего плана на 1928 – 1932 гг., который окончательно был принят и утвержден в наиболее амбициозном его варианте в 1929 г.

Для быстрых темпов развития индустриализации страна нуждалась в продовольственных поставках. Крестьянин же строил свое хозяйство в расчете на самообеспечение. Заплатив требуемый налог государству за счет продажи продуктов животноводства и технических культур, крестьяне придерживали хлеб или продавали его частнику, который платил хорошие деньги, в результате чего только в 1927 г. государство недополучило 128 млн. пудов хлеба.² Было принято решение о коллективизации сельского хозяйства. Главной идеей коллективизации стало создание нового собственника сельскохозяйственной продукции – колхозов, полностью зависящих от государства, которые должны были сдавать продукцию в государственные «закрома» в соответствии с планом и по ценам, определяемым государством. Социальная политика должна была соответствовать общим планам экономического развития страны на 1928–1932 гг.

В 1927 г. А.И. Микоян, возглавлявший наркомат внутренней и внешней торговли, с гордостью заявил: «Крестьянская стихия, крестьянский хлебный рынок находятся целиком и полностью в наших руках, мы можем в любое время понизить и повысить цены на хлеб, мы имеем все рычаги воздействия в наших руках».³ Уже с 1927 г. власть перешла к осуществлению мероприятий, призванных административными методами максимально вытеснить частника из торговли и производства. Это наступление, неподготовленное экономическими преобразованиями, сопровождалось централизацией руководства и быстрым ростом и без того многочисленного состава советских государственных служащих. Монополия политической власти, сращивание партийного и хозяйственного аппарата уже сами по себе противоречили замыслу НЭПа и его развитию. Коммунисты стали

особой социальной силой, определяющей по собственному усмотрению социально-политическое развитие страны.

Проведение коллективизации и соответствующих социальных мероприятий в её русле на Дальнем Востоке началось с конца 1927 г. В октябре 1927 г. прошел первый Дальневосточный краевой съезд колхозников, который, под влиянием центральных директив, принял нормы организации труда и формы внутреннего построения колхозов. Съезд, опираясь на общегосударственный политический курс, постановил организовать при Дальсельсоюзе колхозную секцию Дальколхоз, которая должна была руководить идеологической, организационной и агрономическо-производственной сторонами колхозного строительства.

В течение 1927 – начале 1928 гг. колхозы в ДВК начали создаваться исключительно на добровольных началах, чему предшествовала активная пропагандистская деятельность Далькрайкома ВКП(б). Идею объединиться в колхозы поддерживали крестьяне, чьи хозяйства определялись как бедняцкие и маломощные. Объединение этих социальных слоев в коллективные хозяйства было обусловлено, во-первых, желанием получить государственную ссуду, во-вторых, желанием получить урожай от коллективно обработанной земли (с использованием общего инвентаря и рабочего скота), который, впоследствии, они надеялись, после выполнения государственного заказа, разделить между собой на равные пропорции в зависимости от вклада каждого.¹ Однако, практически полное изъятие в конце сельскохозяйственного года хлеба государством, привело к распаду этих объединений. К июню 1928 г. количество колхозов по ДВК составляло 323,² а к концу года, когда надежды крестьян на справедливый раздел урожая не оправдались, первичных объединений распалось 50%, сельхозартелей распалось 61,5%, коммун распалось 75%.³ Летом 1928 г. поля всего Владивостокского и частично Амурского округов были залиты сильнейшим наводнением, что ускорило не только распад коллективных хозяйств, но и привело к полному срыву государственных хлебозаготовок.⁴ Срыв хлебозаготовок в этот год произошел не только на Дальнем Востоке, но и в Западной Сибири и в других округах и районах страны. Причиной срыва хлебозаготовок был объявлен «кулацкий саботаж».⁵

Возрождение чрезвычайных мер по отношению к крестьянству, началось с пленума ЦК ВКП(б), проходившего в июле 1928 г., где И.В. Сталин

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 16. Л. 248.

² История советского крестьянства. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства: конец 1927 – 1937. /Отв. ред. И.Е. Зеленин. – М., 1986. – С. 112.

³ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 16. Л. 373-374.

⁴ Резолюции десятой Владивостокской окружной партийной конференции (9-18 мая). – Владивосток, 1930. – С. 22-23.

⁵ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации: 1927–1932 гг. /Сост. В.П. Данилов и др.; Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. – М., 1989. – С. 21.

¹ Собр. Зак. 1927. №37. Ст. 373.

² Дяхтер Г.А. Советская торговля в период построения социализма. – М., 1961. – С. 271.

³ Микоян А.И. Продовольственное снабжение и наши задачи. – М., 1930. – С. 96.

выступил с теоретическим обоснованием «генеральной линии партии в деревне». Коснувшись вопроса о крестьянстве, он признал, что оно платит государству не только обычный налог, но и при условии расхождения индексов цен, переплачивает за промтовары и недополучает за сельскохозяйственные продукты. Определив этот «добавочный налог» как «нечто вроде дани», «нечто вроде сверхналога», И.В. Сталин заявил, что для индустриализации без него обойтись невозможно.¹ И тогда же был им изложен тезис «об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма». Недовольство основной крестьянской массы политикой в отношении деревни было воспринято как препятствие со стороны классового врага – «деревенской буржуазии» – построению социализма в стране.

В декабре 1928 г. было принято постановление Совнаркома Союза ССР «О мерах по борьбе с лжекооперацией», в котором говорилось, что «капиталистические (кулацкие) элементы проникают в кооперативные организации и превращают их в лжекооперативы».² Лжекооперативами признавались такие кооперативы, «в которых преобладающее влияние имели капиталистические (кулацкие) элементы использующие кооперативную форму в своих классовых целях, или такие, деятельность которых уклонялась в сторону, противоположную интересам социалистического строительства». Мерами оздоровления таких кооперативов должно было стать исключение капиталистических (кулацких) элементов либо, если первое было невозможно, безусловная ликвидация кооперативов. Борьба против частника привела на Дальнем Востоке к массовой ликвидации в середине 1929 г. сельской кооперации, которая, в большинстве своем, состояла из бедняцких и середняцких хозяйств. Так, в 1927 г. потребительская кооперация объединяла 45,9% бедняков и 53,3% середняков, а кредитная кооперация состояла из 32% бедняков.³ В конце 1928 г. всеми видами сельхозкооперации было охвачено 46,4% крестьянских хозяйств, в основном – бедняцких и середняцких.⁴ Чтобы оправдать ликвидацию сельской кооперации, Далькрайисполком, в отчетных документах, отмечал, что в большинстве сельсоветов края преобладали середняки и зажиточные крестьяне, а в некоторых, члены сельсоветов имели батраков.⁵

Признаки кулацких хозяйств были впервые определены 20 февраля 1929 г. специальным постановлением СНК «О признаках кулацких хозяйств, в которых применяется Кодекс законов о труде».⁶ Для отнесения того или иного крестьянского хозяйства к кулацкому типу было достаточно, чтобы оно обладало одним из следующих пяти признаков: систематическое применение наемного труда для сельхозработ или в кустарных про-

мыслах и предприятиях; наличие мельницы, крупорушки, маслобойни, картофельной или овощной сушилки или инвентаря с механическим двигателем; систематическая сдача в наем сложных сельскохозяйственных машин с механическими двигателями; постоянная или сезонная сдача в наем помещения под жилье или предприятие; наличие нетрудовых доходов, к каковым относились занятия торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством, а также доходы служителей культа.¹ 12 мая 1929 г. Далькрайисполком, в соответствии с постановлением СНК, издал свое постановление, в котором определил признаки кулацких хозяйств для ДВК. К вышеперечисленным признакам были добавлены: использование полностью своего земельного надела; пригородные промышленные хозяйства, имеющие огороды и расположенные от города на расстоянии до 35 км; пригородные молочные хозяйства при наличии в них не менее 3-х коров и расположенные от города на расстоянии до 35 км; крестьянские хозяйства, занимающиеся рисосеянием при наличии в них не менее 2 га посевов риса; хозяйства, размер дохода в которых превышал в Читинском и Сретенском округах 150 руб. на едока, но не менее 800 на хозяйство, в Хабаровском, Владивостокском, Зейском и Николаевском – 200 руб. на едока, но не менее 1000 руб. на хозяйство, в Амурском округе – 200 руб. на едока, но не менее 1250 руб. на хозяйство.² Так же добавлялось, что кулацкими считаются все хозяйства, попадающие хотя бы под один из признаков. Таким образом, каждое второе хозяйство на Дальнем Востоке могло быть отнесено к кулацкому.

Наиболее действенным механизмом в реализации дифференцированного подхода к сельскому населению с конца 1920-х гг. стал единый сельхозналог. В течение февраля 1929 г. были приняты два постановления о едином сельхозналоге на текущий год.³ Первое постановление касалось облегчения положения середняцкого крестьянства: в районах, где обложение производилось по посеву, от обложения освобождался весь прирост посевных площадей. Эта льгота предоставлялась всем единоличным хозяйствам, кроме «явно кулацких», а также всем колхозам. Понижались нормы доходности одной десятины пашни, а также обложение дохода от сдачи в наем сельхозмашин. Второе постановление полностью освобождало от налога малоимущие хозяйства (до 35% общего числа крестьянских хозяйств страны⁴). Налогооблагаемый минимум для единоличных хозяйств с 1-2 едоками был установлен в 110 руб., с 3-4 едоками – 130 руб., при 5 и более едоках – 150 руб. на хозяйство; для сельхозкоммун и артелей этот минимум составлял 30 руб. на едока.⁵ Колхозам предоставлялись льготы в размере 40-60% от ставки налога, если в них на едока приходилось не более средне-

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. – М., 1951. – С. 159-160.

² Собр. Зак. 1929. №3. Ст. 28.

³ Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX – XX вв. (Очерки истории). – С. 189.

⁴ Там же.

⁵ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 16. С. 279.

⁶ Собр. Зак. 1929. №54. Ст. 501.

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7. Л. 30-31.

² Там же. Д. 7а. Л. 383.

³ Собр. Зак. 1929. №10. Ст. 95.; №12. Ст. 102.

⁴ Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929–1930 год. – М., 1930. – С. 156.

⁵ Собр. Зак. 1929. №12. Ст. 102.

го дохода, приходящихся на едока в единоличных хозяйствах по району или уезду.¹ Также предоставлялись льготы пострадавшему от стихийных бедствий, населению северных окраин и др. В 1929-30 гг. постановлением Далькрайисполкома в соответствии с постановлением СНК было определено количество подлежащих полному освобождению от налога по необлагаемому минимуму и фонду маломощности хозяйств в процентах по отношению к общему количеству хозяйств по округам: в Читинском – 41%, в Сретенском – 39%, в Зейском – 38%, в Амурском – 32%, в Хабаровском – 41%, во Владивостокском – 38% и в Николаевском на Амуре – 36 % хозяйств.²

В мае 1929 г. состоялся 5-й Съезд советов СССР, который обязал руководство на местах оказывать всемерную поддержку переходу целых сел и деревень к коллективным формам труда, преодолевая сопротивление кулачества и создавая условия экономической заинтересованности бедняцких и середняцких масс к коллективным формам хозяйства.³ На основе решений Съезда 21 июня было принято постановление ЦИК и СНК «О мерах укрепления колхозной системы», которое устанавливало порядок распоряжения колхозными средствами производства и сбыта колхозной продукции, а также систему кредитования колхозов и их объединений.⁴

Таким образом, до конца 1929 г. государство оказывало материальную помощь беднякам и середнякам, ограничивая путем налоговых норм развитие кулацких хозяйств.

В феврале 1930 г. вышло новое положение о едином сельхозналоге, которое резко усилило давление на единоличные хозяйства.⁵ Для них, в отличие от колхозов, устанавливали нормы доходности. Причем кулацкие хозяйства облагались даже не по этим нормам, а по «действительной доходности», в индивидуальном порядке, и не имели никаких льгот по налогу. В марте 1930 г. Далькрайисполком постановил, что нормы «действительной доходности» должны устанавливаться сельсоветами и обсуждаться, так же как и списки кулацких хозяйств, собраниями бедноты.⁶ Здесь же было зафиксировано, что источники, с которых платился единый сельхозналог, не облагались другими налогами кроме промыслового с неземледельческих занятий, облагаемых в процентном отношении к обороту, т.е. приносящих высокие доходы. По нормам «действительной доходности» по округам ДВК, в среднем, облагались до 38% хозяйств.⁷

¹ Собр. Зак. 1929. №12. Ст. 103.

² ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7. Л. 17.

³ Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов: 1917–1959 /Под ред. С.Г. Струмилина. - М., 1961. - С. 212.

⁴ Собр. Зак. 1929. №40. Ст. 359.

⁵ Там же. 1930. №13. Ст. 143.

⁶ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 9. Л. 64.

⁷ Из истории коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока (1927-1937 годы) /Сост. Елизарова Е.И., и др. – Хабаровск, 1979. – С. 58.

Индивидуальное обложение в ДВК сельхозналогами наиболее зажиточной части деревни привело к тяжелым социальным последствиям и сказалось на дальнейшем развитии экономики края. Неопределенное понятие «действительной доходности» вызвало резкое переобложение не только зажиточных хозяйств, но и середняцких. Местные власти стали использовать налог в качестве средства, побуждающего крестьян продавать хлеб, иначе говоря, в целях выполнения хлебозаготовительных планов. Для наиболее зажиточных хозяйств налог оказался повышенным не на 30-35 и даже не на 60-70%, а в 2-3, а зачастую, и в 5-6 раз, став средством разорения крестьян.¹

Резкое изменение политики в деревне обозначило декабрьское постановление СНК «О весенней посевной кампании 1930 года».² В преамбуле постановления говорилось, что для сельского хозяйства страны наступила пора коренной перестройки на социалистических началах и что встает задача сплошной коллективизации целых областей и, в том числе, Дальнего Востока. Весенняя посевная кампания должна была обеспечить ускоренный рост коллективных хозяйств. Эта задача должна была быть решена на основе «мобилизации всех сил рабочего класса и бедняцких масс крестьянства для социалистического переустройства хозяйства и наступления на кулака».³ Объединение рабочих и беднейшего крестьянства с целью ликвидации частника в деревне было четко продуманным политическим шагом со стороны партийного руководства. С одной стороны, объединение крестьян с рабочими должно было показать, что советская власть не делает различия между первыми и последними, с другой, опора на беднейшее крестьянство провоцировала социальный конфликт в деревне или необходимую для ликвидации кулачества, в соответствие с официальной идеологией, «классовую борьбу». Ставка делалась на неимущую часть деревни, завидовавшую более состоятельным крестьянам, на самые темные стороны человеческой души.

Для оказания «помощи» сельскому хозяйству со стороны города ВЦСПС должен был до 15 февраля 1930 г. откомандировать 25000 рабочих на систематическую работу по коллективизации, основной деятельностью которых должна была стать пропаганда крестьянам новой политики партии в деревне. Специальным постановлением СНК для промышленных рабочих, направляемых на работу по колхозному строительству, предусматривались различные льготы, среди которых наиболее весомой было право по возвращению получить в городе для себя и членов своей семьи жилплощадь.⁴ Кулаки в ходе коллективизации подлежали экспроприации имущества и, в случае оказания сопротивления, лишению гражданских прав и

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 500. Л. 64.

² Собр. Зак. 1930. №1. Ст. 4.

³ Там же.

⁴ Там же. Ст. 7.

выселению. Конфискованное имущество кулаков должно было передаваться в неделимые фонды колхозов в качестве взносов бедняков и середняков, вступающих в колхоз.

Действие декабрьского постановления на Дальнем Востоке вылилось в массовое разорение крепких крестьянских хозяйств через загон крестьян в колхозы при полном обобществлении их имущества. В январе 1930 г. в колхозах находилось 20,8 тыс. крестьянских хозяйств, в феврале их количество увеличилось до 90,8 тыс., в марте – до 104,6 тыс. хозяйств.¹ В январе 1930 г. в крае насчитывалось 936 колхозов, в феврале уже 1017, а в марте – 1500 колхозов.² Насильственные методы создания коллективных хозяйств вызвали сопротивление через поджог семенных и массовый убой скота. 1 ноября 1930 г. было принято специальное постановление ЦИК и СНК «О мерах против хищнического убоя скота».³ Нарушители должны были подвергаться штрафу в размере десятикратной стоимости убитого животного. Районные исполнительные власти наделялись правом конфисковать весь скот у забивающих домашних животных крестьян и привлекать последних к уголовной ответственности, причем суду предписывалось применять к ним лишение свободы до 2-х лет с выселением из данной местности. После принятия постановления Далькрайисполком стал применять уголовную ответственность за поджоги семенных, убой скота и подстрекательство к этому. Только за первую половину 1930 г. было осуждено 2254 чел. за сопротивление коллективизации, 638 семей с общей численностью 4360 чел. было выслано из края.⁴ В результате был сорван сев яровых, что привело к голоду в ряде округов: в Сретенском, Читинском, Хабаровском, частично Владивостокском и Амурском.⁵ Голод был настолько сильным, что люди вынуждены были употреблять в пищу суррогаты хлеба. Что только не добавляли в него: толченые клеверные головки и сушеную березовую кору, отруби, овес, фасолевую и картофельную шелуху, желуди. Желудочные заболевания в Сретенском и Хабаровском округах приняли массовый характер, появились случаи голодной смерти. Началось отходничество, нищенство, воровство, стихийные переселения в города Читы, Владивосток, Хабаровск. По краю прокатилась волна убийств активистов, партработников.⁶ К концу 1930 г. было раскулачено, осуждено за сопротивление коллективизации, выселено за пределы края в общей сложности 6289 семей, что составило около 36860 человек.⁷

Курс на форсированное обобществление сельского хозяйства привел к тому, что (через несколько месяцев после известной статьи И.В. Сталина

«Головокружение от успехов») появилось «Разъяснение Народного Комиссариата земледелия и Колхозцентра Союза ССР по вопросу о праве колхозников владеть скотом».¹ В нем говорилось, что устав сельхозартели не ограничивает права ее членов выращивать молодняк, разводить и покупать в единоличное владение крупный и мелкий рогатый скот и свиней. Более того, правление колхозов было обязано оказывать всяческое содействие колхозникам в заведении и выращивании скота, предоставляя им пастбища, выдавая корма в счет причитающихся доходов. Данное решение партийного руководства о поддержке крестьян, занимающихся разведением скота, было направлено не на ослабление социальной напряженности в деревне, а носило исключительно прагматический характер. С сокращением количества голов скота из-за падежей и массовых забоев возникла проблема со снабжением городов и индустриальных строек мясом, молоком и другими продуктами животноводства. Для выполнения, прежде всего, задач индустриализации власти вынуждены были признать необходимость развития на селе индивидуального животноводства. Это было свидетельством того, что отношение большевиков к крестьянству находилось в соответствии исключительно с прагматическими целями развития страны и политического режима.

С начала 1930 г. правительство, для привлечения крестьян в колхозы, стало использовать уже проверенный и верный механизм выделения льгот. В апреле 1930 г. вышло постановление ЦИК и СНК «О новых льготах для колхозов и их членов», которое освобождало от уплаты единого сельхозналога на два года (1930/31 и 1931/32) весь обобществленный рабочий скот в колхозах, всех коров и овец, свиней и птиц, находящихся в колхозах и в единоличном владении колхозников, а также площади, обрабатываемые под огороды.² С колхозов списывались задолженности по землеустройству, а с колхозников – невзысканные до выхода постановления штрафы. Одновременно воспрещалось отчислять в доход колхозов более 3-10% заработков колхозников вне колхоза. Согласно постановлению от 2 июля 1930 г. маломощным сельхозартелям и товариществам по обработке земли (ТОЗам), у которых рабочий скот и инвентарь были обобществлены, оклад сельхозналога снижался районными налоговыми инспекциями до 50%.

В конце ноября 1930 г. на основании постановления ЦИК и СНК «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперативы»³ вышло постановление Далькрайисполкома,⁴ в котором говорилось, что членами колхозов и других сельскохозяйственных кооперативов, а также промысловых и кооперативных товариществ и потребительских обществ не могут быть кулаки и другие лица, лишенные избирательных прав. Исключение допускалось

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 10. Л. 50, 69.

² Там же.

³ Собр. Зак. 1930. №57. Ст. 598.

⁴ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 10. Л. 74-76.

⁵ Там же. Д. 15. Л. 36.

⁶ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1671. Л. 71.

⁷ Там же.

¹ Собр. Зак. 1930. №43. Ст. 446.

² Там же. №21. Ст. 230.

³ Там же. №56. Ст. 591.

⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 968. Л. 36.

лишь для семей, в составе которых были красные партизаны, красноармейцы и краснофлотцы, а также сельские учителя и агрономы, при условии, если они поручатся за членов своих семей.

В результате проводимой социальной политики в начале 1930-х гг. обострились все свойственные деревне конфликты и противоречия: между различными группами крестьянства, между земледельцами и животноводами и добавились новые, прежде всего между колхозниками и неколхозниками, еще более усложнились отношения между крестьянами и рабочими, приехавшими из города, которые занимались в основном тем, что проводили изъятие как у частников, так и у колхозников хлеба и конфискацию имущества раскулаченных.¹ Центральной власти и органам различных уровней на местах становилось все сложнее управлять крестьянством. Было принято решение о скорейшем завершении социальной и хозяйственной модернизации в деревне.

В конце 1930 г. количество раскулаченных хозяйств было признано «явно недостаточным», а результаты обложения единым сельхозналогом – неудовлетворительными.² 23 декабря 1930 г. постановлением ЦИК и СНК «Об обложении кулацких хозяйств единым сельхозналогом в индивидуальном порядке» местные советы обязывались выявить все кулацкие хозяйства и обложить их в индивидуальном порядке с тем, чтобы закончить взыскание налога с кулацких хозяйств не позднее 15 января 1931 г.³ Данное постановление также предоставляло местным советам право видоизменять, применительно к местным условиям, признаки кулацких хозяйств, определенные постановлением 1929 г. Практически эта мера была рассчитана на зажиточные сибирские и дальневосточные деревни, где многие хозяйства «выпадали» за пределы постановления 1929 г.

Обладая высоким промышленным потенциалом, Дальний Восток входил в перечень регионов, в которых должна была быть проведена массовая коллективизация. Это было обосновано тем, что в пределах территорий, где проходят крупные промышленные стройки, не должно быть, согласно официальной точке зрения, «чуждых социальных элементов, способных саботировать процесс индустриализации».⁴

На основании постановления ЦИК и СНК от 23 декабря 1930 г. Далькрайисполком еще раз дополнил признаки кулацких хозяйств: к кулацким было решено приравнять хозяйства с наличием 8 голов крупного и

30 голов мелкого скота.¹ При этом, хозяйства, попадающие под один из существующих признаков попадали не просто под налогообложение, а под раскулачивание.

К июню 1931 г. было раскулачено и выселено за пределы края 9636 кулацких семей общей численностью 54860 чел., общая стоимость имущества которых, переданного в колхозы, составила 3363,8 тыс. руб.² К концу 1931 г. Далькрайисполком заявил, что колхозами в крае охвачено до 69,6% крестьян: всего на Дальнем Востоке было раскулачено около 54 тыс. хозяйств с общей численностью 208 тыс. человек.³ Если эти данные сравнить с численностью зажиточных хозяйств в 1927 г., то получается, что под раскулачивание вместе с зажиточными попало огромное количество середняцких хозяйств.

В 1930-1931 гг. по стране прокатилась волна крестьянских восстаний, что вынудило правительство признать перегибы в ходе проведения коллективизации. Только в 1930 г. на Дальнем Востоке произошло 12 антиколхозных выступлений.⁴ Большое количество обращений поступало в органы власти от крестьян, которые указывали, что были раскулачены незаконно, поскольку никогда к категории зажиточных не относились. В 1931 г. в ДВК было зафиксировано свыше 16000 обращений в Далькрайисполком с просьбой о восстановлении в правах.⁵ Чтобы снизить уровень социального недовольства в деревне, становившейся реальной угрозой для политической власти большевиков, 3 июля 1931 г. было принято постановление Президиума ЦИК «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков».⁶ Постановление указывало, что выселенные кулаки могут быть восстановлены во всех гражданских правах и получить избирательные права по истечении 5 лет с момента выселения, при условии, что они в течение этого срока доказали на деле, что прекратили борьбу против колхозов и советской власти и показали себя честными и добросовестными тружениками.⁷

Подводя итог социальной политике в деревне в период первой пятилетки, мы можем определить ее как политику, направленную на ликвида-

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 384.

² ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 386; История советского крестьянства. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства: конец 1927 – 1937 / Отв. ред. И.Е. Зеленин. – М., 1986. – С. 217.

³ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 386-387.

⁴ Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 131. Л. 28.

⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1672.

⁶ Собр. Зак. 1931. №44. Ст. 298.

⁷ В данном постановлении речь шла не о гражданских (личных) правах человека и гражданина в рамках международного права (т.е. право на жизнь и достоинство личности, на свободу и личную неприкосновенность, на неприкосновенность частной жизни, жилища, свободу передвижения и выбора места жительства и т.д.), о чем ни в коем случае не могла идти речь в тоталитарном государстве, а о правах в системе гражданского права, т.е. о имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношениях, зафиксированных в советском гражданском законодательстве.

¹ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. – С. 274 – 275.

² Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам: 1917 – 1957 годы. Сборник документов. Т. 1: 1917 – 1928 годы / Сост. В.Н. Малин, А.В. Коробов. – М., 1957. – С. 156.

³ Собр. Зак. 1931. №1. Ст. 6.

⁴ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову: 1925 – 1936 гг. Сборник документов / Сост. Л. Кошелева, В. Лельчук и др. – М., 1995. – С. 168.

цию наиболее обеспеченных слоев деревни, что позволило государству поставить сельское хозяйство под свой контроль, поскольку вместе с ликвидацией хозяйственно активных крестьян ликвидировалась и социальная самостоятельность и независимость крестьянских слоев вообще. В то же время ликвидация наиболее обеспеченных и активных крестьян привела к снижению общего уровня жизни в деревне.

В период первой пятилетки окончательно оформилась система государственного снабжения различных социальных групп населения. Государственное снабжение рабочих стало осуществляться уже в начале 1920-х гг. и было вызвано неразвитостью отраслей промышленности, производящих товары народного потребления, высокими рыночными ценами на товары кустарного производства, неразвитостью государственной кооперативной и торговой сети. Решение о форсированном развитии тяжелой промышленности в ущерб интересам отраслей, производящих товары народного потребления, в конце 1920-х гг. вызвало небывалый ранее товарный дефицит. Проведение коллективизации, огромные налоги, которыми облагались частновладельческие хозяйства, сокращение пашни и забой скота привели сначала к росту цен на сельхозпродукцию, а затем и вовсе к разрушению продуктового рынка.¹ Развитие тяжелой промышленности потребовало обеспечения достаточного уровня жизни для рабочих, как основной силы индустриализации, в ущерб интересам других слоев населения. В 1920-е гг. также осуществлялось снабжение государственных служащих - как служащих предприятий и организаций, так и партийного аппарата, который к тому же, обладал огромным количеством привилегий, в состав которых входило и распределение продовольственных товаров. И если ставка на рабочих была идеологически обоснована, то ставка на советских государственных служащих оставалась за фасадом общественного знания.

Для обеспечения наиболее приоритетных категорий населения и была создана система государственного снабжения товарами народного потребления и продуктами питания. Государственное снабжение стало основным механизмом перераспределения материальных благ в обществе.

Острый недостаток товаров в России стал ощущаться уже к 1928 г., в то время как Дальний Восток попал под угрозу товарного голода ещё в начале 1927 г. Дальневосточное статистическое управление в июле 1927 г. отмечало, что в крае имелся острый систематический недостаток товаров народного потребления, на который частный рынок реагировал повышением цен, и делался вывод о необходимости увеличения товарного снабжения.² Снабжение регионов в условиях централизации системы распределения зависело от важности территории в выполнении пятилетнего плана.

¹ О развитии потребительского рынка в 1920-е – 1930-е гг. см.: Потребительская кооперация СССР за 1929 – 1933 гг. Основные показатели. - М., 1934; Экономика советской торговли /Сост. Я. Иоффе. - М., 1934; Уровень нашей жизни: 1913–1993. Аналитический справочник /Сост. В.М. Уралов. – М., 1995.

² ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 10. Д. 39. Л. 64.

Темп и объем капитального строительства при сырьевом вывозящем уклоне краевого хозяйства, в рамках которого производимая продукция (пушнина, лес, рыба, золото и т.д.) не участвовала во внутреннем обороте края и не находилась в должном соответствии со снабжением ДВК товарами внекраевого происхождения, обусловили к концу 1927 г. резкий скачек цен и исчезновение многих товаров с рынка.¹ В городах Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске стали появляться первые карточки на товары и продукты. Наводнение 1928 г. и срыв хлебозаготовок привели к тому, что в крае в сентябре 1928 г. появились первые карточки на хлеб, введенные Далькрайисполкомом, а к концу 1928 г. карточная система распространилась почти на все продукты питания.² В начале 1930 г. Далькрайисполком принял решение о нормированном снабжении всех групп населения края, которое было зафиксировано постановлением «О первоочередном снабжении рабочих промышленных районов».³ В постановлении была установлена следующая очередь снабжения продуктами питания и промышленными товарами: 1. Железнодорожный транспорт; 2. Сучан, Артем (угольная промышленность), лесозаводы, фанерный завод, водный транспорт, новостройки, машинотракторные станции, зерносовхозы, грузчики, цементный завод, металлопромышленность; 3. Владивосток, Хабаровск, учительство; 4. Спасск, Благовещенск, Никольск-Уссурийский, Николаевск на Амуре; 5. Переселенцы, беднота, батрачество. Параллельно было принято постановление Далькрайкома ВКП(б) «О самоснабжении руководства», в соответствии с которым снабжение высшего управленческого персонала должно было осуществляться приоритетно и за счет партийных средств, формируемых из взносов рядовых членов партии.⁴ Таким образом, не считая самоснабжения руководства, в первую очередь должны были снабжаться рабочие (прежде всего транспортники), во вторую очередь служащие (учителя и т.д. – население городов), и на последнем месте сельская беднота и батрачество. В январе 1929 г. рабочие и милиция получали по 600 г хлеба в день, служащие и члены семей рабочих и служащих – по 300 г; в ведомственных столовых выдавалось 50 г хлеба на завтрак, обед и ужин; бедняцкое население краевых поселков и деревень получали по 2 кг хлеба в месяц.⁵ Распределение продуктов на местах полностью контролировалось центральной властью. 6 декабря 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило руководству крупных промышленных центров и городов ввести карточки на хлеб, закрепив, таким образом, карточную систему уже введенную в ДВК. Были официально сформулированы цели карточной системы: обеспечение по-

¹ Дударь Л.А. Развитие внутренней торговли на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 г. – июнь 1941 г.): Дис. ...канд. ист. наук. – Владивосток, 1998. – С. 123.

² ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7. Л. 196.

³ Там же. Д. 10а. Л. 406–407.

⁴ Там же. Л. 412.

⁵ Там же. Л. 416.

требления рабочих и служащих за счет сокращения расхода хлеба для снабжения «непролетарского населения», особенно крестьян.¹

14 февраля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект постановления, внесенный Наркомторгом об отпуске хлеба населению в соответствие со специальными талонами – заборными книжками, которые должны были выдаваться только трудовому населению городов.² Постановлением был установлен предельный размер хлебного пайка: в Москве и Ленинграде для рабочих и служащих фабрично-заводских предприятий он составлял 900 г печеного хлеба в день, для членов семей рабочих, служащих и их семей, прочего трудящегося населения и для зарегистрированных безработных – 500 г, в остальных промышленных городах и фабрично-заводских поселках – 600 и 300 г. Карточная система по всем городам должна была быть приведена в соответствие с постановлением. Разрешалась свободная продажа хлеба без карточек приезжему населению в городах, но только из того, что оставалось после обеспечения главных потребителей и по двойной рыночной цене.

Постановление явилось началом официального оформления политики государственного дифференцированного снабжения. Москва и Ленинград особо выделялись в системе снабжения; население промышленных городов и поселков получало преимущество по сравнению с жителями неиндустриальных городов; работающие на индустриальных объектах – преимущество перед теми, кто работал на второстепенном производстве. В постановлении ничего не говорилось о гарантированном снабжении сельских бедняков, которые стали, таким образом, социальной группой изъятой из списков плановых потребителей государственных запасов хлеба и это при том, что они этот хлеб производили.

Большие права в регулировании снабжения были признаны за местным руководством. На Дальнем Востоке в течение 1928/29 гг. были введены карточки на масло, мясо, сахар, крупу, чай, яйца.³ Недостаточными товарами, подлежащими нормированию в крае, были признаны мука, крупы, сахар, чай, табак, спички, керосин, соль, мыло, нитки, ситец, вязь, сатин, сапоги, ботинки, простая кожаная обувь.⁴ Особо тяжелым было положение с промышленными не производимыми в крае товарами: одеждой, обувью, тканями.

Директивы следовали одна за другой. В конце 1930 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) промышленные города и объекты были разделены на два списка снабжения, в зависимости от степени их индустриальной важности.⁵ На предприятиях преимущества в снабжении имели инженерно-технические работники и индустриальные рабочие, далее шли неиндустри-

альные рабочие, затем служащие, потом иждивенцы – члены семей рабочих и служащих. Дети составляли особую группу, но их снабжение зависело от того, в каком городе они жили и где работали их родители. Число социальных групп в практике снабжения разных городов и производств варьировалось, но характер дифференцированного снабжения сохранялся повсеместно. При обострении продовольственной ситуации снабжение высших групп обеспечивалось за счет снижения норм и сокращения ассортимента для низших групп.¹ В основе снабжения лежал принцип – снабжать в первую очередь тех, кто делал индустриализацию. Снабжение должно было осуществляться через потребкооперацию и систему специальных распределителей.

Официальное постановление «О введении единой системы снабжения трудящихся по заборным книжкам в 1931 году» было принято коллегией Наркомснаба 13 января 1931 г.² С этого периода государственное снабжение стало представлять сложную иерархию социальных групп в зависимости от близости к индустриальному производству. Были введены 4 списка снабжения по группам промышленных объектов, где предприятия одного города могли быть отнесены к разным спискам снабжения.³ Преимущества в снабжении имели особый и первый списки, куда входили ведущие индустриальные предприятия Москвы, Ленинграда, Баку, Донбасса, Восточной Сибири, Дальнего Востока. Жители этих городов и территорий должны были получать из фондов централизованного снабжения хлеб, муку, крупу, мясо, рыбу, масло, сахар, чай, яйца в первую очередь и по более высоким нормам (Таблица 10 Приложения). Потребители этих списков составляли только 40% в числе снабжаемых, но получали до 80% от общих фондов снабжения.⁴ Во второй и третий списки входили неиндустриальные города, предприятия стеклофарфоровой, спичечной, писчебумажной промышленности, типографии, артели и т.д. Их нормы были вдвое ниже, а ассортимент получаемых товаров более ограниченным, чем у особого и первого списков. Внутри каждого из списков существовала иерархия снабжения в зависимости от производственного статуса. Высшую категорию в каждом из списков представляли индустриальные рабочие – группа «А», в которую входили рабочие фабрично-заводских предприятий и транспорта.⁵ Вторую категорию снабжения – группа «Б», представляли прочие рабочие и лица физического труда, не занятые на фабрично-заводском производстве, сюда же входили кооперированные кустари, рабочие в учреждениях здравоохранения и торговли, персональные пенсионеры.⁶ Низшую категорию снабжения представляли нормы служащих, членов семей рабочих и служащих,

¹ Микоян А.И. Продовольственное снабжение и наши задачи. – С. 15.

² Собр. Зак. 1931. №3. Ст. 36.

³ РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 2. Л. 238; ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 326. Л. 17.

⁴ Экономика советской торговли. – С. 250.

⁵ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 10а. Л. 406-407.

⁶ РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 2. Л. 238.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 715. Л. 3.

² Там же. Д. 726. Л. 2-4.

³ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 10. Д. 27. Л. 23.

⁴ Там же.

⁵ Собр. Зак. 1930. №36. Ст. 394.

некооперированные кустари, ремесленники, обычные пенсионеры, инвалиды и безработные. Дети составляли отдельную группу снабжения. По возрасту их снабжение ограничивалось – до 14 лет (Таблица 11 Приложения). Таким образом, формирование системы снабжения в рамках советской социальной политики проходило исключительно в контексте идеологии.

Политика распределения в соответствии с критерием «индустриальной значимости» реализовывалась и в отношении такой социальной группы как советская интеллигенция.

Снабжение инженерно-технического персонала на предприятиях, научных работников производственных лабораторий осуществлялось в соответствии с постановлением Наркомснаба от 13 января 1931 г. «О снабжении интеллигенции в зависимости от принадлежности к промышленному производству».¹ Преподаватели школ ФЗУ, врачи на предприятиях снабжались по нормам индустриальных рабочих того списка, куда относились данное предприятие, а также пользовались всеми социальными льготами рабочих. Вторую группу представляли преподаватели индустриальных вузов и техникумов, которые получали нормы рабочих группы «Б». К низшей группе снабжения относились преподаватели неиндустриальных вузов и техникумов и лица «свободных профессий» – частнопрактикующие врачи, художники, скульпторы, адвокаты, частные преподаватели, иждивенцы. По нормам индустриальных рабочих особого списка должна была снабжаться научная элита – академики, профессора, доценты вузов, старшие научные работники НИИ (Таблица 12 Приложения). Всего по стране научная элита была определена в 10000 чел. (40% от всех научных работников).

Специальным постановлением Далькрайисполкома научная элита края определялась в 100 чел., которые имели право на выдачу персональных пайков по специальному именованному списку, и был определен перечень продуктов, входящих в месячный паек и их норма: мука – 8 кг, мясо – 4,5 кг, масло сливочное – 1,5 кг, рыба свежая – 4,5 кг, яйца – 20 шт., сахар – 2 кг, чай – 50 г.² В 1931 г. была образована Комиссия содействия ученым (КСУ), которая сменила ЦКУБУ.³ В отличие от ЦКУБУ, КСУ обеспечивала не 8000 чел., а 1,5 – 2 тыс. ученых, куда вошла только высшая элита союзного и мирового значения. Они пользовались дополнительным денежным обеспечением, ведомственными больницами, домами отдыха, санаториями, мастерскими по пошиву одежды, получали персональные академические пенсии и премии. Дальневосточные ученые в состав КСУ не вошли. Сельская интеллигенция получала худшее снабжение по сравнению с городской: врачи, учителя, агрономы и счетоводы должны были снабжаться по нормам неиндустриальных рабочих группы «Б» второго списка предприятий.

¹ ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 344. Л. 9, 29.

² ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 22. Л. 104.

³ ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 7. Л. 56.

Система снабжения по спискам создала огромные возможности для коррупции, различного рода злоупотреблений и спекуляций, поскольку в основе её лежал человеческий фактор. В Бюллетене Краевой Контрольной Комиссии ДВК за 1932 г. отмечалось массовое превышение контингентов снабжения вопреки спискам. Так по Благовещенску за III квартал 1932 г. утвержденный контингент составлял 28548 чел., а заборных книжек было выдано на 31393 чел.¹ Люди, отвечавшие за распределение, в условиях продовольственного кризиса, чрезвычайно низкого уровня жизни, заботились, прежде всего, о себе, о своих родственниках, друзьях знакомых. В списки снабжения вносили своих близких, знакомых и малознакомых людей за плату, за какие-либо услуги, продукты продавали на черном рынке, заботясь о своем будущем, о своем материальном благосостоянии или просто желая прокормить семью. Огромное количество людей привлекалось к уголовной ответственности за различного рода злоупотребления, но, несмотря на это, хищения становились нормой жизни. Только в 1932 г. в крае было осуждено 536 снабженцев.² Для борьбы со злоупотреблениями нужно было не ужесточать систему наказаний, а ликвидировать явления их породившее – товарный дефицит, голод.

4 декабря 1932 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшении карточной системы», которое означало победу управленцев в распределительной системе.³ В соответствии с постановлением, снабжение рабочих и служащих предприятий переходило от потребительской кооперации к заводоуправлениям. Заборные книжки должны были выдаваться заводоуправлениям только работающим на предприятиях и членам их семей. Администрации предприятий должны были провести проверку и снять со снабжения «прихлебателей» и «мертвых душ», не работавших на данном производстве. В 1932 г. в ДВК была проведена проверка КрайРКИ и выявлено, что почти на всех предприятиях края контингенты, утвержденные Крайснабом и заявленные кооперацией, значительно превышали фактические наличие рабочих и служащих, занятых на производстве и подлежащих снабжению. На Дальзаводе против установленного контингента рабочих первого списка в количестве 8056 чел., фактически оказалось 2123 чел., на предприятиях Дальугля при контингенте рабочих особого списка 8230 чел., оказалось 2663 чел., Благовещенское ВодТПО имело утвержденный контингент рабочих первого списка 4000 чел., а в наличии на 1 декабря 1932 г. было 507 чел., 2-го списка числилось 5100 чел., а в наличии было 4762 чел.⁴ В результате проверки в 1932 г. по Дальнему Востоку фактически оказа-

¹ Под контроль масс: бюллетень дальневосточной КРАЙКК-РКИ. № 9-10. – Хабаровск, 1932. – С. 12.

² ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 22. Л. 194.

³ Собр. Зак. 1932. №80. Ст. 489.

⁴ Под контроль масс: бюллетень дальневосточной КРАЙКК-РКИ. № 9-10. – С. 14.

лось 53000 «мертвых душ» из 189260 человек, заявленных на снабжение.¹ Руководители предприятий до принятия постановления от 4 декабря за отпуск продуктов закрытых распределительных кооперативов (ЗРК) не отвечали, а так как отпуск продуктов производился на плановый контингент, то снабжалось большое количество лиц, не имеющих никакого отношения к предприятию, что и создавало условия для хищения продуктов и перепродаже их на черном рынке. Огромное количество продуктов продавалось в самих ЗРК их работниками по завышенным ценам. Так, в одном из ларьков ЗРК Биробиджанской стройконторы заведующий ларьком продавал туалетное мыло по 1 руб. 52 коп., вместо установленной цены в 38 коп., галстуки по 2 руб. за штуку вместо 1 руб. 74 коп., ботинки по 9 руб. 14 коп., вместо 8 руб. 14 коп.² Таким образом, в распределительной системе, не смотря на политический контроль, с самого начала зародились неразрешимые внутренние противоречия, обусловленные общим ходом экономических и социальных изменений в стране.

Под снабжение из государственных фондов не попадали те, кто был лишен избирательных прав (лишенцы) – бывшие привилегированные социальные группы и частные собственники (нэпманы). На Дальнем Востоке эта социальная группа составляла 5% населения.³ Лишенцы не снабжались в силу того, что их деятельность не являлась «общественно полезной». Даже их переход в государственный сектор экономики не позволял им сразу получить карточки, поскольку они должны были после смены «нетрудового занятия» проработать как минимум год.⁴ В семьях лишенцев только дети до 14 лет находились на госснабжении.

Крестьяне также не входили в систему снабжения по спискам, однако, по решению Политбюро, колхозники должны были обеспечиваться за счет колхозных фондов, а единоличники должны были кормиться за счет своего хозяйства. После сдачи продукции государству в конце года и создания семенных фондов, колхозы должны были распределять между колхозниками оставшуюся часть урожая и полученные от государства деньги, а из государственных фондов в деревню должно было направляться то, что крестьяне не могли производить сами. На самом деле, после сдачи продукции государству в колхозах почти ничего не оставалось, причем некоторые из колхозов ходили в должниках у государства и с трудом формировали семенные фонды. Поступающая же из государственных фондов продукция продавалась деревне по завышенным ценам. Положение дальневосточного крестьянства еще более усугублялось постановлением Далькрайисполкома от 16 сентября 1932 г. «Об увеличении доли кооперации в деревне», в соответствии с которым всю государственную торговлю разрешалось произво-

дить только по коммерческим ценам.¹ К тому же, в условиях товарного дефицита в крае, при торговле в деревне была принята практика принудительного ассортимента. Например, в Свободненском райпотребсоюзе лежало на 2000 руб. парфюмерии, на 19865 руб. сепараторов и на 1200 руб. книг, которые крестьянам были совершенно не нужны; зато кооперативы скупали у колхозников их продукцию и продавали затем в городах рабочим по двойным коммерческим ценам, создавая препятствия для развития колхозной торговли.² В Шкотовском районе под угрозой огромного штрафа запрещали выезд колхозников на Владивостокский базар, а в ряде колхозов Спасского района вводили плату за лошадь, предоставляемую колхознику для поездки на базар в сумме от 5 до 25 руб.³ Данные действия местных властей напрямую нарушали постановление ЦИК и СНК «О порядке производства торговли колхозами, колхозниками и единоличными трудящимися крестьянами и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами», которое отменяло все местные торговые сборы и налоги с торговли колхозов, колхозников и единоличников продуктами своего производства и обязывало местные власти снизить ставки арендной платы за помещения, взимаемой с колхозных ларьков, лавок, магазинов. Эти факты свидетельствовали об экономических злоупотреблениях местных властей, которые были порождены удаленностью региона от центра страны, что порождало «перегибы» и «бесконтрольность» на местах, проблемы с продуктовым и товарным снабжением, прямым следствием краевым руководством положением официальной социальной доктрины, позволяющим пренебрежительно относиться к крестьянству, а тем более к частным производителям. Данные действия местных властей также свидетельствовали об их желании контролировать дальневосточный рынок товаров и продуктов, который продолжал существовать в рамках распределительной системы, являясь одним из её специфических механизмов.

Недостатки в снабжении сельского населения правительство покрывало предоставлением налоговых льгот колхозам и колхозникам. В соответствии с постановлением о едином сельхозналоге на 1931г., полностью освобождались от налога те колхозы, у которых весь валовой доход не превышал 60 руб. на едока.⁴ От налога освобождались те члены колхозов, которые до 1930 г. были освобождены как малоимущие единоличники, хозяйства членов переселенческих колхозов.

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 27. Л. 88.

² Под контроль масс: бюллетень дальневосточной КРАЙКК-РКИ. № 9-10. – С. 12.

³ Там же.

⁴ Исчисление налога с необобщественных доходов колхозников производилось следующим образом: с годового дохода на хозяйство до 50 руб. взималось 4 коп. с каждого рубля; с дохода в 50-100 руб. взималось 5 коп. с рубля; 100-150 руб. – 8 коп.; 150-200 руб. – 10 коп.; 200-300 руб. – 13 коп.; 300-400 руб. – 17 коп.; 400-500 руб. – 22 коп.; 500-700 руб. – 27 коп., свыше 700 руб. – 30 коп. (Собр. Зак. 1931. №19. Ст. 171.).

¹ Под контроль масс: бюллетень дальневосточной КРАЙКК-РКИ. № 9-10. – С. 14.

² Там же. – С. 15.

³ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 21. Л. 68.

⁴ Очередные задачи приморской парторганизации: резолюции первой областной партийной конференции. - Хабаровск, 1933. – С. 13.

На Дальнем Востоке средний доход колхозников в год составлял от 100 – 180 руб. по округам края, средняя величина обложения исчислялась в 15 коп. с рубля, и очень часто при обложении таблица доходов не учитывалась. Купить товары колхозник мог только после того, как выполнит свои обязательства по сдаче продуктов государству. За сданные же государству хлеб, мясо, молоко, шерсть и т.д. ему разрешалось купить товаров только на 30 – 40% от полученной суммы, в реальности же эта норма составляла не больше 20%, поскольку товаров просто не доставало.¹

В развивавшейся системе распределения основу составляло снабжение привилегированных социальных групп - партийных советских и профсоюзных руководителей всех рангов, а также личного состава армии и флота.

На Дальнем Востоке армия и флот находились на особом положении. Из-за ухудшения международной обстановки в регионе в конце 1920-х гг. правительство вынуждено было держать огромный контингент войск на границах с Китаем. Для поддержания боеспособности армии она должна была быть обеспечена не только в материальном и бытовом, но и продовольственном плане. К тому же, военное присутствие всегда было важным фактором в колонизации и освоении дальневосточных земель.

Военные получали армейский паек, существовавший еще с начала 1920-х гг., который по ассортименту был дешевле, а по калорийности выше пайка индустриальных рабочих. В 1930 г. по красноармейскому пайку в сутки полагалось: 1 кг хлеба, 150 г крупы, 700 г овощей, 250 г мяса, 50 г жиров, 35 г сахара; стоимость пайка по кооперативным ценам составляла 12 руб. 45 коп., в то время как стоимость рабочего пайка оценивалась в 13 руб. 97 коп.² Такой паек также выдавался студентам и преподавателям военнзированных институтов, учащимся курсов и школ милиции. В соответствии с постановлением Наркомснаба СССР от 10 июля 1931 г. «О нормах снабжения начсостава РККА, войск ОГПУ и конвойной стражи СССР» и постановлением СНК СССР от 27 июля 1931 г. «Об улучшении материально-бытового положения начсостава РККА», начальственный и командный состав армии и флота снабжался по нормам индустриальных рабочих особого списка через закрытые распределители и кооперативы.³

Партийные и советские руководители, профсоюзные и комсомольские работники снабжались по двум типам: снабжение высшего управленческого и юридического персонала, входящего в номенклатурные списки должностей и снабжение рядовых чиновников и руководителей. Снабжение этих категорий населения регулировалось непосредственно Наркомснабом при контроле со стороны Политбюро ЦК ВКП(б). На основе постановления Наркомснаба СССР от 28 января 1931 г. «О продовольственном снабжении районных руководящих работников», те руководители, которые работали

на производстве, снабжались по нормам индустриальных рабочих особого списка, а районные партийные руководители снабжались по нормам индустриальных рабочих первого списка.¹

Высшая советская и партийная номенклатура находилась на так называемом спецснабжении, которое регулировалось специальными постановлениями Политбюро ЦК.² Высший уровень снабжения представлял паек литеры «А», по которому снабжалась номенклатура 1-го списка – высшее партийное и советское центральное руководство, советский дипкорпус и ветераны революции, проживающие в Москве; рангом ниже стоял 2-й список номенклатуры – ответственные работники центральных учреждений, получающие паек литеры «Б» (Таблица 13 Приложения).³ Номенклатура 3-го списка – высший управленческий персонал краевых и областных администраций снабжался по нормам индустриальных рабочих особого списка. По литерам «А» и «Б» снабжение на Дальнем Востоке не осуществлялось.

Таким образом, к началу 1930-х гг. относится становление советской модели нормирования повседневности через систему распределения материальных благ, основу которой составляло госснабжение. Критерии положения различных категорий населения в сфере госснабжения определялись в соответствии с государственной идеологией. Высшую ступень в госснабжении занимали индустриальные рабочие, и если правительство хотело подчеркнуть особое положение той или иной социальной группы, оно уравнивало ее в правах с индустриальными рабочими. Спецснабжение высшей партийной и советской элиты, в том числе военной и интеллектуальной, в сфере госснабжения стояло особняком и образовывало систему привилегий по принципу иерархии, основанную на принадлежности к властным структурам.

Политика в области заработной платы в начале 1930-х гг. также подчинялась интересам индустриального развития страны и обуславливалась положением социальной группы в иерархии власти и производства.

Согласно Постановлению СНК от 7 декабря 1929 г. «О государственном нормировании заработной платы служащих в государственных учреждениях и предприятиях» было определено, что нормирование зарплаты

¹ РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 18. Л. 34-36.

² Временем возникновения номенклатуры в России считается осень 1923 г. (см. § 2 главы 1 настоящей работы), когда этот термин впервые появился в партийных документах. Связывается это с перечнем должностей, работники на которые назначались и перемещались ведомствами исключительно по постановлению ЦК. Он был направлен секретарем ЦК РКП(б) всем наркомам и руководителям учреждений. По существу же зарождение номенклатуры началось вскоре после прихода большевиков к власти. Уже тогда появилась практика назначения и перемещения руководящих работников партийного и государственного аппарата по решениям ЦК и губкомов. Уже с весны 1919 г. непосредственно кадрами ведали Оргбюро ЦК и функционировавший под его руководством Учетно-распределительный отдел ЦК (Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917 – 1920)//Отечественная история. – 1997. - №5. – С. 44 – 55.).

³ РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 5. Л. 213.

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 27. Л. 63.

² РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 26. Л. 24; Д. 31. Л. 78.

³ Там же. Д. 18. Л. 13, 152.

должно производиться на основе твердой номенклатуры должностей, твердых штатов и твердых окладов для каждой штатной должности.¹ Номенклатура должностей для всех предприятий и учреждений устанавливалась Наркоматом Рабоче-крестьянской инспекции по согласованию с наркоматом труда и ВЦСПС, слитыми к тому времени воедино. Твердые штаты для госучреждений устанавливались Наркоматом РКИ СССР и местными органами с участием соответствующих финансовых органов, заинтересованных ведомств и профсоюзов; для всех остальных учреждений и предприятий – соответствующими республиканскими ведомствами и отделами местных исполкомов с участием профсоюзов; твердые оклады для аппаратов краевых учреждений и предприятий устанавливались краевыми органами труда и профсоюзными организациями.

Для установления твердых окладов в ДВК постановлением Далькрайисполкома от 26 декабря 1929 г. было подтверждено деление территории края на тарифные пояса, существовавшие ещё с 1923 г.,² и утверждены коэффициенты для расчета минимума зарплаты по поясам: 4-й пояс – 1; 3-й пояс – 1,5; 2-й пояс – 1,75; 1-й пояс – 2,5.³ Для основной ставки и дополнительной оплате к ней были установлены следующие поправочные коэффициенты: для северных районов Камчатки (Чукотский, Анадырский, Карагинский и Пенинский) – 250%; для остальных районов Камчатки – 200%; для Сахалинского округа – 150%; для Николаевского, Хабаровского и Владивостокского округов – 125%.⁴ Исчисление заработной платы производилось по переутвержденной в ноябре 1929 г. тарифной сетке ВЦСПС, согласно которой, месячная ставка 1-го разряда была установлена в размере 15 руб., а ставки последующих разрядов исчислялись путем умножения ставки первого разряда на соответствующий коэффициент разрядной таблицы (Таблица 14).

Таблица 14

17-разрядная тарифная сетка ВЦСПС

Разряд	Коэффициент	Разряд	Коэффициент
1	1,0	10	4,2
2	1,2	11	4,6
3	1,5	12	5,0
4	1,8	13	5,5
5	2,2	14	6,2
6	2,5	15	6,7
7	2,8	16	7,2
8	3,1	17	8,0
9	3,5		

Примечание: Таблица приведена по: ГАХК. Ф. Р-850. Оп. 1. Д. 40. Л. 27-28.

¹ Собр. Зак. 1929. №76. Ст. 737.

² (См. Таблица 1 Приложения); ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 456.

³ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 456.

⁴ Там же.

На основе разрядных нормам, при перемножении всех коэффициентов, средняя зарплата 1-го разряда по ДВК определялась в 78 руб. 75 коп.; средняя зарплата 17-го разряда определялась в 630 руб.; минимальная зарплата в ДВК по 1-му разряду определялась в 34 руб. 50 коп.; максимальная по 17-му разряду определялась в 1050 руб. Максимальные ставки определялись для должностей управленческого персонала высшего звена, минимальные – для работников сельских администраций. Средние же зарплаты по краю у служащих различных государственных инспекций и управлений, а также районных администраций исчислялись от 350 до 550 руб. На основании постановления от 7 декабря 1929 г. и по установившейся в крае практике ставки заработной платы служащим начиная с 9-го разряда утверждались Далькрайисполкомом.¹

С 1931 г. стала проводиться планомерная общегосударственная политика повышения заработной платы рабочим и служащим многих профессий. 28 октября 1931 г. вышло постановление СНК «О повышении заработной платы учителям школ первой и второй ступени», которое увеличивало среднюю ставку месячной зарплаты для учителей школ 1-й ступени до 90 руб., для учителей школ 2-й ступени – до 130 руб., не считая краевых и областных исчислений.² Общее начисление зарплаты учителям должно было производиться не ниже 7-го разряда. Со всеми районными начислениями зарплата учителей школ 1-й ступени по ДВК стала после повышения составлять 126 руб.; школ 2-й ступени – 207 руб.³ 16 декабря 1931 г. вышло постановление СНК «О повышении заработной платы медицинских работников», - их зарплата повышалась в среднем на 23%.⁴

Наиболее обеспеченными из рабочей группы на Дальнем Востоке являлись рабочие железнодорожного транспорта, которые снабжались по нормам индустриальных рабочих особого списка и имели самую высокую зарплату. В конце 1932 г. в этой группе также происходит плановое централизованное повышение заработной платы. Выросли месячные ставки для различных профессиональных групп в железнодорожном транспорте. Инженерам, работающим на производстве, оклады устанавливались на 15% больше, чем инженерам той же квалификации, работающим в аппарате, что свидетельствовало о высокой оценке со стороны партийных руководителей роли технических работников на предприятиях.⁵ Оклад ИТР железнодорожного транспорта повышался с 1 декабря 1932 г. в среднем на 15-28%. Больше всего он вырос у главных инженеров паровозо-вагоно-ремонтных заводов – на 39%.⁶ Так, по краю средняя зарплата ИТР на железнодорож-

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. л. 390.

² Собр. Зак. 1931. №64. Ст. 424.

³ ГАХК. Ф. Р-850. Оп. 1. Д. 40. Л. 29.

⁴ Собр. Зак. 1931. №73. Ст. 489.

⁵ Там же. 1933. №41. Ст. 242.

⁶ Там же.

ном транспорте в 1932 г. стала составлять 284 руб. 75 коп., средняя зарплата квалифицированного рабочего – 196 руб. 85 коп. Рост заработной платы ИТР был обусловлен, во-первых, необходимостью привлечения и удержания высококвалифицированных кадров на производстве, в особенности на железнодорожном транспорте, и, во-вторых, был необходим для поднятия и укрепления авторитета инженеров на предприятии, поскольку в соответствии с уже устоявшимся менталитетом, рабочие неохотно исполняли распоряжения технических работников, оплачиваемых на одном, либо меньшем с ними уровне.

Для начисления заработной платы рабочим на Дальнем Востоке максимальным, как и в предыдущие годы являлся 12 разряд; самые же распространенные, назначаемые квалифицированным рабочим, оставались 7-10 разряды. В 1930 г. средняя заработная плата у рабочих в крае исчислялась от 100 до 140 руб., у ИТР от 180 до 240 руб., у служащих среднего звена от 190 до 265 руб.¹ Не смотря на возможность получения продуктового пайка, продуктов, для нормальной жизнедеятельности средней рабочей семьи из 3-4-х чел., в месяц не хватало, и рабочие вынуждены были тратить до 45-50% семейного бюджета для приобретения необходимых продуктов на рынке. Рыночные же цены, по сравнению с ценами кооперативными, были невероятно высоки: 1 пуд муки на рынке стоил 20-30 руб. (3 руб. в кооперации), 1 кг мяса – 3-4 руб. (70 коп. в кооперации), 1 пуд картошки – 9 руб. (48 коп. за кг в кооперации), 1 кг сливочного масла – 7 руб. (1,3 руб. в кооперации), 1 десяток яиц – 2 руб. (50 коп. в кооперации).² Особенно высокие цены в крае были на промышленные товары и одежду. Примерно 1 раз в год семья была вынуждена обновлять свой гардероб. Мужские кожаные сапоги стоили во Владивостоке 160-180 руб., детские ботинки – 80-100 руб., 1 м ситцевой ткани – 60 руб.

С началом коллективизации и массового разорения крестьянских хозяйств, на предприятиях появилось большое количество выходцев из деревни, которые пополнили ряды неквалифицированных рабочих. Эта часть рабочих была востребована на новостройках-гигантах. Большое количество рабочих пришло на строительство Комсомольска на Амуре и строительство Амурстали – до 16 тыс. чел., на предприятия Дальугля (3480 чел.), на Дальзавод (1300 чел.).³ Приток сельских жителей на индустриальные стройки был общим явлением для всей страны. Заводские цеха, предприятия, учреждения заполнялись выходцами из деревни, не знавшими производства, не имевшими рабочих навыков. Вырванные из привычной обстановки, неустроенные, они походили на «перекати-поле». Чтобы лучше устроиться, они без конца меняли места работы ища более высокую зарплату и более хоро-

шее снабжение, что вылилось в огромную текучесть кадров, рост прогулов, опозданий. Фактически на производство шли люди, несущие в себе черты традиционной крестьянской культуры. Случаи пьянства, отлынивания от дела, порчи станков и оборудования, производственного травматизма, и без того типичные для рабочей среды, с приходом «новых рабочих» стали еще более частыми.

Политическое руководство страны и руководство на местах, столкнувшееся с проблемой текучести, недисциплинированности и неквалифицированности кадров, стало бороться с этим явлением. Социальная политика начала реализовываться через оформление трудового законодательства в соответствии с формирующимся политическим режимом и экономическими интересами государства.

В 1929 г. был издан ряд постановлений о мерах улучшения трудовой дисциплины.¹ Первое из них от 6 марта 1929 г. «О мерах укрепления трудовой дисциплины в государственных предприятиях», предоставляло администрации предприятий право самостоятельного наложения на работников всех взысканий, предусмотренных табелью о взысканиях. Несогласные с наложением взысканий рабочие и служащие могли обжаловать их в конфликтных комиссиях предприятий, решения которых являлись окончательными. Только за III квартал 1929 г. на Дальзаводе было наложено 1368 взысканий.² В постановлении от 5 апреля 1929 г. «О мерах борьбы с прогулами», страховым кассам предоставлялось право не выдавать пособий по временной нетрудоспособности за первые три дня в случае наступления этой нетрудоспособности от острого опьянения или действий вызванных им (драка, ранения и т.д.). 12 июля вышло постановление «Об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателям», в котором указывалось, что рабочие и служащие несут ответственность за причиненный нанимателю ущерб в размере 1/3 заработной платы, если ущерб вызван небрежностью в работе или нарушениями правил внутреннего распорядка.

Для увеличения объемов производства в стране 22 августа 1929 г. Политбюро одобрило проект решения СНК СССР «О переходе на непрерывную рабочую неделю».³ При помощи перехода на непрерывную рабочую неделю при введении скользящих выходных, правительство намеревалось увеличить загрузку оборудования, однако, эта мера вызвала еще большую текучесть кадров на предприятиях. Люди работали 4 дня, пятый день отдыхали и выходные у членов семьи не совпадали – субботы и воскресенья как дни совместного отдыха исчезли и люди стали уходить с производства ра-

¹ ГАХК. Ф. Р-850. Оп. 1. Д. 40. Л. 28.

² Под контроль масс: бюллетень дальневосточной КРАЙКК-РКИ. № 9-10. – С. 28.

³ История Дальнего Востока СССР. Кн. 7. Советский Дальний Восток в периоды восстановления и реконструкции народного хозяйства, победы социализма в СССР (ноябрь 1922 – 1937 г.). – С. 114.

¹ Собр. Зак. 1929. №19. Ст. 167.; №26. Ст. 236.; №42. Ст. 367.; №46. Ст. 400.

² Местные советы Приморья: страницы истории (1922 – 1985 гг.) /Сост. С.И. Лазарева и др.; Под ред. А.А. Волицева. – Владивосток, 1990. – С. 28.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 754. Л. 2.

ди сохранения семьи. Зачастую люди затруднялись сказать, какой шел день недели, для них это были 1-й, 2-й и т.д. «дни непрерывки».

Особенно недоволен был кадровыми проблемами на производстве И.В. Сталин, который не мог объяснить, почему класс выделенный как приоритетный в социальной политике и наделенный большими привилегиями не платит «сторицей за оказанную ему честь». Согласно пожеланиям И.В. Сталина, постановлением от 5 июля 1929 г.¹ Наркомату труда и другим организациям предписывалось разработать систему мероприятий, направленных на уменьшение текучести рабочей силы. Постановление требовало учитывать длительность работы на предприятии и степень соблюдения трудовой дисциплины при предоставлении жилья из жилфонда предприятия и переводе на более квалифицированную работу на предприятиях для лиц, прошедших курсы повышения квалификации.

В письме В.М. Молотову от 26 сентября 1930 г. И.В. Сталин изложил свой план борьбы с текучестью кадров на производстве: «Нужно выделить на каждом предприятии ударников и снабжать их как продуктами питания так и мануфактурой, жилищами, обеспечить им все права по страхованию полностью; неударников разбить на две категории, на тех, которые работают на данном предприятии не меньше года, и тех, которые работают меньше года, причем первых снабжать продуктами и жилищами в полной мере во вторую очередь, а вторых – в третью очередь и по урезанной норме; ...воспретить выдвижение рабочих от станка во все и всякие аппараты, поощряя их выдвижение лишь по производственной линии. Пусть выдвигают рабочих от станка, знающих свою профессию, в мастера, в начальники цехов и т.д.»² Таким образом, система снабжения должна была стать механизмом поощрения и наказания для рабочих. Закрепление же высококвалифицированных рабочих на предприятиях создавало базу для внутренней подготовки кадров.

С 1930 г. трудовое законодательство еще более ужесточилось. 13 октября 1930 г. вышло постановление ЦИК и СНК «Об основах дисциплинарного законодательства», которое определяло, что дисциплинарная ответственность устанавливалась правилами внутреннего распорядка предприятий за различного рода нарушения, совершенные в рабочее время.³ 3 июля 1931 г. вышло постановление «О некоторых изменениях трудового законодательства», которое определяло, что работник, несет материальную ответственность за выданное ему в пользование имущество предприятия, если установлено, что он утратил это имущество или умышленно нанес ему порчу.⁴ 7 августа 1932 г. было принято постановление ЦИК и СНК «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов, кооперации и

укреплении социалистической собственности», которое объявляло социалистическую собственность «священной и неприкосновенной», а покушающихся на неё – «врагами народа», ввиду чего «решительная борьба с расхитителями» объявлялась «первейшей обязанностью органов советской власти», а расстрел – «высшей мерой социальной защиты».¹ При смягчающих обстоятельствах давалось 10 лет с конфискацией имущества, амнистии по делам о хищениях не принимались. Постановление было принято с целью предотвращения, в первую очередь, расхищения фондов государственного снабжения. Наконец, 15 ноября 1932 г. постановлением ЦИК и СНК «Об увольнении за прогул без уважительных причин» вводилось увольнение с работы за один день неявки без уважительной причины.² Увольнение сопровождалось лишением права пользоваться продовольственными и промтоварными карточками, выданными работнику, и квартирой, предоставленной в домах данного предприятия. В 1933 г. этот пункт был дополнен таким образом, что работник лишался права также и на кооперативную квартиру, предоставленную ему в домах ЖСК за счет жилфонда, выданного жилкооперацией данному предприятию.³

25 марта 1931 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О полном прекращении мобилизации рабочих от станка на нужды текущих кампаний местными партийными, советскими и другими организациями», в соответствии с которым рабочие закреплялись на предприятиях.⁴ Так был закрыт один из каналов перехода из социальной группы рабочих в более престижную группу советских служащих. Однако, реальной причиной текучести кадров было снижение уровня жизни в стране в конце 1920-х – в начале 1930-х гг., что вызывало у людей желание постоянного поиска такого места работы, где можно было прокормить семью.

При переходе с одного предприятия на другое у рабочих, помимо желания получать большую заработную плату и лучшее снабжение, найти более удобный график работы, присутствовало и желание улучшить свои жилищные условия. Это было обусловлено тем, что в период первой пятилетки жилищная политика не носила ярко выраженного самостоятельного характера как в предыдущие годы, а являлась средством вознаграждения за работу на государство служащих в первую очередь, и рабочих во вторую.

Официально индустриальные рабочие имели преимущества при распределении жилья, однако практически реализовать их было трудно – в связи с наплывом огромных масс сельского населения, спасающегося от сплошной коллективизации, города переживали перманентный жилищный кризис. Общий план кредитования жилищного строительства в ДВК в 1929/30 бюджетном году составил 4080,0 тыс. руб., реально же было отпу-

¹ Собр. Зак. 1929. №71. Ст. 670.

² Письма И.В. Сталина В.М. Молотову: 1925 – 1936 гг. Сборник документов. – С. 156.

³ Собр. Зак. 1930. №2. Ст. 9.

⁴ Там же. 1931. №35. Ст. 257.

¹ Собр. Зак. 1932. №62. Ст. 360.

² Там же. №78. Ст. 475.

³ Там же. 1933. № 42. Ст. 244.

⁴ Справочник партийного работника. Вып. 8. - М., 1934. - С. 385–386.

щено 1260 тыс. руб.¹ Эти деньги, в основном, шли на ремонт изношенного жилого фонда и на строительство рабочих бараков, без воды и тепла, в зоне крупных индустриальных строек. Средняя душевая норма в крае на рабочих и служащих составила в 1930-31 гг. 3 кв. м на человека, при санитарной норме в 8 кв. м.² В крупных городах – Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, – формировались коммунальные квартиры, где семьи имели отдельные комнаты, но общую кухню и санузел. В районах краевых новостроек бараки заселялись в основном квалифицированными рабочими, другие же находились в еще более худшем положении – проживали в общежитиях по несколько семей в комнате, жили в землянках, палатках.³ Многие жили на производстве в подсобных помещениях и цехах.

Жилищная проблема на Дальнем Востоке была настолько актуальной, что была вынесена на уровень Правительства. 9 сентября 1929 г. вышло особое постановление ВЦИК и СНК СССР «О мероприятиях для смягчения жилищного кризиса в ДВК»,⁴ под которое попадали советские государственные служащие и командный состав РККА. Постановление предписывало заселять перечисленных лиц в пустующие дома независимо от того, кому они принадлежат; уплотнять и перемещать для освобождения помещений и их дальнейшего заселения государственные предприятия и учреждения; вселять лиц, попадающих под постановление, в уже занятую жилплощадь на основании уплотнения в расчете на норму в 6 кв. м на человека. До конца 1929 г. по данному постановлению в городах ДВК было расселено до 3580 чел.

В связи с развитием промышленности и расширением ударных строек в начале 1930-х гг. официально сошла «на нет» проблема безработицы в ДВК. Разумеется, она еще не была ликвидирована в этот период, но в условиях бурного промышленного развития постепенно исчезала. В письме В.М. Молотову от 28 сентября 1930 г. И.В. Сталин указывал, что «в вопросе о безработных необходимо ввести действительную регистрацию действительных безработных, систематически отчищать списки безработных от случайных и безусловно не безработных элементов, установить такой режим, чтобы безработный, дважды отказавшийся от предоставляемой работы, автоматически лишился права получать пособие».⁵ На основе мнения И.В. Сталина в постановлении ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 г. «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью» был внесен пункт, по которому зарегистрированные безработные, в случае отказа от предоставляемой работы, снимались с учетов органов труда.⁶ С дальнейшим развитием промышленности уровень

безработицы постоянно падал, до полного ее исчезновения. В 1931 г. количество безработных на Дальнем Востоке сократилось до 16 тыс. чел. против 30 тыс. в 1927 г. В основном безработных поглощали индустриальные новостройки края. Сократились случаи отказа от работы, поскольку работа теперь была связана с возможностью продуктового снабжения, без которого человек при дефиците продуктов в крае и высоком уровне цен на них на рынке, не мог существовать. В 1933 г. в ДВК закрылась последняя биржа труда, поскольку интенсивное промышленное строительство поглотило избыточную рабочую силу.

Характеризуя социальную политику в годы первой пятилетки, следует отметить, что в этот период она не носила самостоятельного характера, а проводилась исключительно в русле экономического и политического развития страны, что было ее характерной чертой на данном историческом этапе. Во-первых, она была направлена на создание социальных условий процесса индустриализации, что прослеживалось через систему дифференцированного, по индустриальному принципу, снабжения и заработной платы, через полное подчинение сельского хозяйства промышленному развитию страны, через пренебрежение к интересам крестьянства как социальной группы, через ужесточение трудового законодательства, что носило также и политический характер, отражая политические процессы, происходящие в стране. Во-вторых, в соответствии с официальной государственной идеологией и формирующимся политическим режимом, была проведена коренная модификация критериев социальной стратификации – частная собственность как критерий стратификации была ликвидирована (что наиболее ярко отразилось на крестьянстве), и основными критериями стали: экономический (по типу экономических сфер: сельское хозяйство – промышленность), профессиональный (рабочие, служащие и т.д.), служебный (по иерархии власти), идеологический (оценка со стороны партийного руководства, той роли, которую данная социальная группа играла в политическом и экономическом развитии страны), и, наконец, уровень материального благосостояния – критерий, который в советском государстве стал подчиненным в отношении всех остальных. Наконец, создание колхозов дало партийному государству новый рычаг для регулирования социальных отношений в деревне. Таким образом, с периода первой пятилетки социальная жизнь общества стала полностью подчиняться диктату интересов партийно-государственной бюрократии.

§ 2. Особенности социальной политики в 1933 – 1937 гг.

В конце 1931 – начале 1932 гг. прошла серия партийно-государственных форумов, где были закреплены итоги предыдущего развития страны. На прошедшем 7 – 12 января 1933 г. пленуме ЦК ВКП(б) был принят второй пятилетний план народно-хозяйственного развития на

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 310.

² Там же. Д. 7. Л. 242.

³ Там же. Д. 32. Л. 245.

⁴ Там же. Д. 7. Л. 242.

⁵ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову: 1925 – 1936 гг. – С. 156.

⁶ Справочник партийного работника. Вып. 8. – С. 398.

1933 – 1937 гг.¹, на который возлагалось углубление дальнейшего развития индустриальной промышленности, завершение социальной модернизации деревни, улучшение уровня благосостояния городского трудящегося населения, культурная модернизация – «формирование советского человека индустриального типа».

Второй пятилетний план, в отличие от первого, содержал в себе элементы социальной программы, что должно было способствовать проведению более активной социальной политики, в ее классических формах, с направленностью на развитие системы образования, здравоохранения, социального обеспечения и т.д. Сохранялось также и общее направление, заданное в период первой пятилетки: дальнейшая реорганизация социальной структуры в деревне, обеспечение потребностей рабочего класса, как передовой индустриальной группы.

В конце января 1933 г. прошла 3-я сессия ЦИК СССР, постановление которой «Об укреплении колхозов», подводило итоги коллективизации.² В нем говорилось, что в результате реализации первой пятилетки советская власть добилась следующих «успехов»: в колхозы в 1932 г. было объединено свыше 14,5 млн. крестьянских хозяйств (против 400 тыс. в 1928 г.), которые засеивали свыше 90 млн. га (против 2 млн. га в 1928 г.). В том же постановлении указывалось на социально-экономические проблемы в развитии колхозов, что объяснялось вредительством остатков кулачества во многих районах. В течение 1933 г. предписывалось провести общественную проверку и «чистку» колхозных счетоводов, завхозов и кладовщиков.

В апреле 1933 г. Дальколхоз, выполняя распоряжения Правительства, принял решение откомандировать в 1933 – 1934 гг. в села 50 агрономов, 40 зоотехников, 10 механиков и 35 партийных работников для отчистки дальневосточных колхозов от «капиталистических элементов».³ В начале 1933 г. в ДВК существовал 1681 колхоз, где были объединены 76682 двора, к июню из колхозов было исключено и репрессировано свыше 3 тыс. «кулацких» хозяйств.⁴

К середине лета 1933 г. репрессивная политика по отношению к крестьянству еще более усилилась. 20 июля СНК и ЦК ВКП(б) приняли постановление об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1933 г., на основе закона от 19 января 1933 г.⁵ Постановление от 19 января 1933 г. «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и совхозами», называемое в июльском постановлении законом, отменяло существовавшую договорную систему хлебозаготовок и устанавливало вместо нее зернопоставки, имеющие силу налога – твердые обязательства по сдаче зерна государству по установленным

ценам.¹ Поскольку вместо хлебозаготовок вводились зернопоставки по твердым и неизменным нормам, то никакое уклонение от обязательств по сдаче зерна в срок не допускалось. Постановление запрещало колхозную и индивидуальную торговлю хлебом. Эти меры распространялись не только на единоличников, колхозы, но и на приусадебные участки колхозников, норма сдачи зерна для которых устанавливалась на 5% меньше, чем единоличникам, но на 5% больше чем колхозам.

2 августа 1933 г. постановлением СНК и ЦК ВКП(б) был определен порядок образования колхозных фондов и распределения зерна между колхозниками по трудодням.² После выполнения колхозами своих годовых обязательств по сдаче зерна государству, они обязаны были обеспечить засыпку семенных и фуражных фондов, а всё оставшееся распределить между колхозниками по трудодням. Распределение доходов в колхозах превратилось на Дальнем Востоке в меру поощрения и наказания. Специальным постановлением Далькрайкома ВКП(б) для «гарантированности правильного социального распределения доходов в колхозах» к 1 января 1934 г. в колхозы было направлено 1300 партийных работников, а к 1 октября того же года эта цифра составила уже 3536 чел.³ При плохом урожае в крае в 1933 г. свыше половины колхозов распределяли меньше 1 кг хлеба на трудодень, остальные, там, где урожай был более менее сносным, – до 2-х кг; в 1934 г. количество выдачи хлеба по трудодням увеличилось до 3 кг, в 1935 г. – до 5 кг.⁴

С введением распределения по трудодням уровень жизни крестьян в колхозах резко упал. Не имея возможности продавать хлеб, они лишились дополнительного источника денежных доходов и возможности покупать необходимые им продукты на рынке. Полученного хлеба едва хватало для того, чтобы пережить зиму без голода. В том же 1933 г. Далькрайисполком увеличил обложение единоличных трудовых хозяйств⁵ и ввел так называемое «самообложение населения», на деле жестко принудительное, которое имело косвенную цель, – окончательный подрыв единоличных хозяйств. Зажиточные хозяйства «самооблагались» в размере 200% оклада единого сельхозналога.⁶ Доходы от самообложения должны были идти исключительно на нужды хозяйственного и культурного подъема деревни. Собранные средства воспрещалось расходовать на выплату заработной платы работникам местных органов власти и на другие административные расходы,

¹ Собр. Зак. 1933. №4. Ст. 25.

² Там же. №49. Ст. 286.

³ ГАПК. Ф. Р-77. Оп. 1. Д. 156. Л. 9-10.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ При обложении единоличных трудовых хозяйств: до 1000 руб. дохода на хозяйство в год взималось 350 руб. с хозяйства; при доходе от 1000 до 3000 руб. – 350 руб. плюс 50 коп. с каждого рубля сверх 1000 руб.; при доходе 3000 – 6000 руб. – 1350 руб. плюс 60 коп. с каждого рубля сверх 3000; при доходе от 6000 и выше – 3150 руб. плюс 70 коп. с каждого руб. сверх 6000 (РГИА ДВ. Ф. Р-1815. Оп. 1. Д. 3. Л. 168.).

⁶ Собр. Зак. 1933. №52. Ст. 189.

¹ Экономическая жизнь СССР: 1917 – 1959. – С. 283.

² Собр. Зак. 1933. №6. Ст. 41.

³ Материалы по отчету краевого комитета ВКП(б). – Хабаровск, 1934. – С. 128.

⁴ ГАХК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 456. Л. 119; Д. 388. Л. 5.

⁵ Собр. Зак. 1933. №38. Ст. 228.

что на Дальнем Востоке практиковалось повсеместно. Колхозники, как облагаемые единым сельхозналогом, так и освобожденные от него, уплачивали взносы по самообложению в размере от 4 до 16 руб. с хозяйства. Трудовые единоличники были разделены на платящих налог по трудовым ставкам и платящих его прогрессивно: первые вносили по 12 – 18 руб., вторые – 100 – 150% оклада сельхозналога.¹

Высокие налоговые ставки, низкие доходы по трудодням и общее падение уровня жизни привели в 1933 г. к еще большему, чем в предыдущие годы, оттоку крестьян из колхозов в города. В самих же городах имело место постоянное перемещение работников по предприятиям, что срывало планы производства. Для закрепления населения на рабочих местах и в колхозах 27 декабря 1932 г. было принято постановление СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов», согласно которому, паспорта вводились для всего населения городов, рабочих поселков, населенных пунктов и сельской местности.² Целью паспортизации также стала чистка городов, рабочих поселков и новостроек от «укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов». В соответствии с постановлением СНК, 3 октября 1933 г. было принято постановление Далькрайисполкома, устанавливающее в крае сроки паспортизации с 10 октября по 1 декабря 1933 г.³ В паспортах предусматривалась обязательная прописка, колхозники могли получить паспорта только по решению сельсоветов при отсутствии задолженности по поставкам хлеба государству и при условии выплаты всех налоговых сборов. Таким образом, государство «закрепляло» население в городах и деревнях, закрывая возможности социальной мобильности. Это своеобразное «закрепощение» имело две формы. Одна, более гибкая, распространялась на лиц, обладающих паспортами, и давала некоторую свободу действий в рамках паспортного режима и действующего законодательства. Владелец паспорта мог сменить место жительства или место работы с согласия руководителя предприятия или организации. Другая форма, охватившая колхозников, заключалась в том, что выполнить все необходимые условия для получения паспорта было практически невозможно, - в основном паспорта им не выдавались. Это ставило человека в положение жестко прикрепленного к земле, к данному хозяйству – каждый был закреплен за своим колхозом. В тоже время, особенностью дальневосточного региона стала выдача паспортов сельским жителям в приграничных районах, что было обусловлено необходимостью чистки приграничных зон от «опасных и классово-чуждых элементов», которая проводилась в рамках проверок при выдаче паспортов, в результате чего «приграничное» население и, в том числе, колхозники, имели паспорта в отличие от колхозников

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-1815. Оп. 1. Д. 3. Л. 168.

² Собр. Зак. 1932. №84. Ст. 516.

³ РГИА ДВ. Ф. Р-1815. Оп. 1. Д. 3. Л. 228.

центральных районов страны.¹ В целом, паспортизация стала своеобразным итогом модернизации социальной структуры в советском государстве, поскольку с получением паспорта фиксировался социальный статус как отдельно взятых людей, так и больших социальных групп.

С 1933 г. в политике правительства по отношению к крестьянству начали происходить существенные изменения. Были приняты меры, направленные на социальное развитие уже интегрированных в колхозную систему крестьян, оказавшихся отныне полностью зависимыми от централизованных социальных мероприятий.

14 августа 1933 г. вышло постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О помощи бескоровным колхозникам в обзаведении коровами», согласно которому до конца года бескоровным колхозникам на льготных условиях отпускался 1 млн. голов телок в возрасте до 8 мес.² Беднейшим колхозникам, не имеющих возможности оплатить наличными полную стоимость животных, предоставлялся кредит в пределах 50% этой стоимости с рассрочкой погашения в 1 год. Далькрайисполком определил для реализации этого постановления 96860 голов телок для их продажи беднейшим колхозникам.³ Механизм осуществления этого постановления на Дальнем Востоке выглядел довольно интересно: местные хозяйственные органы закупали у колхозов (23%) и единоличников (77%) телок и продавали их тут же на месте колхозникам (переброски из одного округа в другой запрещались). Эти действия краевых властей были примечательны в двух отношениях: у единоличников впервые не отбиралось, а покупалось что-то, пусть и по установленным властями ценам; что же касается колхозников, то им, хоть и на льготных условиях, но приходилось покупать телку, может быть от собственной же коровы, отобранной в свое время вполне бесплатно.

В начале 1933 г., на фоне общей чистки колхозов от кулацких элементов, Далькрайисполком принял решение о поддержке колхозных счетоводов и ответственных работников, доказавших свою преданность власти. Специальным постановлением ДКИК от 13 марта 1933 г. «Об улучшении материального положения колхозных счетоводов сельхозсоветов, имеющих самостоятельные бюджеты», поднималась зарплата счетоводов сельхозсоветов на 50% в зависимости от квалификации и от показателей в работе, и, параллельно с этим, счетоводы приравнивались по снабжению продуктами питания и промтоварами по системе потребкооперации ко 2-му списку.⁴ Счетоводы были узкой социальной группой в деревне и, в целом по краю,

¹ Подробно о паспортизации Дальнего Востока см.: Чернолуцкая Е.Н. Паспортизация советского населения как завершающая веха в утверждении тоталитарного режима в СССР (На материалах Дальнего Востока) //Тоталитаризм как исторический феномен /Отв. ред. Н.В. Шинковская. – Владивосток, 1996. – С. 88-105; Чернолуцкая Е.Н. Паспортизация дальневосточного населения (1933 – 1934) //Revue des etudes slaves, Paris, LXXI/1, 1999, p. 17-33.

² Собр. Зак. 1933. №52. Ст. 303.

³ Материалы по отчету краевого комитета ВКП(б). – С. 36.

⁴ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 22. Л. 190.

их насчитывалось около 5896 чел., однако это постановление Далькрайисполкома было весьма показательным, поскольку, впервые с начала коллективизации сельские жители на Дальнем Востоке ставились на систему снабжения.

Еще одним видом перераспределения материальных и финансовых ресурсов в сельском хозяйстве края было снабжение колхозов сельскохозяйственной техникой. С одной стороны, снабжение техникой колхозов являлось общегосударственной политикой, с другой, для края обеспечение техникой того или иного колхоза означало повышение урожайности и общей доходности, а следовательно и увеличение выплат по трудовым дням. С 1936 г. на Дальнем Востоке было разрешено ведение колхозниками приусадебных хозяйств, которые стали главным источником существования деревенских жителей и главным источником рыночной колхозной торговли.

С возникновением новой социальной структуры на селе, с ликвидацией и распадом единоличных хозяйств в течение 1933 – 1937 гг. сельское население стало постепенно охватываться мероприятиями по развитию социального обеспечения, образования, здравоохранения. В начале 1934 г. Далькрайисполком принял решение о развитии касс взаимопомощи в колхозах – средства, собираемые с «самообложения» было решено пустить на поддержание малообеспеченных колхозников.¹ Деньги расходовались на поддержку по болезни и нетрудоспособности, на закупку товаров народного потребления правлениями колхозов и продаже их по низким государственным ценам колхозникам (керосин, спички, газовые горелки, обувь, одежда, мыло, навесные умывальники и т.д.). В 1935 г. в крае было оказано членам колхозов разного вида помощи на сумму 74108 руб., в 1936 г. – 271743 руб., в 1937 г. – 569800 руб.; на 1 января 1935 г. в колхозах края было 333 кассы взаимопомощи, к 1 июля 1937 г. – 611 касс взаимопомощи, которые охватывали до 50% колхозов.² Не смотря на высокие внешние показатели, работа касс взаимопомощи была развита слабо, и, прежде всего потому, что органы социального обеспечения их игнорировали. В это же время, при Дальколхозсоюзе был создан краевой комитет содействия по социально-культурному и бытовому строительству в крупных колхозах ДВК.³ В 1933 – 1934 гг. было отпущено Комитетом 350000 руб. бюджетных средств на строительство в колхозах яслей и детских больниц. К 1936 г. на эти средства в колхозах ДВК было построено 320 яслей, общей вместимостью 6860 детей.⁴ Сельские больницы были переведены на оказание бесплатной медицинской помощи на селе всем социальным группам, в то время как до этого, помощь единоличным и зажиточным крестьянам оказывалась за плату.

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 11. Д. 2. Л. 15.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Оп. 4. Д. 10. Л. 281.

⁴ Там же. Л. 180.

К концу 1937 г. на Дальнем Востоке почти полностью завершилась социальная модернизация деревни: колхозами было охвачено 94,7% от общего числа крестьянских хозяйств.¹ Неохваченными колхозами среди сельского населения оставались преимущественно местные коренные народы: охотники, рыболовы, скотоводы.

1933 – 1937 гг. стали временем централизованного регулирования заработной платы работающего населения в городах на фоне отмены нормированного карточного снабжения. О необходимости отмены карточного снабжения Политбюро начало говорить сразу же после её введения, однако, экономические предпосылки для этого были созданы только к 1932 г., и задача отмены карточной системы на XVII партийной конференции была объявлена одной из главных.² В октябре 1931 г. – первый год официального введения заборных книжек – в отчетном докладе Наркомснаба СССР и Центросоюза на пленуме ЦК было сказано следующее: «Если бы не неурожай на Востоке Союза, в этом году мы были бы уже в состоянии отменить хлебные карточки».³ Первым хорошим урожаем после введения карточной системы был урожай 1934 г., и тогда В.М. Молотов объявил стране, что «пришло время освободиться от обузы карточной системы».⁴ В течение 1935 г. происходит ликвидация карточной системы: с 1 января 1935 отменяются карточки на хлеб; с 1 октября – карточки на мясные и рыбные продукты, жиры, сахар, картофель; с 1 января 1936 г. были отменены карточки на непродовольственные товары.

Карточная система периода первой пятилетки породила много проблем. Зарплата нивелировалась скудным пайком, дифференциация пайков создавала слабые стимулы к труду, порождая постоянную перемену мест рабочими в поисках лучшего снабжения, производственные показатели падали. Чтобы поднять производительность труда, нужно было восстановить материальные стимулы. Не скудный паек, а магазины, полные товаров, службы быта, предлагающие разнообразные услуги, возможность проведения досуга должны были вернуть интерес к работе и увеличить приток денег в бюджет. По словам И.В. Сталина, нужно было «возродить моду на деньги».⁵

В планах экономического развития на вторую пятилетку предусматривалось увеличение капиталовложений в производство предметов потребления за счет уменьшения капиталовложений в тяжелую промышленность.⁶ Это позволило начать создание легкой и пищевой индустрии, которые до

¹ Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX – XX вв. (Очерки истории). – С. 222.

² Советская торговля в новой обстановке. Итоги 1935 и задачи 1936 г. /Отв. ред. Т.Я. Нейман. – М.-Л., 1936. – С. 64.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 484. Л. 42.

⁴ Там же. Д. 536. Л. 42.

⁵ Там же. Оп. 10. Д. 127. Л. 64.

⁶ Дэвис Р.У., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики //Отечественная история. - 1994. - №3. – С. 17-28.

этого развивались недостаточно. Появились швейная, кожевенная, трикотажная, обувная индустрии; появились «развлекательные» отрасли – музыкальная, кинопромышленность, производство фотоаппаратуры, патефонов.

Положение дальневосточного населения после отмены карточной системы улучшилось не намного. Слабое снабжение Дальнего Востока товарами и продуктами привело к тому, что в городах на рынках и в магазинах стали появляться огромные очереди. Люди вставали в 4 часа утра, чтобы занять очередь и купить муку, крупу, хлеб, мясо. Товары широкого потребления, обувь, одежда из магазинов исчезли вовсе, перекочевав на черный рынок, где продавались по ценам в 6-12 раз выше цен в государственной торговле. С 1 января 1935 г. постановлением СНК СССР были установлены твердые цены на печеный хлеб, муку, крупу. Новые цены были ниже прежних коммерческих, но значительно выше тех цен, по которым ранее можно было купить продукты по заборным карточкам. Например, ржаной хлеб стоил теперь 1 руб. за кг при прежней коммерческой цене 1 руб. 50 коп. и нормированной цене 50 коп.¹ Решение об увеличении цен вызвало недовольство в тех слоях населения, которые ранее получали значительную часть продуктов по карточкам, и, прежде всего, у рабочих. В апреле в ДВК прошли забастовки и демонстрации рабочих Дальугля против отмены норм снабжения хлебом и катастрофического продовольственного положения края. 1 июля 1935 г. Далькрайисполком принял решение о сохранении снабжения тарифицированного населения материкового севера ДВК до конца 1936 г.² Специальной инструкцией были определены категории снабжения: особая категория – руководящий состав районных парторганизаций, медицинский и ветперсонал, учителя, связисты, политпросветработники; 1-я категория – ИТР, председатели и секретари сельсоветов, рабочие, милиция, шоферы, учащиеся техникумов, плавсостав, гидрометеослужбы; 2-я категория – младший административный и канцелярский персонал государственных учреждений, завмаги, завскладами, завхозы, торговые работники, няни в яслях и детсадах, учащиеся вузов и втузов, техникумов, уборщицы, сторожа; 3-я категория – иждивенцы всех перечисленных выше; 4-я категория – дети до 12 лет.³ Для этих категорий устанавливался до конца 1936 г. ограниченный ассортимент продуктов питания (Таблица 15).

¹ Советское руководство. Переписка. 1928–1941. Сборник документов /Сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк и др. – М., 1999. – С. 303.

² ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 47. Л. 196.

³ Там же.

Таблица 15

Нормы снабжения тарифицированного населения в материковых районах Севера ДВК на 1935 – 1936 гг. (кг в месяц)

Продукты	Особая категория	1-я категория	2-я категория	3-я категория	4-я категория
Мука	24	20	16	9	8
Крупа	3	2	1,5	0,5	1
Сахар	1,5	1	0,7	0,3	0,5
Чай	0,05	0,05	0,05	0,05	0,25
Кондитерские изделия	2,5	2	1,5	0,5	1,5

Примечание: Таблица приведена по: ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 47. Л. 195а.

В рамках особой категории снабжения была выделена так называемая спецгруппа – партийный актив, которая получала дополнительную норму к продуктам, полагающимся по снабжению особой категории (Таблица 16). Добавим, что снабжение партийного актива, не смотря на развитие свободной торговли в крае, так и не было отменено вплоть до 1940-х гг.

Таблица 16

Снабжение партийного актива в материковых районах Севера ДВК на 1935 – 1936 гг. (кг в месяц)

Группа	Мука	Крупа	Сахар	Конд. изделия	Мясо	Жиры
Облактив	5	4	3	3	3	1,5
Горактив	5	3	2,5	2,5	2,5	1,0
Райактив	3	2	2	2	1	0,8

Примечание: Таблица приведена по: ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 47. Л. 195а.

Повышение заработной платы на Дальнем Востоке началось с постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 11 декабря 1933 г. «О льготах для населения Дальневосточного края».¹ Внимание правительства к ДВК было обусловлено необходимостью увеличения объема промышленного производства, укрепления дальневосточных военных рубежей, что возможно было при условии повсеместного социального развития региона. На основе постановления, с 1 января 1934 г. по всему краю повышалась заработная плата рабочим и инженерно-техническому персоналу угольной промышленности на 30%; рабочим заводов, фабрик, транспорта и связи, учителям, медперсоналу, ветеринарам, агротехникам и землемерам – на 20%; служащим учреждений и предприятий – на 10%. С 1 января 1934 г. были повы-

¹ Важнейшие решения правительства о ДВК. О льготах для населения Дальневосточного края. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). - Москва-Хабаровск, 1934. - С. 5-9.

шены оклады личному составу войск ДВК: красноармейцам, краснофлотцам и младшему офицерскому составу на 50%; среднему, старшему и высшему начсоставу – на 26%.¹

Увеличение заработной платы с 1934 г. происходило по двум направлениям. Во-первых, рабочим различных предприятий и сфер промышленного производства, обслуживающему персоналу, служащим различных учреждений, учителям, медицинским работникам и т.д. зарплата назначалась на основании 17-разрядной тарифной сетки ВЦСПС. Назначение же заработной платы государственным служащим высшего и среднего звена, работникам финансового аппарата, органов юстиции, ответственным политическим работникам осуществлялось на основе специальных центральных и краевых постановлений по номенклатуре должностей, независимо от разрядов тарифной сетки, что делало размеры их заработной платы практически неконтролируемыми.

Увеличение заработной платы дальневосточников согласно декабрьскому постановлению СНК и ЦК ВКП(б) шло за счет увеличения минимальной ставки 1-го разряда тарифной сетки ВЦСПС. Ставка 1-го разряда в угольной промышленности после увеличения стала определяться в 19,5 руб., для рабочих других отраслей, учителям, медперсоналу и т.д. – в 18 руб., для служащих учреждений и предприятий – в 16,5 руб. Далее исчисление заработной платы шло в зависимости от разряда конкретного работника при перемножении всех коэффициентов. В результате к 1936 г. средняя заработная плата на Дальнем Востоке варьировалась от 249 до 305 руб., превышая среднесоюзный уровень на 42,3%, будучи самой высокой по стране.² Помимо заработной платы, рабочим, специальным постановлением ДКИК от 27 марта 1936 г., разрешили иметь индивидуальные огороды для самообеспечения.³ На рабочие огороды в окрестностях и крупных городах края было выделено 18555 га земли, которая закреплялась за огородниками на 6 лет с выдачей удостоверения на право пользования участком. Огородники освобождались от уплаты налога и обеспечивались по умеренным ценам инвентарем и семенами. Развитие огородничества сразу получило в крае широкое распространение. Огороды засеивались картофелем, овощами, необходимыми для питания семьи. Благодаря огородам к 1937 г. расходы на питание в бюджетах многих рабочих сократились с 52 до 32% семейного бюджета в месяц, ввиду чего у людей освободились средства для улучшения своего домашнего быта и культурного досуга.

20 сентября 1934 г. вышло постановление Далькрайисполкома «О повышении заработной платы работникам низового финансового аппарата», согласно которому средние ставки заработной платы работникам финансового аппарата без коэффициента стали выглядеть следующим образом: Заврайфо –

385 руб., инспектора – 330 руб., специнструкторы – 275 руб., счетоводы – 175 руб.¹ С учетом поправных коэффициентов, средняя заработная плата работников финансового аппарата составляла от 437 руб. до 962,5 руб., превышая среднюю зарплату рабочих в 2-3 раза.

Постановлением Далькрайисполкома от 17 сентября 1934 г. «О повышении зарплаты работникам органов юстиции» были повышены средние ставки заработной платы работникам юстиции различных должностей.² По районам края зарплата народных следователей составляла без коэффициентов 330 руб., секретарей – 230 руб., делопроизводителей – 175 руб. При перемножении коэффициентов зарплата работников юстиции варьировалась в тех же пределах, что и зарплата низового финансового аппарата.

Наконец, специальным постановлением ДКИК от 13 ноября 1933 г. «О новых ставках заработной платы для ответственных политических работников советских организаций» вводился номенклатурный перечень должностных окладов для ответственных политических работников края, без учета районных коэффициентов (Таблица 14 Приложения).³ Оклады разбивались на 7 групп: 1-я группа – 275 руб., 2-я – 300 руб., 3-я – 350 руб., 4-я – 400 руб., 5-я 450 руб., 6-я – 500 руб., 7-я – 550 руб. К 7-й группе относились председатели: Далькрайисполкома, краевого суда и краевой прокурор. При перемножении на районные коэффициенты их зарплата составляла 1925 руб., превышая среднюю зарплату рабочих в 7-8 раз. Кроме заработной платы для ответственных политических работников сохранялось государственное снабжение по особой категории, а также они пользовались системой льгот, установленной еще в 1920-е гг.

Рост заработной платы высшего управленческого персонала в условиях становления централизованной распределительной системы в 1930-е гг. был связан с отменой партмаксимума. Зарплата политического руководства стала наивысшей в стране. Помимо высокой заработной платы, руководству оплачивались и персональные пенсии. В 1935 г. количество персональных пенсионеров в ДВК определялось в 210 чел., в 1937 г. оно возросло до 270 чел.⁴ В 1935 г. пенсия персонального пенсионера краевого значения составляла 1540 руб., в 1937 г. она возросла до 2000 руб., в то время как средняя годовая норма пенсии по краю определялась в 1935 г. в 272 руб., а в 1937 г. – в 472 руб.⁵ Кроме окладов и персональных пенсий были и другие источники денежных доходов для руководящих работников. Существовали так называемые «секретные денежные фонды», появившиеся еще в 1920-е гг. и получившие широкое распространение со второй половины 1930-х гг. Они шли на оплату питания в закрытых столовых, спецбуфетах, покупку квартир, книг, пособий на лечение, оплату путевок, строительство

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 47. Л. 225.

² Там же. Л. 256.

³ Там же. Д. 137. Л. 1-3.

⁴ Там же. Оп. 11. Д. 2. Л. 13.

⁵ Там же.

¹ Важнейшие решения правительства о ДВК. – С. 9.

² Материалы по отчету краевого комитета ВКП(б). – С. 54.

³ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 88. Л. 286.

домов отдыха.¹ Заметим, что в условиях весьма скудной торговли и практически бесплатного государственного обеспечения, деньги особой роли в материальном положении государственной элиты не играли.

Невероятно высокие оклады и обеспечение партийных работников выглядели особенно вызывающе на фоне низкого уровня жизни сельского населения. Средняя зарплата рабочих сельской местности едва достигала 76,5 руб., а суммарный доход колхозников на хозяйство в месяц едва превышал 140 руб. Впрочем, доходы дальневосточной партийной элиты выглядели мизерными по сравнению с доходами высших номенклатурных чиновников союзного масштаба. Сохранилась запись беседы В.М. Молотова с поэтом Ф. Чугуевым в декабре 1972 г. Речь шла о доходах В.М. Молотова в 1930-е гг.: « - Вам оклад платили, или вы были на государственном обеспечении? – Оклад. – А сколько? – Не знаю. Никогда не интересовался. Практически неограниченно. По потребности. Давали в конверте. На жизнь имеешь. Вот и все. В этих пределах».²

Распределительная система распространялась в 1930-е гг. не только на денежные отношения, но и на жилищно-коммунальную сферу. На дальневосточные власти, наряду с повышением заработной платы, была возложена функция регулирования жилищных отношений. Жилищный кризис на Дальнем Востоке, возникнув в начале 1920-х гг., так и не был преодолен. В годы первой пятилетки жилищная проблема решалась постройкой временных бараков и землянок для проживания рабочих индустриальныхстроек и обеспечения общежитий рабочим индустриальных объектов. С началом второй пятилетки, отсутствие жилищ стало тормозить промышленное развитие, приводя к оттоку рабочих с производства и миграции в другие, более благоприятные для проживания территории, ведь от промышленных пайков рабочие более не зависели.

В декабре 1933 г. Далькрайком ВКП(б) в отчетных материалах за 1929 – 1933 гг. отмечал несоответствие роста населения в городах края темпам жилищно-коммунального строительства, что привело к снижению санитарно-бытовых условий жизни населения, и просил ЦИК СССР выделить на жилищное строительство 12 млн. руб.³ 11 декабря 1933 г. СНК СССР в постановлении «О просвещении, здравоохранении и лесном хозяйстве на Дальнем Востоке» выделил дальневосточным властям 2,7 млн. руб. для строительства 9000 кв. м жилой площади (не менее 300 квартир) для учителей и врачей.⁴ Это было в 6 раз меньше запрашиваемой суммы. Ввиду недостаточности средств, стали решать жилищную проблему в первую очередь за счет ремонта и заселения ветхих зданий, во вторую – за счет

уплотнения, и только в третью очередь за счет строительства новых многоквартирных домов в городах Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Петропавловске-на-Камчатке, определив их общее количество в 16 домов. Строительство многоквартирных домов было выгодно еще и тем, что квартиры в них заселялись с учетом в среднем 5,6 – 6 кв. м на человека, т.е. они строились как коммунальные. При расчете одного 5-этажного дома, в среднем, на 43 кв. м на этаж, в нем могло проживать до 60 семей. В 1936 г. среднее количество пригодной жилой площади по крупным городам Дальнего Востока (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск) приходилось в 650 – 770 тыс. кв. м, при средней потребности в 1600 тыс. кв. м.¹ Наиболее распространенным и дешевым стало строительство двух – трехэтажных деревянных и каменных домов с печным отоплением без водопровода для рабочих на окраинах городов. Эти дома строились наполовину за счет средств бюджета края, наполовину из средств предприятий (для своих рабочих), а районы строительства таких домов получили название «рабочие слободы». Рабочие здесь жили скученно, в убогих комнатухах, плохо проветриваемых зимой, и были вынуждены стоять в очередь в общую уборную и к водопроводу.

Распределение жилья на Дальнем Востоке в 1930-е гг. стало одним из механизмов социального контроля и строго регламентировалось в соответствии с общеидеологическим курсом. Согласно правилам внутреннего распорядка, на предприятиях практиковалось выселение нарушителей трудовой дисциплины из ведомственных домов и, напротив, выделение отдельных квартир ударникам производства.

Ответственные политические работники, командный состав РККА имели право на отдельную жилплощадь и, в том числе, на дополнительную. Эти социальные группы расселялись в каменных домах в центре областных и районных городов из расчета 14 кв. м на человека.² Они имели 50% скидку на оплату жилой площади и коммунальных услуг, а высший управленческий персонал имел привилегию не оплачивать жилую площадь вообще.

Не смотря на принимаемые меры в 1930-е гг. жилищный кризис на Дальнем Востоке приобрел хронический характер. Прирост населения в городах во много раз превышал прирост жилья. Жилой фонд, сформированный в 1920-е гг. из национализированного жилья, постоянно разрушался из-за отсутствия средств на капитальный ремонт. В 1936 – 1937 гг. на жилищное строительство в крае было отпущено 2,2 млн. руб., что составляло лишь 27,3 % от требуемых средств.³ Отсутствие финансовых средств,

¹ РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 74. Л. 146.

² Из бесед В.М. Молотова с поэтом Ф. Чугуевым // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т.1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира / Под ред. акад. Ю.Н. Афанасьева. - М., 1997. - С. 224.

³ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 11. Д. 2. Л. 57.

⁴ Важнейшие решения правительства о ДВК. – С. 21.

¹ Съезды советов Амурской области: 1918 – 1936. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А. Суржина, Е.К. Ветохина; Отв. ред. И.Ф. Маврин. – Благовещенск, 1987. – С. 64.

² ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 22. Л. 64.

³ Там же. Д. 88. Л. 63.

которые в первую очередь шли на производственные сферы, препятствовало решению жилищной проблемы в крае.

Приток населения в регион на новостройки первых пятилеток, большая скученность населения в городах, плохое питание в период карточной системы, вызвали необходимость увеличения объемов развития краевой медицины. В 1929 г. целенаправленными мероприятиями Дальздрава была ликвидирована ведомственная страховая медицина, и медицинское обслуживание было включено в централизованную систему распределения и перераспределения, идеологически был оформлен принцип бесплатного оказания медицинской помощи, независимо от социальной принадлежности. Ликвидация страховой ведомственной медицины позволила правительству централизовать финансы. Новая модель развития медицины в крае в 1930-е гг. стала осуществляться по двум направлениям: во-первых, снижение себестоимости медицинского обслуживания, развитие больничной и фельдшерской сети в городах и деревнях; во-вторых, кадровое обеспечение за счет внутренних ресурсов.

Индустриализация повлияла и на здравоохранение. Здоровая рабочая сила была необходима для промышленности. Постановлением СНК СССР на 1934/35 г. на развитие здравоохранения Дальнего Востока было выделено 4,3 млн. руб. на содержание медико-санитарной сети и повышения норм питания больных и 0,2 млн. руб. на переподготовку средних медицинских кадров.¹ Впервые с 1922 г. в регион поступило такое огромное финансирование за счет ассигнований на здравоохранение РСФСР из резервного фонда СНК. Для обучения и переподготовки медицинских кадров в край было направлено 8 профессоров и 11 ассистентов.² В 1935/36 г. сумма финансирования здравоохранения была увеличена до 7,6 млн. руб., а в 1936/37 г. она составила 15,1 млн. руб. Однако, с 1937 г. финансирование уже предусматривало покрытие расходов на здравоохранение за счет местных бюджетных средств. С 1934 по 1937 гг. в крае было построено больниц на общее количество 8445 койко-мест (Таблица 17).

К 1937 г. в ДВК действовали 350 больниц (на 9,5 тыс. койко-мест), 37 врачебных и 468 фельдшерских пунктов (на селе), 30 туберкулезных и 37 венерологических диспансеров, 9 психиатрических клиник, 23 станции «скорой помощи», 18 станций переливания крови.³ Один медицинский участок обслуживал в среднем по краю 5340 чел. против 32000 чел. в 1928 г.; почти в 6 раз выросла больничная сеть в селах и деревнях. Общий рост медицинского обслуживания населения с 1934 по 1937 гг. составил 56,8%.

Однако, количество лечебных коек составляло в крае от норм, предусмотренных Наркомздравом, в городах – 35%, в сельской местности – 25%.¹

Таблица 17
Развитие сети больничные коек в ДВК в 1934 – 1937 гг.

Административные единицы (области)	Количество койко-мест		
	В городах и промышленных центрах	В деревнях и селах	Психиатрических клиник
Зейская	285	220	-
Амурская	705	450	80
Еврейская	92	175	-
Хатаравская	952	465	160
Уссурийская	425	450	150
Приморская	1536	260	260
Нижне-Амурская	145	330	300
Сахалинская	360	140	-
Камчатская	115	390	-

Примечание: Таблица составлена на основе источников: Важнейшие решения правительства о ДВК. О льготах для населения Дальневосточного края. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). - Москва-Хабаровск, 1934. - С. 41; РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 422. Л. 46.

Организация советской системы здравоохранения была ориентирована на дифференцированный подход к обслуживанию различных социальных категорий населения. Особенно ярко это проявлялось в сети санаторно-курортного лечения. Отдых на курортах, в домах отдыха и лечение в санаториях было одним из видов привилегий для государственных служащих и передовиков производства. Попасть на курорт мог любой ответственный политический работник, входящий в номенклатуру должностей, но далеко не каждый рабочий и, тем более, колхозник. Получить возможность лечения в санатории мог высококвалифицированный рабочий, проработавший на предприятии более 5 лет, выполняющий нормы производства с превышением плановых в 2,5 раза.² Из сельского населения пройти курортное лечение могли дети беднейших слоев колхозников, входящие в пионерскую организацию на селе, либо колхозники, перевыполнившие нормы по трудодням, остро нуждающиеся по состоянию здоровья в медицинской реабилитации. Рядовому рабочему на производстве, рядовому колхознику, попасть на курорт или в санаторий в 1930-е гг. было практически невозможно. Всего в крае к 1937 г. имелось до 38 лечебных минеральных источника и 11 курортов, наиболее известные из которых были Кульдур, Дарасун, Олентуй.

¹ Важнейшие решения правительства о ДВК. – С. 23.

² Там же.

³ ГАХК. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 273. Л. 1-3.

¹ Слабина Л.А. Материальное положение городского населения Дальнего Востока в 20-30-е гг. XX в. //Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Выпуск третий. Проблемы истории, социально-экономического и культурного развития. - Благовещенск, 2000. - С. 471.

² ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 11. Д. 2. Л. 66.

Подготовка медицинских кадров на Дальнем Востоке должна была соответствовать общему развитию медицинского обслуживания. Еще в 1930 г. в Хабаровске был открыт медицинский институт с рабфаком и вечерним отделением, который в 1935 г. сделал первый выпуск – 69 врачей, к 1936 г. его окончили 200 чел. В 1932 – 1934 гг. в Хабаровске и Благовещенске были открыты два медицинских техникума. В целом же, к 1937 г. в крае имелось 11 средних медицинских учреждений с 1340 учащимися.¹ В 1937 г. население Дальнего Востока обслуживало 3152 врача и 8409 медицинских работников среднего звена; на одного врача в 1937 г. приходилось около 18000 чел., что было ниже нормы, установленной Наркомздравом на 67%.² В целом же, уровень развития медицинского обслуживания в ДВК в 1933 – 1937 гг. был в 6-8 раз выше, чем в 1922 – 1928 гг., однако, его рост шел значительно медленнее, чем в центральных регионах РСФСР, что все еще было вызвано нехваткой медицинских кадров, с одной стороны, и остаточным финансированием, с другой.

Одним из проблемных направлений в социальной политике на Дальнем Востоке в период второй пятилетки стало развитие социального обеспечения.

Социальное обеспечение и страхование были созданы и законодательно оформлены уже к 1925 г., и с этого периода в основном шла их реструктуризация на основе изменяющихся экономических и социальных условий. Начало индустриализации в период первой пятилетки не могло не сказаться на социальном обеспечении, поскольку последнее, к тому же, являлось зеркалом социальной политики советского государства. Система социального обеспечения в 1920-е гг. была источником неконтролируемого расхода средств местными властями, где отсутствовали так же и четкие принципы распределения пособий. Поскольку социальное обеспечение выступало как один из механизмов в советской системе распределения, этот источник было решено закрыть, социальное обеспечение поставить под строгий государственный контроль, переучесть контингент обеспечиваемых и отчислить его от «классового чуждых элементов». В 1931 г. была образована иерархия собесов в крае: районные и городские собесы действовали на местах, подчиняясь облсобесам, которые, в свою очередь, находились в подчинении непосредственно Крайсобеса, отчитывавшегося в своей деятельности перед Далькрайисполкомом. К концу 1936 г. сеть органов социального обеспечения состояла из Крайсобеса, 9 областных и 55 райгорсобесов.³ В 1931 г. была проведена «чистка» списков собесов, и с социального обеспечения были сняты 8950 чел.

В начале 1933 г. была проведена реформа системы страхования по инвалидности. Были определены и законодательно зафиксированы три груп-

пы инвалидности: 1-я группа: нетрудоспособные лица, нуждающиеся в постоянном постороннем уходе; 2-я группа: лица, полностью утратившие трудоспособность, но в постороннем уходе не нуждающиеся; 3-я группа: лица, частично утратившие трудоспособность, однако могущие использовать остаточную трудоспособность на нерегулярной работе.¹ Постановлением Далькрайисполкома от 15 июня 1933 г. предусматривалось развитие курсов по переобучению инвалидов относящихся к 3-й группе, на что было выделено 140 тыс. руб. Расчет пенсий по инвалидности с 1933 г. осуществлялся следующим образом: в основе лежал минимальный заработок 1-го разряда ЕТС ВЦСПС для данной местности, и далее он перемножался на соответствующие коэффициенты, - эти расчеты определяли пенсию 3-й группы инвалидности; пенсия 2-й группы инвалидности увеличивалась на 30% и пенсия 1-й группы инвалидности – на 50%.² Средняя пенсия 3-й группы в крае исчислялась в 65,62 руб., 2-й – 85,3 руб., 1-й – 98,43 руб., что соответствовало минимальным зарплатам рабочих на производстве. В 1933 г. на пенсионном обеспечении в ДВК находилось 7590 чел., из которых 2400 были военные пенсионеры, чьи пенсии измерялись в среднем в 272 руб., и 110 персональных пенсионеров с пенсией в 1540 руб., 3790 чел. получали пенсию по старости, которая исчислялась в 180 руб., и остальные получали пенсию по инвалидности.³

На органы социального обеспечения Дальнего Востока было также возложено предоставление льгот и выплата пособий бывшим красным партизанам, а также вдовам и сиротам умерших партизан.⁴ Им предоставлялось, за счет фондов социального обеспечения, 50% оплаты занимаемой жилой площади; а также всех видов коммунальных услуг, бесплатный проезд в общественном транспорте; 50% по взносам в жилищную кооперацию и пенсии по потере кормильцев вдовам и сиротам в размере не ниже 272 руб. Размер финансирования по социальному обеспечению в 1933 г. составил 1215 тыс. руб. На эти деньги, помимо выплат пенсий и пособий, содержались дома инвалидов, осуществлялось трудоустройство инвалидов и их культурно-бытовое обслуживание. С 1 января 1935 г. было принято постановление СНК СССР «Об отмене ограничений в пенсионном обеспечении», в соответствии с которым право на пенсионное обеспечение получили граждане лишённые ранее избирательных прав, если в течение 5 лет после лишения прав доказали свою лояльность государству, за исключением лиц, лишённых прав по суду.⁵

В начале 1936 г. всплыли факты нарушений в системе соцобеспечения: неудовлетворительное состояние инвалидов домов, опоздания в поступлении отчетности с мест, и, самое главное, отсутствие полного учета

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 550. Л. 31.

² ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 22. Л. 16.

³ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 448. Л. 2.

⁴ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 22. Л. 94-100.

⁵ Собр. Зак. 1935. №1. Ст. 12.

¹ История Дальнего Востока СССР. Кн. 7. - С. 248.

² ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 20. Л. 69.

³ Там же. Оп. 11. Д. 2. Л. 12.

инвалидов и семей красных партизан, что давало возможность нецелевого расходования средств. Снова было пересмотрено количество лиц, находящихся в списках собесов, однако на этот раз в сторону увеличения. В 1936 г. были открыты новые отделы соцобеспечения в районах крайнего севера – на Нахнем Амуре, Сахалине, Камчатке. К 1937 г. на попечении собеса по краю стояло уже 23500 чел., а его финансирование было увеличено до 3664,0 тыс. руб.¹

Не смотря на увеличение количества людей, на которых распространялись социальные выплаты и рост финансирования, общая эффективность работы системы социального обеспечения была слабой, поскольку не выполнялось её основная функция – гарантия нуждающимся достойного уровня жизни. Уровень жизни обеспечиваемых, за исключением персональных пенсионеров, был низким. Стоимость необходимого бюджетного набора в 1937 г. исчислялась в 118 руб., в то время как многие пенсии были ниже этой цифры. В домах для инвалидов и престарелых, находящихся на содержании собесов, была скученность, антисанитария, скудное питание.² Выплаты назначались небрежно не смотря на все постановления Далькрайисполкома, должная проверка отсутствовала. На первое января 1937 г. задолженность по пенсиям для лиц, проживающих в сельской местности, составляла 16500 руб.³ На фоне постоянного роста заработной платы низкий уровень пенсионных выплат приводил к тому, что многие предпочитали скрывать свой возраст для сохранения рабочих мест.

С 1935 г. социальное обеспечение рабочих и служащих было передано в ведение профсоюзов и предприятий, что при распределении пенсионных средств умаляло права лиц, имеющих право на пенсионное обеспечение и проживающих в сельской местности. В сельской местности действовал принцип социальной дифференциации: право на социальные выплаты имели бывшие красные партизаны и их семьи, учительский состав, агрономы, счетоводы. Подавляющее большинство крестьянского населения социальных выплат и пенсий не получало. Таким образом, не смотря на официальный тезис о высоком уровне развития социального обеспечения, последнее было глубоко дифференцированным, развивалось хаотично, суммы социальных выплат в большинстве своем были ниже прожиточного минимума, сельское население социальным обеспечением охвачено практически не было, в городах же люди были вынуждены рассчитывать на свои силы даже не обращаясь в собесы.

Наконец, следует отметить такое направление в социальной политике как развитие образования.

«Социалистическое наступление» в период первых пятилеток состояло из трех основных элементов: индустриализация, коллективизация и

культурная революция. В соответствии с общей идеологической концепцией, социалистическое развитие предусматривало не только развитие промышленности и модернизацию социальной структуры, но и «создание высококультурного советского человека», т.е. человека грамотного, образованного, способного «целенаправленно трудиться на развитие общества». На XVII съезде ВКП(б) была принята резолюция о необходимости к концу второй пятилетки полностью ликвидировать неграмотность и малограмотность среди населения.¹ Таким образом, полная ликвидация неграмотности была объявлена важнейшей социальной задачей.

В 1933 г. количество малограмотного населения в ДВК в возрасте от 17 до 35 лет составляло 50000 чел.; количество неграмотного населения оценивалось в 100100 чел.; общее же количество неграмотного и малограмотного населения составляло 150100 чел., что составляло 52,6% от общего количества всего населения в возрасте от 17 до 35 лет (Таблицы 15-16 Приложения). При определении общего количества неграмотного населения Далькрайисполкомом в 1933 г. оказалось, что это количество выросло на 10,6%, по сравнению с 1928 г., не смотря на все меры, принимаемые для ликвидации неграмотности.² Это было обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, с проведением раскулачивания из дальневосточных деревень было выслано в основном то крестьянское население, которое в силу своего социально-экономического положения являлось носителем грамотности в деревне. Во-вторых, в условиях скудного пайкового снабжения периода первой пятилетки, многие подростки в возрасте от 14 до 17 лет в городах шли работать на производство, бросая школу, чтобы получать нормы снабжения индустриальных рабочих. В-третьих, с началом строительства крупных промышленных объектов и гигантских новостроек, в край прибыло огромное количество низкоквалифицированных неграмотных рабочих, в основном из сел и деревень соседних краев и областей. И, наконец, в-четвертых, с началом в 1931 г. массовой коллективизации, повлекшей за собой общее падение уровня жизни в деревне, учителя стали уезжать из сел в города, что повлекло закрытие школ в сельской местности. Развитию образования на селе препятствовал все еще сохраняющийся непрерывный учебный год, зависимый от сезона сельскохозяйственных работ.

В начале 1933 г. прошло расширенное заседание Далькрайисполкома и Далькрайкома ВКП(б) по вопросам развития народного образования, на котором был принят предварительный план развития образования и ликвидации неграмотности в крае на 1933 – 1936 гг.³ С учетом конъюнктуры экономического развития на первое место было поставлено развитие системы подготовки кадров и только на второе общая ликвидация неграмотно-

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 88. Л. 173.

² Там же. Л. 168.

³ Там же.

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 88. Л. 166.

² Там же. Д. 137. Л. 118.

³ Там же. Д. 10. Л. 187.

сти. Для подготовки кадров предусматривалось финансирование в размере 17247 тыс. руб., из которых на развитие вузов определялось 11620 тыс. руб., на развитие техникумов – 5000 тыс. руб., на низшее профобразование – 300 тыс. руб., и на развитие рабфаков – 327 тыс. руб.¹ На первом месте предусматривался набор в вузы молодых рабочих, батраков и колхозников в возрасте с 17 лет и создание сети рабфаков и курсов для подготовки поступающих. В финансировании компании по ликвидации неграмотности и развития школьного образования Далькрайисполком рассчитывал на получение центральных бюджетных средств в рамках общегосударственного курса на ликвидацию неграмотности. Эти средства были выделены постановлением СНК СССР в размере 10,5 млн. руб. на 1935/36 г. на развитие сети школ, 2,5 млн. руб. на строительство интернатов для детей, 2,7 млн. руб. на жилищное строительство для учителей и 150 тыс. руб. для закупки учебных материалов и оборудования для школ.² Из полученных средств в 1935 г. было начато строительство 85 школ, 16 интернатов и 300 квартир для учителей в городах и районах края, завершение которого планировалось на VI квартал 1936 г.

С 1 сентября 1933 г. в целях одновременной подготовки к занятиям в школах неграмотных и малограмотных был введен твердый учебный год. В городах его продолжительность устанавливалась в 9 месяцев, а в сельских районах – 6,5 месяцев. 28 февраля 1936 г. Далькрайисполкомом было принято постановление «О работе по обучению неграмотных и малограмотных в крае», по которому на ликвидацию неграмотности населения в возрасте до 50 лет выделялось из средств местного бюджета 12,6 млн. руб.³ В основе этого постановления лежало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 18 января 1936 г. «О полной ликвидации неграмотности и малограмотности населения в 1936 – 1937 гг.», в соответствии с которым местные власти да конца 1937 г. обязаны были ликвидировать неграмотность среди взрослого населения в подведомственных им областях и районах: на ликвидацию неграмотности в деревнях и селах были направлены специально созданные бригады юношей и девушек комсомольцев. По городам края был проведен общий учет неграмотных и малограмотных для переобучения. Таким образом, для развития образования были использованы уже проверенные опытом предыдущих лет меры «социалистического наступления». Однако, эти меры, как показывал предшествующий опыт, не всегда способствовали решению проблемы.

На базе принятых мер к концу 1937 г. были достигнуты успехи по ликвидации неграмотности: общая грамотность населения старше 8 лет определялась в 81,8%, оставшиеся же 18,2% проходили переобучение. Однако реальность, стоявшая за этими цифрами, выглядела иначе. 1-1,5 месяца

обучения в ликпунктах в деревнях давало не более чем элементарные навыки письма, счета и чтения. Колхозники с удовольствием проходили эти курсы, считая, что они помогут им в правильности счета и учета при ведении хозяйства. Однако, дальше элементарного счета и письма дело не шло, в то время как «ликвидационные бригады» по возвращению из поселков и деревень, куда они были направлены, констатировали полную ликвидацию неграмотных. Еще хуже обстояло дело в городах на предприятиях. Многие рабочие только числились на курсах ликвидации неграмотности, не посещая их, но по окончании таких курсов руководители предприятий отмечали их как переобучившихся.

В то же время, представители многих социальных групп – крестьяне, рабочие и, в особенности лишенцы, осознавали, что образование для них единственный шанс повышения своего социального статуса. И те же крестьяне, не желая проходить переобучение сами, с энтузиазмом отправляли в школы своих детей. Осенью 1936 г., подводя итоги набору в вузы, Далькрайисполком отмечал, что рабоче-крестьянское «ядро» в составе принятых определялось в 46% вопреки запланированных 65%; набор в техникумы рабочих и крестьян составлял 80%, однако с неудовольствием отмечалось, что беднейшие крестьяне оставляют лишь 35% состава первокурсников, вместо плановых 65%.¹ Эти цифры показывают, что образованием как каналом социальной мобильности, пользовались те группы, которые не находились «в почете» у государства и другим путем не могли изменить своего социального положения.

В сети школьного образования к концу 1937 г. действительно удалось добиться значительных результатов. В 1937 г. в ДВК насчитывалось 2533 школы, в которых обучалось 351000 тыс. детей в возрасте до 17 лет (Таблица 17 Приложения), но даже при этом «недоохват» всеобщим обучением детей в возрасте от 8 до 11 лет (в основном в сельской местности) определялся 8000 чел.² Положительным фактором в развитии народного образования в крае было то, что большинство детей и подростков, которым в 1933 – 1937 гг. было 10-17 лет, относились к получению образования с энтузиазмом и ответственностью, зная, что для них это возможность дальнейшего личного и социального развития. Многие деревенские дети шли зимой в школы за десятки километров при 40-градусном морозе. Возможность дальнейшего социального продвижения через образование давала и сеть открывшихся в этот период в крае вузов и техникумов. В конце 1936 г. в крае работало 9 вузов (ГДУ, Дальневосточный коммунистический (Далькомвуз), Медицинский институт, Политехнический институт, Рыбопромышленный институт, Сельскохозяйственный институт, Лесотехнический, Педагогический, Промышленная академия) с общим количеством 2785 студентов 336 преподавателей, 49 техникумов с общим количеством 8575

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 10. Л. 187.

² Важнейшие решения правительства о ДВК. - С. 20-21.

³ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 11. Д. 3. Л. 54.

¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 386.

² Там же. Оп. 11. Д. 2. Л. 90-91.

студентов и 858 преподавателей и 6 рабфаков с 1333 студентами и 86 преподавателями.¹

Характерной чертой развития советского общества стало полное огосударствление всех сфер общественных отношений, что было определено в отечественной и зарубежной историографии как формирование административно-командного социализма. Независимо от историографической оценки исследуемого периода, для нас важно одно – регулирование системы общественных отношений и формирование всех направлений как внутренней так и внешней политики стало привилегией партийно-государственного аппарата. Социальная политика выступала как связующее звено между задачами экономического развития страны, структурой общества и доктринальными идеями социальной справедливости, чем обуславливался ее подчиненный характер.

Подчиненный характер социальной политики особенно ярко прослеживался через динамику бюджетного финансирования. Как можно проследить по таблице 18, в разгар экономической модификации начала второй пятилетки партийно-государственное руководство при распределении бюджетных средств установило остаточный принцип финансирования социальной политики. Основные средства расходовались на экономические преобразования.

Таблица 18

Динамика расходов бюджетных средств в СССР в 1933 – 1937 гг.

Статьи расходов	Расходы по бюджету									
	1933		1934		1935		1936		1937	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Народное хозяйство	23912066	86,2	33383364	87,6	3515891	23,7	37583501	63,7	39585607	45,8
Наркомат обороны СССР	1450000	5,2	1665000	4,4	6500000	43,8	14815000	25,2	20102240	23,3
Социально-культурные нужды	2393104	8,6	3018867	8,0	4804312	32,4	6509470	11,1	26604552	30,9
Общегосударственный бюджет	27755170	100	38067231	100	14820203	100	58917971	100	86292399	100

Примечание: Таблица составлена на основе источника: Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов: 1917 – 1959 /Под ред. С.Г. Струмилина. – М., 1961. – С. 284, 297, 311, 326, 337.

С 1935 г. большие финансовые вложения начали поступать в Наркомат обороны, что было связано с ухудшением международной обстановки

и угрозой мировой войны, однако, увеличились и расходы на социальные нужды, составив в 1935 г. максимальную за годы второй пятилетки величину – 32,4% бюджетных средств. В последующие годы суммы, выделяемые на реализацию социальных мероприятий вновь сократились, уступая расходам на народное хозяйство и Наркомат обороны, и не превышая 1/3 бюджетных средств.

Основной целью в реализации советской социальной политики в 1928 – 1937 гг. выступало формирование новой социальной структуры общества, которая должна была соответствовать интересам и идеологической доктрине партийного государства. Этим была обусловлена и ликвидация крепкого среднего и зажиточного крестьянства, традиционно независимого от государства, мешающего, по своим критериям и возможностям, партийно-бюрократической машине контролировать сельское хозяйство. На этот счет сохранилось интересное высказывание И.В. Сталина. В 1942 г. в Москве во время личной встречи И.В. Сталина с Уинстоном Черчиллем, между ними зашла речь о развитии сельского хозяйства в СССР, где И.В. Сталин дал оценку процессу коллективизации: «Мы имели дело с десятью миллионами маленьких людей. Это было что-то страшное, это длилось 4 года, но для того, чтобы избавиться от периодических голодовок, России было абсолютно необходимо пахать землю тракторами, мы должны были механизировать наше сельское хозяйство. Когда мы давали трактора крестьянам, то они приходили в негодность через несколько месяцев. Только колхозы, имеющие мастерские, могут обращаться с тракторами. Мы всеми силами старались объяснить это крестьянам. Но с ними было бесполезно спорить. После того, как Вы изложите все крестьянину, он говорит Вам, что он должен пойти домой и посоветоваться с женой, посоветоваться со своим подпаском. Обсудив с ними это дело, он всегда отвечал, что не хочет колхозов и лучше обойдется без тракторов».¹ Самостоятельность крестьян, не способствовала доверию со стороны партийно-государственного аппарата, благодаря чему они стали основным объектом насильственной процедуры социальной трансформации, которая была закончена лишь к 1936 г.

Рабочие, по характеру своей экономической деятельности, были зависимы от работодателя, а с ликвидацией частного производства – от государства. Однако и государство, на фоне общего мирового индустриального развития, зависело от того, насколько рабочий человек был готов вкладывать свой труд и силу в производственную деятельность, чем и было обусловлено проведение активной социальной политики в отношении этой социальной группы. Необходимость руководящего, научного и организационного обеспечения экономического развития способствовала определению еще одной приоритетной социальной группы – государственных служащих. При партийно-государственной системе советские партийные, профсоюзные и комсомольские работники стали выступать как основной

¹ Белоглазова С.Б. Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20/30 годов XX в.: Очерки истории. – Владивосток, 2001. – С. 98.

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 313 – 314.

«субъект-объект» социальной политики. В результате всех реформ и изменений 1930-х гг. была сформирована социально-профессиональная стратификационная система, основанная на властных отношениях. Регулирование социальной сферы жизнедеятельности общества к концу второй пятилетки было перенесено в область распределения материальных благ через систему заработной платы, льгот и привилегий.

Социальная политика на Дальнем Востоке с начала 1930-х гг. стала реализовываться с учетом общегосударственных экономических и политических интересов СССР в регионе. И если в 1920-е гг. особенности культурно-экономического развития Дальнего Востока центральными органами учитывались, то в 1930-е гг. региональная политика проводилась на основе распоряжений и постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) уже без учета местных особенностей. Однако, заинтересованность правительства в экономических ресурсах края и его геополитическое положение, привели к тому, что с 1934 г. социальная политика, проводимая в ДВК, стала целенаправленной со стороны центральной власти, что выразилось в целевом финансировании и в специальных распоряжениях и постановлениях, в которых определялись основные направления социального развития.

§ 3. Специфика социального развития Дальнего Востока в предвоенные годы

По мере постепенного улучшения социально-экономических условий жизни в стране, с завершением изменений в социальной структуре населения, в соответствии с достижениями в экономическом развитии, с одной стороны, и по мере укрепления политического режима и его репрессивного аппарата с другой, политическому руководству потребовались новые идеологические акции, основной из которых стало принятие 5 декабря 1936 г. новой Конституции СССР. Конституция юридически закрепила форму государственного устройства в стране, декларировав «построение социализма в СССР», как типа экономической организации общества в рамках полного огосударствления собственности и средств производства. Ликвидация в предшествующий период развития собственников как социальной категории изменила правовой статус крестьянства. В соответствии с положениями Конституции, крестьяне были уравнены в правах с рабочими – для них отменялись ограничения избирательного права, на них были распространены основные социально-экономические гарантии: на труд, на отдых, образование и материальное обеспечение. Однако, Конституция одновременно зафиксировала подчиненное положение крестьянства в рамках советского государства – социальной основой государства декларировался союз крестьянства и рабочего класса при сохранении диктатуры последнего.

В конце 1937 г. в СССР был принят третий по счету пятилетний план хозяйственного развития на 1938 – 1942 гг., идеологическую базу которого составил совершенно новый, не используемый ранее в партийных докумен-

тах, тезис о «завершении строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму».¹ Этот тезис лег в основу нового подхода к реализации советской социальной политики, через углубленное развитие социальной инфраструктуры при законодательном оформлении механизмов социального контроля и программирования, что сразу отразилось на финансировании социальной сферы. Уже в 1937 г. уровень финансирования социально-культурного развития вырос в 4 раза по сравнению с 1936 г. и составил 26604552 тыс. руб., превысив на 32% расходы на Наркомат Оборона.²

Направленность социально-экономического развития Дальнего Востока была обусловлена природно-ресурсным потенциалом и отраслями краевой специализации в рамках общегосударственного курса социально-экономического развития. Политическое руководство реально понимало необходимость всестороннего развития региона с целью закрепления населения, что проявилось еще в период второй пятилетки и прослеживалось в целенаправленном повышении заработной платы, районных коэффициентов, в развитии учреждений образования и здравоохранения. Главная роль в управлении социально-экономическим развитием края в период 1930-х гг. постепенно перешла к союзным органам. Для более эффективного контроля за маневрами местных властей и потоками финансовых средств Дальневосточный край, указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 октября 1938 г., был разделен на Хабаровский и Приморский края, позже была образована Амурская область и Еврейская Автономная область.³ Разукрупнение Дальнего Востока по территориально-административным единицам должно было позволить центру контролировать и направлять действия местных властей. Однако, сложившаяся социально-экономическая и культурная общность продолжала оставаться неделимой на основе пространственных границ и единства образа и условий жизни.

Всесоюзная перепись населения, проведенная в 1937 г., зафиксировала изменения в социальной структуре дальневосточного населения, как результат социального развития под воздействием проводимых в 1930-е гг. мероприятий. Общее количество населения Дальнего Востока в 1937 г. составило 2481185 чел., из которых 1377055 чел. проживали в сельской местности и 1104130 чел. проживали в городах.⁴ Общее количество городского населения в 1937 г., по сравнению с 1926 г. выросло на 324,8%, что было обусловлено во многом перетоком населения из сельской местности в города и прибытием переселенцев из других регионов и областей.⁵

¹ Экономическая жизнь СССР: 1917 – 1959. – С. 345.

² См.: таблица 17, § 2 настоящей главы.

³ Ткачева Г.А. Административно-территориальное деление Дальнего Востока России в 20 – 30-е годы //Исторический опыт освоения восточных районов России. Кн. 2. /Отв. ред. А.П. Деревянко. - Владивосток, 1993. - С. 86-89.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 141. Л. 27-28.

⁵ Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. – Владивосток, 2002. - С. 67 – 72.

Самыми крупными и экономически развитыми городами были Владивосток, с населением 206974 чел., Хабаровск, с населением 178000 чел., Благовещенск – 58558 чел.¹ Сельское население региона выросло на 218,8% по сравнению с 1926 г., что произошло в основном за счет увеличения рождаемости и переселенческих потоков. Уровень доходов и уровень потребления дальневосточников, по сравнению с концом 1920-х гг., увеличился к концу 1930-х гг. в 6,9 раз, что было обусловлено общим уровнем развития экономики региона. Общий прирост в развитии промышленности на Дальнем Востоке к 1939 г., по отношению к 1929 г., выразился в 113,5%; из них 76,8% приходилось на развитие добывающих и перерабатывающих тяжелых отраслей; 36,7% приходилось на развитие легкой и пищевой промышленности и на транспорт, увеличилось в 2,5 раз производство электроэнергии, в 2,8 раз увеличился рост продукции сельского хозяйства.² К 1939 г. доля предметов потребления в общем выпуске продукции в крае составила 39%.

Произошло изменение критериев социальной стратификации по сравнению с 1926 г. В идеологических документах 1930-х гг. и в официальной статистике при определении социального состава советского населения использовались критерий «классовой принадлежности» и тип хозяйственной деятельности. Таким образом, если привести данные официальной идеологизированной статистики, то социальный состав дальневосточного населения в конце 1937 г. был следующим: рабочие – 33,5% от общего количества населения, служащие – 16,7%, колхозное крестьянство и кооперированные кустари – 47,2%, крестьяне единоличники и некооперированные кустари – 2,6%.³ Однако, советская система стратификации была более сложной. Нужны были совершенно иные критерии для определения социальной структуры, и советское политическое руководство это понимало. Для эффективного управления обществом необходимо было точно знать из каких слоев и групп состоит население, каковы их интересы, их социальный и политический потенциал. Материалы переписных листов Всесоюзной переписи 1937 г. дают нам более точную и развернутую социальную характеристику советского населения, чем та, что была отражена в официальных документах. Разумеется, в тот исторический период эти сведения не могли быть оглашены, а потому были засекречены. Сегодня, с позиций современного знания, опираясь на данные переписи 1937 г., мы можем дать реальную характеристику социальному составу дальневосточного населения конца 1930-х гг.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 24.

² История Дальнего Востока СССР. Кн. 8. Дальний Восток СССР в годы 3-й пятилетки и в период Великой отечественной войны (1938 – сентябрь 1945 гг.) /А.И. Крушанов и др.; Под ред. А.И. Крушанова. – Владивосток, 1978. – С. 35-54.

³ Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: вопросы комплексного изучения. Сборник статей /Отв. ред. Ю.А. Поляков. – М., 1990. – С. 102.

На самом деле, в основу выделения социальных групп было положено деление по занятости в различных отраслях народного хозяйства, по уровню доходов и по уровню потребления. Согласно этим критериям, иерархия социальной стратификации Дальнего Востока в конце 1930-х гг. выглядела следующим образом:

Таблица 19
Социальная стратификация населения Дальнего Востока
в 1937 г. (в %)

Категории населения	%
1) Партийно-государственный аппарат	2,5
В том числе:	
В городе	1,4
В сельской местности	1,1
2) Служащие и интеллигенция	14,1
В том числе:	
В городе	9,4
В сельской местности	4,7
3) Рабочие	32,1
В том числе:	
В городе	19,5
В сельской местности	12,6
4) Колхозники	46,2
5) Кооперированные кустари	2,2
В том числе:	
В городе	1,3
В сельской местности	0,9
6) Крестьяне единоличники	2,2
7) Некооперированные кустари	0,6
В том числе:	
В городе	0,2
В сельской местности	0,4
8) Прочие (прислуга, лица свободных профессий и пр.)	0,1
ИТОГО	100

Примечание: Таблица составлена на основе источника: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 142, 143.

В период предвоенного развития на Дальнем Востоке увеличился общий рост сферы обслуживания, здравоохранения, культуры, образования, т.е. происходило общее развитие социально-бытовой сферы. С 1937 по 1941 гг. в Приморском крае было построено 160 средних школ, в Хабаровском крае – 112.¹ Общее количество детей, обучаемых в начальных, семи-

¹ Культурное строительство в СССР. Статистический сборник. – М.-Л., 1940. – С. 55.

летних и средних школах составило в 1938/39 учебном году 340936 чел. Увеличилось число сельских школ и количество обучающихся в них. Если в 1937/38 учебном году в сельской местности Приморского края было 634 школы (из них 11 средних), то в 1940/41 учебном году – 676 (28 средних); в Хабаровском крае в 1937/38 учебном году действовали 1264 сельские школы (38 средних), в 1940/41 учебном году число школ увеличилось до 1477 (77 средних).¹ В 1940/41 учебном году в школах Дальнего Востока обучалось уже 446,7 тыс. чел., что было на 106 тыс. чел. больше, чем в 1938/39 учебном году; из них в сельской местности обучалось около 300 тыс. чел. В этот же период увеличилось и число учителей в школах, что было обусловлено повышением заработной платы для учительского персонала и возможностью развития для учителей в сельской местности приусадебных участков. Только в Приморском крае в 1937 – 1941 гг. количество учителей в сельской местности выросло с 2087 до 2540 чел., в Хабаровском крае – с 3378 до 5062 чел.² Рост учительских кадров увеличился благодаря созданным в 1939 г. во Владивостоке и Хабаровске институтам усовершенствования учителей.

Развитию образования в предвоенный период дальневосточные власти уделяли особое внимание. Это было связано с тем, что подрастающее поколение становилось главным источником пополнения трудовых ресурсов, и воспитание детей имело важное идеологическое значение. По сравнению с другими социальными группами дети находились в привилегированном положении. Еще в середине 1930-х гг. были практически ликвидированы нищенство и детская беспризорность. Сложилась разветвленная сеть детских учреждений и пионерских лагерей. В 1939 г. в крае имелось для воспитания малолетних детей 355 детских садов, в которых находилось 14,7 тыс. детей.³ В 1940 г. работало 35 детских домов с общим количеством воспитанников 3620 чел. (Таблица 20).

Таблица 20

Сеть детских домов на Дальнем Востоке в 1940 г.

Направления учреждений	Число учреждений	Количество воспитанников
Школьные детдома	19	2607
Дошкольные детдома	7	555
Смешанные детдома	5	234
Детдома для слепых	1	25
Детдома для глухонемых	1	116
Детдома для трудновоспитуемых	2	83
ИТОГО	35	3620

Примечание: Таблица составлена на основе источника: ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 11. Д. 2. Л. 105.

¹ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 2. Д. 3. Л. 177; Д. 4. Л. 117.

² Там же.

³ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 11. Д. 2. Л. 103.

Несмотря на малое количество, уровень развития и охвата детей детдомами определялся местными властями как достаточный. Дети находились в этих учреждениях до 14-17 лет, затем поступали в ФЗУ или шли на производство, где им предоставлялось общежитие и заработная плата в соответствии с полученной квалификацией. Была распространена практика усыновлений детей и подростков рабочими семьями. Это было выгодно, поскольку семья, усыновившая ребенка, получала большие льготы по его содержанию и льготы по зарплате и обеспечению жильем на производстве. Изменилось и отношение усыновителей к детям, по сравнению с периодом 1920-х гг. Если раньше усыновленный ребенок виделся исключительно как источник социальных льгот, то в конце 1930-х гг. к этому фактору добавился идеологический аспект. Усыновители действительно хотели, помимо получения материального поощрения за усыновленного ребенка, воспитать его и вырастить из «него достойного советского человека». Этому способствовал и контроль со стороны детдомов – чаще всего детей отдавали в семьи передовиков производства, т.е. людей, в «социальной благонадежности» которых государство было уверено. В процессе усыновления присутствовал еще и физиологический аспект: из-за плохого питания начала 1930-х гг., из-за тяжелого физического труда и экологически вредных условий производства, особенно на предприятиях угольной, химической и металлообрабатывающей промышленности многие рабочие семьи не могли иметь детей, и усыновление было для них единственным шансом «завести» ребенка.

Вместе с тем, на всех уровнях, начиная с самого юного возраста дети становились объектом массивной идеологической обработки, рассчитанной на «воспитание молодых строителей советского будущего». В борьбе с негативными явлениями в детской среде использовались очень крутые и жестокие меры. Еще 7 апреля 1935 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», которое предусматривало снижение до 12 лет возраста привлечения к уголовной ответственности за кражи, насилие, причинение телесных повреждений и убийства, при самых суровых наказаниях вплоть до применения расстрела.¹ В 1940 г. на территориях Хабаровского и Приморского краев было 12 колоний для несовершеннолетних.² Самыми страдающими физически и морально, как показывают детские письма в различные инстанции, были дети репрессированных – «отверженные» советского общества. В этих письмах сквозит обида, непонимание происходящего, но, в отличие от взрослых, дети редко отказывались от своих родителей.³

¹ Собр. Зак. 1935. №19. Ст. 155.

² ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 1. Д. 29. Л. 36.

³ Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах /Отв. ред. А.К. Соколов. - М., 1997.

С ростом уровня жизни определенной части рабочих и служащих в городах, изменились требования к повседневному быту. Страх, появившийся в обществе после волны репрессий 1937 – 1938 гг., обострил у людей «желание жить» – жить «здесь и сейчас, сиюминутно». По стране открывались рестораны и кафе, кинотеатры, клубы, различные мастерские по пошиву одежды, кондитерские цеха и магазины. С 1937 г. появилось мороженое и лимонадное производство.

В предвоенный период значительно увеличились ассигнования на учреждения культуры. Так, в 1939 г. на культурное строительство по Дальнему Востоку выделялось 3870 тыс. руб., в 1940 г. – 4697 тыс. руб.¹ Вырос и культурно-бытовой фонд колхозов. Только в колхозах Приморья в 1939 г. он составил 1,8 млн. руб. В 1938 – 1941 гг. число культурно-досуговых учреждений на Дальнем Востоке быстро растет. В 1939 г. в Хабаровском крае насчитывалось в городах и в сельской местности 509 клубов культурного времяпровождения, 242 киноустановки в сельской местности, 35 кинотеатров, в 1941 г. – 845 клубов, 328 киноустановок, 88 кинотеатров.² В Приморском крае число клубов за те же годы увеличилось с 267 до 453, количество киноустановок – со 140 до 385, с 50 до 61 увеличилось количество кинотеатров. Для пропаганды советского образа жизни и для общего повышения уровня образования в сельской местности расширялась библиотечная сеть. Число библиотек в сельской местности Хабаровского края увеличилось с 497 в 1938 г. до 863 в 1941 г., а в Приморском крае – со 124 до 366. Во Владивостоке, Хабаровске, Биробиджане и других городах быстро росла сеть коммерческих ресторанов и кафе, постоянными завсегдатями которых являлись служащие и студенты. Рабочие предпочитали времяпровождение в клубах и кинотеатрах, не рискуя тратить заработанные деньги на высокие коммерческие цены ресторанов. Впрочем, сеть ресторанов снова стала сокращаться с 1940 г., когда вновь обострилась проблема товарного дефицита. В тоже время, общий уровень развития социальной инфраструктуры оценивался местными властями как недостаточный: в Хабаровском крае охват населения сферой быта, культуры и досуга определялся в 38%, в Приморском крае – в 63%. Особенно сильно чувствовалось различие в развитии социальной и культурной сфер в городах и деревнях. Помимо развития библиотечной сети, где большинство литературы носило идеологический характер, и клубов в крупных селах, где в основном проводились идеологические лекции, пунктов по ликвидации неграмотности и т.д., практически возможности культурного времяпровождения для сельских жителей не было, за исключением, пожалуй, просмотра кинофильмов, что особенно угнетало молодежь и вызывало ее недовольство, усугубляя излишний отток сельских жителей в города.

¹ ГАПК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 345. Л. 35.

² Хабаровский край. - Хабаровск, 1948. - С. 36.

Политика государства в отношении крестьянства в начале третьей пятилетки, по сравнению с предыдущим периодом, несколько смягчилась, что привело к общему подъему уровня жизни сельского населения. 19 апреля 1938 г. было принято постановления СНК и ЦК ВКП(б) «О запрещении исключения колхозников из колхозов», которое запрещало проведение чисток колхозов, а также исключения из колхозов членов семей колхозников по мотивам ухода одного из членов семьи на временную или постоянную работу на госпредприятие, и за нарушение правил внутреннего распорядка, которые ранее практиковались повсеместно.¹ Это постановление способствовало установлению нормальной психологической атмосферы в колхозах – люди перестали бояться лишиться средств существования за малейшую провинность.²

Второе постановление СНК и ЦК ВКП(б) от того же числа «О неправильном распределении доходов в колхозах», положило конец разбазариванию местными властями на Дальнем Востоке колхозных средств.³ До выхода этого постановления, правления колхозов в регионе основную долю доходов затрачивали на производство общественных построек в колхозах, на производственные и административные расходы и т.п., вследствие чего, доля денежных доходов, распределяемых на трудодни колхозников, оказывалась заниженной, что толкало колхозников на поиски денежных заработков на стороне. В соответствии с постановлением, между колхозниками на трудодни должно было распределяться не менее 60-70% всех денежных доходов, отчисления на капитальные затраты не должны были превышать 10% денежных доходов, остальные же 20-30% доходов оставались в резерве и должны были расходоваться после окончательного установления «видов на урожай» будущего года по решению общего собрания колхозников. Это постановление увеличило в 1 – 1,5 раза доходы колхозников по трудодням. В тоже время дополнительными налогами были обложены единоличные хозяйства. Единоличных хозяйств на Дальнем Востоке к концу 1930-х гг. осталось лишь 2,2% от общего количества крестьянских хозяйств или 5508 хозяйств, с общим количеством человек в 30295. В основном единоличные хозяйства сохранились на юге Дальнего Востока и среди местных коренных народов.

Третье постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1938 г. «О налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств», обязывало районные власти строго следить за выполнением единоличными хозяйствами всех государственных обязательств по налогам, зернопоставкам, мясopоставкам и т.д., и восстанавливало с 25 апреля 1938 г. госналог на

¹ Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических республик. 1938. №18. Ст. 115.

² Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. – С. 228.

³ Собр. Пост. 1938. №18. Ст. 116.

лошадей в единоличных хозяйствах и накладывало на хозяйства дорожную повинность, лесовывоз, обслуживание школ, больниц и т.д.¹

Доход крестьян в колхозах был низким, однако они нашли «лазейку» в социалистической системе хозяйства, - стали развивать свои подсобные хозяйства, которые на Дальнем Востоке иногда значительно опережали колхозы в животноводстве и производстве овощей. Подсобные хозяйства крестьян в регионе составляли от 0,25 в Приморском крае до 1 га в Хабаровском крае.² Продукция подсобных хозяйств продавалась на колхозных рынках в крупных городах Дальнего Востока и в районах индустриальных строек, обеспечивая до 80% продаж продуктов. Подсобное хозяйство и рынок стали главным источником продовольственного самообеспечения крестьян и источником их денежных доходов. Крестьянские подсобные хозяйства стали и для горожан основным источником поступления в их рацион мясомолочных продуктов, овощей, картофеля. Многие колхозы в крае выполняли нормы государственных поставок продукции животноводства и овощей за счет подсобных приусадебных хозяйств колхозников. Поскольку государственные заготовки исчислялись с посевной площади и поголовья скота, колхозы стали сокращать посевы, и были случаи, когда забивался колхозный скот – в этом случае планы заготовок уменьшались. Колхозная администрация стала раздавать общественную землю в личное пользование, землю же, которая не являлась ни собственностью крестьян, ни собственностью колхозов – продавать и сдавать в аренду.³ На колхозных полях появились крестьянские хутора, росло поголовье скота в личном пользовании крестьян, которое по численности иногда превышало колхозные стада.⁴ Были случаи, когда для пополнения ферм и выполнения плана колхозы покупали личный скот у колхозников. Эта тенденция развития личных подсобных хозяйств была не только спецификой Дальнего Востока, но имела место по всей России. Удержать развитие благосостояния человека невозможно административными мерами, и человек всегда найдет пути для повышения своего уровня жизни.

На пленуме ЦК ВКП(б) в мае 1939 г., всплыли данные, свидетельствующие, что крестьянские подсобные хозяйства приносят огромный доход – 15-20 тыс. руб. в год. В то время как, например, зарплата первого секретаря ЦК ВЛКСМ составляла 24 тыс. руб. в год, а зарплата председателя райисполкома 17 тыс. руб. в год.⁵ Рост независимых и неконтролируемых источников существования крестьянского населения вызвал соответствующую реакцию со стороны политического руководства, направленную на усиление контроля за доходами крестьянства со стороны государства. 27 мая было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охра-

ны общественных земель колхозов от разбазаривания», по которому колхозные земли были обмерены, усадебные участки обрезаны, хутора в колхозных полях ликвидированы, личный скот, превышающий установленную колхозным уставом норму, обобществлен и передан колхозам.¹ Было решено лишь мелкое производство по самообеспечению. Здесь же был установлен обязательный минимум трудодней в год – для районов Дальнего Востока 60 трудодней. Эти меры, принятые Политбюро для «реанимации колхозного хозяйства» и сокращения частной крестьянской деятельности, привели к падению уровня жизни крестьян и к продовольственному кризису в городах, поскольку городские рынки потеряли основных поставщиков продуктов питания.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 июля 1939 г. «О приусадебных участках рабочих и служащих, сельских учителей, агрономов и других членов колхозов, проживающих в сельской местности», сократило также и приусадебные участки рабочих и служащих.² Рабочим и служащим, интеллигенции, проживающей в сельской местности, разрешалось иметь на семью не более 0,15 га земли, включая землю, занятую постройками. Приусадебные участки рабочих и служащих на Дальнем Востоке в 1938 – 1941 гг. были главным источником поступления продуктов на семейный стол, в заводские и учрежденческие столовые. Некоторая часть продуктов шла на рынок и поступившие средства пополняли семейный бюджет. За счет огородов поступало до 65% продуктов питания рабочего в месяц, что экономило до 35 – 45% заработной платы.

Средняя заработная плата дальневосточных рабочих к концу 1939 г. выросла за счет повышения районных коэффициентов и составляла в среднем при 7-12 разрядах 450,6 руб. в месяц; за счет повышения коэффициентов выросла и зарплата служащих до 640,3 руб. в месяц в среднем по различным предприятиям и учреждениям; увеличилась и заработная плата советских государственных служащих – до среднего уровня 960 – 1100 руб. по районам.³ С разукрупнением края по административным единицам острее стала ощущаться разница в заработной плате между краями и районами. Самые высокооплачиваемы рабочие и служащие были на Сахалине, самые низкооплачиваемые в Амурской области. Средняя же зарплата рабочих и служащих по региону превышала в 2,5 – 3 раза среднюю зарплату в других областях и краях Союза за счет районных коэффициентов.⁴ В средствах массовой информации, на рабочих собраниях, создавался образ «исключительности» Дальнего Востока и особого положения дальневосточников. У людей формировалось самосознание «особости», «исключительности», что поддерживало производственный энтузиазм и предострашало

¹ Собр. Пост. 1938. №18. Ст. 117.

² ГАХК. Р-137. Оп. 11. Д. 3. Л. 36.

³ ГАПК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 38. Л. 13.

⁴ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 11. Д. 3. Л. 43.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 3. - М., 1954. - С. 396-402.

¹ Собр. Пост. 1939. №34. Ст. 235.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. - М., 1967. - С. 719-720.

³ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 137. Л. 67.

⁴ Винникова С.А. История развития в СССР рыночной торговли и распределительной системы (1936–1941 гг.): Дис. ...канд. ист. наук. – Курск, 1999. – С. 116.

отток населения, хотя на самом деле положение дальневосточников «исключительным» не являлось: цены на продукты питания превышали общесоюзные в 1,5 – 2 раза; цены на товары – в 2,3 раза, что снижало уровень реальных доходов и уравнивало по уровню благосостояния жителей Дальнего Востока с жителями других регионов.¹

Формирование «идеологии исключительности», демонстрация особой заботы центральной власти о жителях Дальнего Востока, была обусловлена геополитическими интересами партийного аппарата в тихоокеанском регионе, и являлась своеобразным направлением в социальной политике. В местных газетах публиковались поздравления Политбюро ЦК дальневосточникам с успешным выполнением хозяйственных планов, с основными праздничными датами, отмечался «огромный вклад» жителей региона в общее развитие страны; назывались цифры ассигнования на выплату заработной платы, жилищное строительство, образование, постоянно проводились сравнения в уровнях заработной платы с другими регионами. В кинотеатрах перед началом художественных фильмов демонстрировались документальные киножурналы, которые особо подчеркивали повышение уровня жизни и благосостояния дальневосточного населения.

В предвоенный период, впервые с 1920-х гг., политическое руководство стало проводить политику «закручивания гаек» в отношении рабочего класса. 11 марта 1939 г. было принято постановление Экономсовета при СНК СССР «О единых нормах выработки и тарифных сетках для рабочих, занятых в строительстве», которое в целях повышения производительности труда и упорядочивания системы заработной платы в строительстве утверждало единые нормы выработки, тарифные сетки и ставки, предусматривающие повышение норм выработки в среднем на 4,3%, расчетных ставок в среднем на 16,6%.² Вводя единые ставки, постановление отменяло сделную оплату труда, что привело к сокращению уровня доходов рабочих в строительстве от 8 до 16,5%.

26 июня 1940 г. по представлению ВЦСПС был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».³ Целью указа было, прежде всего, закрепление рабочих на предприятиях, поскольку все предыдущие указы, распоряжения и постановления так и не смогли предотвратить и искоренить перехода рабочих на производства, где была выше оплата труда, где было больше возможностей удовлетворения своих бытовых нужд. В соответствии с указом продолжительность рабочего дня рабочих и служащих во всех государственных, кооперативных и общественных пред-

приятиях и учреждениях была увеличена с 7 до 8 часов на предприятиях с 7-часовым рабочим днем; с 6 до 7 часов на предприятиях с 6-часовым рабочим днем, за исключением профессий с вредными условиями труда; с 6 до 8 часов для служащих учреждений; с 6 до 8 часов для лиц, достигших 16 лет. Все государственные, кооперативные и общественные предприятия и учреждения были переведены с 6-дневки на 7-дневную неделю, считая 7-й день недели – воскресенье – днем отдыха. Уход с предприятия или переход с одного предприятия на другое, допускался только с согласия директора предприятия. Помимо прочего, указ от 26 июня устанавливал уголовную ответственность рабочих и служащих за опоздания и прогулы, а также за самовольный уход с предприятия.¹

Постановлением СНК СССР от того же 26 июня «О повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на 8-часовой рабочий день» сохранялись существующие тарифные ставки и месячные должностные оклады рабочих и служащих, увеличивались пропорционально продолжительности рабочего дня нормы выработки и снижались сделные расценки.² Таким образом, при увеличении рабочего времени не произошло увеличения заработной платы, что означало падение её реальной стоимости, поскольку за больший труд человек получал меньшие деньги.

С укреплением политического режима и развитием административно-командного государственного аппарата, с увеличением объемов экономического производства, правительство могло более не «заигрывать» с рабочими и применять к ним меры уголовного и административного воздействия. 10 июля 1940 г. вышел указ «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» в соответствии с которым, выпуск недоброкачественной продукции признавался «противогосударственным» преступлением за что виновные, которыми могли быть рабочие, главные инженеры, инженеры, начальники цехов, директора предприятий и т.д., подлежали уголовной ответственности и наказывались в виде лишения свободы на срок до 2-х лет, в зависимости от тяжести нарушения.³

В основе этих репрессивных мер правительства лежали следующие причины. С неурожаем 1938 г. и с ликвидацией подсобных крестьянских хозяйств, в 1939 г. в стране вновь разразился продовольственный кризис, который был углублен еще и тем, что страна начала «финскую военную кампанию». В городах появились массовые очереди за хлебом и другими продуктами питания. Во Владивостоке и Хабаровске уже с сентября 1939 г. были закрыты колхозные рынки. С началом кризиса вдвое сократилось снабжение северных районов и, прежде всего – Сахалина. Газета «Красное

¹ Зайнетдинов Ш.Р. Изменения в социальной структуре российского общества (по материалам переписей населения: 1789 – 1939 гг.): Дис. ...д-ра ист. наук. - Екатеринбург, 2000. - С. 365-368.

² Собр. Пост. 1939. №18. Ст. 119.

³ Там же. 1940. №16. Ст. 385.

¹ Собр. Пост. 1940. №16. Ст. 385.

² Там же. Ст. 386.

³ Там же. №18. Ст. 450.

знамя» отмечала в начале 1940 г., что полноценный рабочий день на Дальзаводе из-за массовых опозданий рабочих, вынужденных стоять в очереди за продуктами с 3 часов утра, начинается с опозданием на 1,5 – 2 часа.¹ В Европе уже началась война, что еще больше вызвало у людей панику, которая на Дальнем Востоке обострялась близостью с Японией. В результате панических настроений производство лихорадило – падала производительность труда, росла текучесть кадров, массовые прогулы, отказ работать, что и привело к ужесточению мер удержания рабочих на производстве, правовым оформлением которых и стало принятие Постановления и Указов от 26 июня и 10 июля 1940 г. Дефицит продуктов питания на Дальнем Востоке был также вызван постоянным увеличением денежной массы в обращении, что явилось следствием высоких заработных плат. У людей были деньги, но приобрести на них товары они не могли, что порождало инфляцию и рост цен на продукты на «черном рынке». В Приморском и Хабаровском краях из-за дороговизны «килограммы» и «литры», как меры веса, исчезли из рыночной торговли – молоко мерилось «стаканчиками», картофель продавался «кучками», мука – «кружками».²

Для регулирования социальных отношений правительство вернулось к старому проверенному механизму – системе государственного снабжения. При восстановлении снабжения, в его иерархии вновь стали опираться на приоритетность производства (с 1939 г. в первую очередь – военного) и властные отношения. 29 мая 1939 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об улучшении обслуживания комначсостава Красной Армии, Военно-Морского Флота, и рабочих и служащих военныхстроек» была создана система закрытых военторгов для начсостава Армии и Флота, а также рабочих и служащих, работающих на оборону.³ Постановлениями от 4 июля 1939 г. «О торговле на угольных шахтах, торфоразработках, нефтепромыслах, медных рудниках и медеплавильных заводах» и от 17 декабря 1939 г. «О торговле и общественном питании в системе Союзтранторгмета» вводились закрытые распределители и столовые для рабочих и служащих отраслей, работающих «на войну».⁴ Доступ в закрытые распределители и столовые получали не только рабочие и служащие стратегических предприятий, но и работники их ведомственных больниц, детских садов, школ. На Дальнем Востоке закрытые распределители были созданы для работников Дальгугля, Дальзавода (Завод им. К.Е. Ворошилова), Уссурийской железной дороги, Государственного Сихотэ-алинского полиметаллического комбината («Сихали»), Амурзолота.⁵ В тоже время правительство в специальных инструкциях запрещало введение карточной торговли, как «явления, несо-

вместимого с социалистической формой хозяйства».¹ Запрещалось принимать меры, которые могли превратить закрытую торговлю в карточное распределение – вести контроль за покупателями, вводить талоны, корточки и пр.

В лучшем положении по товарному обеспечению снова оказался советский партийный управленческий персонал и аппарат системы распределения. Удельный вес этой социальной группы на Дальнем Востоке в 1940 г. составил 16500 человек,² увеличившись в 3,5 раза по сравнению с 1926 г. Для них была создана система закрытых столовых и распределителей: В Хабаровском крае – 216; в Амурской области – 121; в Приморском крае – 168.³ Товары для снабжения закрытых распределителей местной номенклатуры брались из общих фондов, выделяемых Наркомторгом для снабжения Дальнего Востока. Например, руководящие работники крайисполкомов могли в месяц купить товаров и продуктов в закрытых столовых и распределителях на сумму от 350 до 980 руб., в то время как простой рабочий в открытой торговле мог приобрести товаров и продуктов не более чем на 160 руб.⁴ Таким образом, улучшение снабжения партийных чиновников происходило за счет ухудшения снабжения подавляющей части населения. Изменился критерий иерархии социальных групп в снабжении. Если в 1929 – 1935 гг. снабжение групп осуществлялось в зависимости от важности работы в индустриальном производстве, то в начале 1940-х гг. право получать продукты в закрытых распределителях имели только группы обладающие властными полномочиями и близкие к оборонной промышленности. Относительно хороший урожай 1940 г. на Дальнем Востоке, в Сибири и прогнозы на высокий урожай в центральных черноземных районах в 1941 г. должны были вернуть торговлю продуктами питания в нормальное русло, но начало войны прервало естественный процесс развития советского общества.

Наконец, необходимо осветить еще один аспект социального развития советского общества в 1930-е годы – сферу принудительного труда. В задачи данного исследования не входило освещение политики репрессий и функционирования пенитенциарной системы, но поскольку заключенные и приравненные к ним входили в состав советского общества, мы не могли обойти их своим вниманием.

Формирование лагерного сектора экономики стало важным фактором социально-экономического развития советского общества с 1930-х гг., поскольку являлось источником финансирования распределительной системы. В период второй пятилетки сфера принудительного труда получила свое организационное оформление. Её составляли ссыльные или спецпоселенцы (с 1934 г. – трудпоселенцы), заключенные исправительно-трудовых

¹ Красное знамя. - 1940. - 23 мая.

² Красное знамя. - 1940. - 28 августа.

³ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 52. Л. 10.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1011. Л. 42.

⁵ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 10. Д. 29. Л. 68.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1011. Л. 42.

² Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке: середина 40-80-х годов XX в. – Владивосток, 1998. – С. 26.

³ ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 4. Д. 640. Л. 38.

⁴ Там же.

лагерей (ИТЛ) ГУЛАГа. Труд заключенных на Дальнем Востоке использовался в добывающей, лесной, деревообрабатывающей, тяжелой промышленности, в хозяйственном освоении особо трудных – холодных и заболоченных – районах Верхнего Амура, верхней Колымы, охотского побережья, Северного Сахалина. В 1931 г. был создан Дальстрой, который использовал заключенных в качестве бесплатной рабочей силы в горнодобывающей промышленности, в железнодорожном строительстве. В 1939 г. в системе ГУЛАГа насчитывалось 42 лагеря, из которых 3 располагались на Дальнем Востоке: Дальлаг, Ушосдарлаг, Райчихлаг.¹ Общее количество заключенных на Дальнем Востоке в 1939 г. определялось, по материалам спецпереписи, в 109908 чел., из них в Дальлаге находилось 64249 чел., в Ушосдарлаге – 36948 чел., и в Райчихлаге – 8711 чел.² Лагеря, как правило, имели филиалы в виде лагпунктов и лаготделений, находившихся нередко в десятках, сотнях и даже тысячах километров друг от друга. Так, центр Дальлага находился во Владивостоке, а его отделения – в пунктах Сизиман (1200 км от Владивостока), Светлая (780 км), Самбовая (145 км), Тазгоу (125 км), Лисий (93 км), Пахтусово (30 км), 2-я речка (14 км).³

Несвободный труд заключенных на предприятиях был важнейшим звеном в хозяйственном освоении Дальнего Востока и представлял особое направление в социальной политике. Государство провозгласило политику «исправления принудительным трудом», в которой было больше лицемерия, чем реализма. Тем не менее, те лица, которые активно проявляли себя «в социалистическом строительстве» имели хорошие шансы на прощение, на получение наград, и даже на продолжение карьеры.⁴ В 1930-е гг. весьма популярным был фильм «Заключенные», в котором описывался процесс «быстрого перевоспитания» в Беломорлаге заключенных, как уголовников, так и политических, их превращение в активных участников социалистического строительства. Реальная же картина была намного ужаснее. Среди заключенных был высок уровень смертности: в Дальлаге в 1937 г. умерло 4004 чел., в 1938 г. – 3652, в 1939 г. – 2882, в 1940 г. – 1267 чел.⁵

Используя труд заключенных, государство должно было их обеспечивать, однако, на деле обеспечения практически не было. 19 февраля 1938 г. А.Я. Вышинский в письме И.В. Сталину характеризовал положение заключенных в Райчихлаге (г. Хабаровск): «Нет запаса ни белья, ни сапог, ни одежды. Мыла нет. Многим не в чем пойти в уборную. Идут разутые и раздетые этапы. Жилья нет, строить жилье нечем, нет инструмента, пил, топоров».⁶ В Дальлаге теплой одеждой и обувью заключенные не были обеспе-

чены и на 50%; жильем были обеспечены только 60% заключенных, остальная часть размещалась в палатках, непригодных для жилья зимой. Некоторые начальники лагерей Дальлага, чтобы хоть как-то обеспечить заключенных, позволяли им выходить на работу за пределы территории лагерей.¹ Тем не менее, привлечение заключенных позволяло решать многие задачи освоения региона.

Второй группой лиц принудительного труда на Дальнем Востоке были спецпоселенцы. Численность спецпоселенцев в 1940 г. в регионе составляла 26540 чел., из которых 25512 чел. проживали в Хабаровском крае и 1028 чел. – в Приморском крае.² По данным дальневосточного исследователя Е.Н. Чернолуцкой в промышленном освоении Дальнего Востока в 1930-е гг. половина всех работ осуществлялась путем спецколонизации.³ До 1933 г. спецпоселенцы почти полностью состояли из раскулаченных крестьян, в дальнейшем в спецпоселки выделялись колхозники и единоличники по обвинениям в срыве и саботаже хлебозаготовительной и других компаний, городской деклассированный элемент, «неблагонадежный элемент» из пограничной зоны с Китаем, а также лица, осужденные органами ОГПУ и судами на сроки от 3 до 5 лет с заменой отбывания срока в местах лишения свободы высылкой в спецпоселки. Режим в спецпоселках был мягче чем в ИТЛ, однако спецпоселенцы являлись заключенными в полном смысле этого слова – они не могли покидать предписанных мест жительства и работы, подчинялись особому режиму. Спецпоселенцы находились на государственном обеспечении. Серией постановлений СНК от 1 июля 1931 г. «Об устройстве спецпоселенцев», постановлением Наркомснаба от 31 августа 1931 г. «О порядке снабжения детей спецпоселенцев» их предписывалось обеспечивать продуктами питания, одеждой, обувью.⁴ Зарплата спецпоселенцев была на 20-25% меньше зарплаты вольных рабочих той же местности; на них не распространялись законы о социальном страховании рабочих, но им обеспечивалась минимальная медицинская помощь. В конце 1930-х гг. важность выполнения спецпоселенцами заданий и их роль в хозяйственном освоении Дальнего Востока постепенно уравнивали их с вольнонаемными рабочими. Их зарплата уравнивалась с зарплатой вольных рабочих данного предприятия или участка труда, равными должны были быть жилищные условия, медицинское и культурно-бытовое обслуживание. Однако, их бытовой уровень был очень низким: они не имели права покидать поселки, их потребление ограничивалось теми продуктами и товарами, которые они могли купить на ограниченной территории, но по сравнению с заключенными ИТЛ, они находились в более благоприятных

¹ Население России в XX веке: исторические очерки. Т.1. 1900 – 1939. - С. 311-313.

² Там же.

³ Там же. - С. 316.

⁴ Чернолуцкая Е.Н. Особенности формирования населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока СССР в 30-е – начале 50-х гг. (О роли «спецконтингентов»). - Владивосток, 1993.

⁵ Население России в XX веке: исторические очерки. Т.1. 1900 – 1939. - С. 319.

⁶ Большевицкое руководство. Переписка. 1928 – 1941 гг. - С. 390.

¹ Большевицкое руководство. Переписка. 1928 – 1941 гг. - С. 390.

² Население России в XX веке: исторические очерки. Т.1. 1900 – 1939. - С. 305 - 306.

³ Чернолуцкая Е.Н. Участие спецконтингента в хозяйственном освоении Дальнего Востока // Арсеньевские чтения. Тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам Истории, археологии и краеведения. – Уссурийск, 1992. - С. 137 – 138.

⁴ РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 18. Л. 141, 203; Д. 31. Л. 40, 92.

условиях. В целом же, спецпоселенцы и заключенные составляли особую группу в структуре советского общества, которая не обладала политическими и социальными правами или их права были крайне урезаны, но вклад которой в развитие экономики и освоение новых труднодоступных территорий был невероятно высок.

Общим итогом советской социальной политики в 1930-е годы стало ее окончательное оформление как политики распределительной, реализуемой партийно-государственным аппаратом, с учетом своих корпоративных интересов, носящей централизованный характер. Наряду с доктринальными факторами, определяющую роль в реализации социальной политики с конца 1920-х - начала 1930-х гг. стали играть конъюнктурные факторы – социальные преобразования и мероприятия проводились в русле решения партийно-политическим руководством задач сначала экономической модернизации страны, затем укрепления её обороноспособности. В зависимости от конъюнктурных факторов определялись социальные группы – приоритетные объекты социальной политики. Основными механизмами в реализации социальной политики в 1930-е гг. стали выступать: система льгот и привилегий для различных социальных групп, перераспределение материальных ценностей через политику заработной платы, социальное и пенсионное обеспечение, систему образования, дифференцированное государственное снабжение товарами народного потребления и продуктами питания; налогообложение.

В этот период окончательно сложилась и была официально закреплена, с завершением социальной модернизации в деревне, новая социальная структура «советского» типа, где выделение социальных групп происходило на основе положения в иерархии власти, занятости в различных отраслях народного хозяйства, профессии, уровня доходов и потребления. Этот тип социальной структуры с незначительными изменениями просуществовал в СССР до конца 1980-х гг. XX в.

К началу 1940-х гг. завершилось формирование на Дальнем Востоке социальной инфраструктуры: была создана сфера культурно-бытового обслуживания, медицинского обслуживания, система образования и т.д. Была ликвидирована детская беспризорность и безработица, и обеспечен минимальный прожиточный минимум значительной части дальневосточников. Через централизованные регулирование всех сфер социальной жизни завершилось формирование советской системы социального контроля.

Заключение

Комплексное изучение истории социальной политики в 1920-е – 1930-е гг. позволило сделать один из основных выводов исследования. В этот период происходило зарождение и формирование советской модели социального развития, основанной на абсолютной роли государства и его институтов в регулировании социальных отношений, где разработка и реализация основных направлений социальной политики стала привилегией партийно-государственного аппарата.

В истории становления и развития советской социальной политики и ее реализации на Дальнем Востоке мы можем выделить два периода: 1922 – 1927 гг. и 1928 – 1941 гг., которые различаются как масштабностью социальных изменений, так и механизмами осуществления социальных мероприятий.

В 1922 – 1927 гг. реализация социальной политики на Дальнем Востоке проходила в рамках НЭПа, благодаря чему в начале 1920-х гг. центральной властью допускалась некоторая вариация социальных мероприятий с учетом региональных особенностей и потребностей. Это было обусловлено необходимостью возрождения экономики региона после «революционных бурь» и гражданской войны. К тому же, еще окончательно не сложилась система властных иерархий – легитимация власти через установление партийного авторитета только проходила свое политическое становление. Проведение социальных преобразований в рамках различных направлений социальной политики носило характер «сиюминутного» реагирования на социальные проблемы – перспективного общеидеологического видения целей социального развития у политического руководства не было, поскольку в этот период шел поиск оптимальных путей модернизации общества. Однако, стратифицирующая концепция социальной политики в этот период уже окончательно оформилась через культивирование значимости классового деления общества путем вычленения приоритетных групп государственной поддержки. Интересы рабочих были поставлены над интересами крестьян, всячески подчеркивалось и внутригрупповое различие через политику заработной платы, налогообложение, систему социального обеспечения, систему льгот и привилегий. Происходил генезис советской социальной структуры, основанной на иерархии властных отношений. Социальная политика определялась партийным руководством через систему централизованных указов, постановлений и распоряжений. В зависимости от близости к ресурсам власти оформлялись приоритетные социальные группы советского общества – партийно-политическая бюрократия и государственные служащие.

В 1928 – 1941 гг. государственная социальная политика получила свое окончательное идеологическое оформление. Социальное развитие общества было полностью подчинено экономическому развитию страны и было направлено на создание социальных условий процесса индустриализации.

Завершилось формирование политического режима. Выработка направленной социальной политики стала привилегией партийно-государственного аппарата и его политической верхушки. В этих условиях местное руководство, окончательно подчиненное в политическом и идеологическом плане центральной власти, объективно стало единственным выразителем интересов населения Дальнего Востока. Регулирование социальных отношений в 1928 – 1941 гг. было перенесено в область распределения материальных ресурсов, контроля за формированием доходов, за изменениями в социальной структуре населения.

В исследуемый период советская социальная политика прошла путь глубокой трансформации и имела конкретные исторические результаты. Одним из её основных результатов стала коренная модификация социальной структуры населения.

В первые годы советской власти специальными декретами и постановлениями было ликвидировано сословное деление общества, основу которого составляла наследственная передача прав и обязанностей как образующих элементов социального статуса. В начале 1920-х гг. основными критериями при выделении социальных слоев и групп, в том числе и в дальневосточном регионе, выступали: наличие собственности, уровень материального благосостояния, куда включался не только уровень доходов, но и общая стоимость и качество имущества, характер занятости. По этим критериям, а также на основе утвержденной марксистско-ленинской теории о классовом делении общества и основывалось выделение основных слоев – рабочих, крестьян, служащих и т.д. и многочисленных групп, их составляющих. Таким образом, декларированные и реальные критерии социальной стратификации тесно переплелись между собой.

Под воздействием социальной политики в 1920-е гг. произошли изменения в стратификационной системе. Эти изменения осуществлялись на основе таких механизмов, как распределение льгот и привилегий, дифференцированное налогообложение, регулирование ценообразования, система заработной платы, система образования и модель жилищных отношений. Общее действие стратификационных механизмов социальной политики было направлено на создание полностью контролируемой и зависимой от партийного государства социальной структуры.

Сворачивание НЭПа, коллективизация и индустриализация привели к кардинальному изменению социальных отношений. С ликвидацией частной собственности, с началом централизованного распределения материальных благ, с утверждением партийно-политической бюрократии как основного субъекта социальной политики, система социальной стратификации изменилась коренным образом. Обладатели властных полномочий – партийная элита и государственные чиновники всех рангов и мастей – заняли высшую ступень социальной лестницы. Распоряжаясь материальными ресурсами, они стали перераспределять их, в первую очередь, в своих интересах, самостоятельно определяя себе уровень материального вознаграждения

за выполняемые функции. Им принадлежала и привилегия «внешнего» оформления социальной структуры. На основе экономических приоритетов были выделены промышленность и сельское хозяйство как сферы производственных отношений, трудящиеся в них – рабочие и крестьянство. В зависимости от уровня значимости для хозяйственного развития промышленных предприятий, на которых трудились рабочие, им гарантировался определенный уровень доходов, материальных благ, культурного обслуживания. Благодаря принадлежности Дальнего Востока к «индустриальным» регионам, средний уровень материального благосостояния дальневосточных рабочих на протяжении 1930-х гг. неуклонно повышался, в то время как подчиненность сельского хозяйства интересам промышленного развития привела к резкому падению уровня жизни сельского населения, которое и заняло самую низкую ступень в социальной иерархии. Таким образом, идеологический критерий – оценка со стороны партийного руководства той роли, которую конкретная социальная группа играла в политическом и экономическом развитии страны – стал доминирующим в советской системе социальной стратификации.

Центральным механизмом, формировавшим уровень доходов и потребления в советском обществе с 1930-х гг. выступала распределительная система. Ставка на развитие тяжелой промышленности, ликвидация частного производителя на селе привели в конце 20-х гг. XX в. к дефициту продовольствия и товаров народного потребления. Сталинское Политбюро, стремясь к монопольному распоряжению материальными ресурсами в стране, свернуло свободные рыночные отношения, возложив обеспечение населения продуктами и товарами народного потребления на распределительную систему. Партийный советский и хозяйственный аппараты, объединенные в «номенклатуру», стали контролировать распределение материальных благ, и управленцы регионального масштаба заняли свою «нишу» в этой системе. Распределение, основанное на механизмах поощрения и наказания, являлось одним из критериев, определяющих советскую социальную структуру. Образующими элементами распределительных отношений стали льготы и привилегии для партийного советского и государственного аппарата, с одной стороны, и система продовольственного снабжения, основанная на иерархии индустриального производства, с другой.

Система продовольственного снабжения, оформившаяся на Дальнем Востоке к концу 1920-х гг., в течение последующего периода постоянно трансформировалась: от открытого карточного снабжения в годы первой пятилетки, до латентного продовольственного снабжения партийного политического руководства в годы второй пятилетки и до нормированной торговли в предвоенный период. Неизменным оставалось одно – продовольственное снабжение, как и весь механизм распределения, носило избирательный ранжированный характер.

Следует отметить, что избирательный характер государственного снабжения способствовал сохранению в рамках тоталитарного политиче-

ского режима некоторых элементов рыночных отношений. Политическое руководство, в условиях товарного кризиса, не имея возможности обеспечить всех, обеспечивало лишь приоритетные социальные группы, оставляя других на произвол судьбы. Другой причиной сохранения элементов рынка явилась скудность государственного снабжения. Даже привилегированным потребителям, за исключением небольшой группы партийной элиты, государство не обеспечивало высокого уровня жизни. В период карточной системы первой пятилетки государственное снабжение позволяло городскому населению не умереть с голоду, а сельское обрекало на голодную смерть. В этой ситуации рынок спасал людей. Товарный дефицит и голодный покупательский спрос «заморозили» элементы рыночных отношений и определили их специфику. В рамках социалистической экономики выделилось два вида рыночной торговли. С одной стороны, не включив крестьянство в систему государственного снабжения, политическое руководство предоставило ему возможность «самоснабжения», сохранив колхозный рынок, где продавалась продукция, выращенная в подсобных хозяйствах крестьян и горожан, а также колхозная продукция, оставшаяся после выполнения государственных хлебозаготовок. С другой, там, где слабо развито производство и существует голодный покупательский спрос, большие прибыли дает перепродажа товаров на «черном рынке». «Черный рынок» выкачивал сырье и товары из государственных магазинов, хозяйств крестьян, колхозов, что, как показало наше исследование, было характерно для Дальнего Востока. Спекуляция стала одним из наиболее распространенных экономических преступлений 1930-х годов. Сохранение элементов рыночных отношений являлось своеобразным механизмом в реализации советской социальной политики, поскольку благодаря рынку существовали те слои и группы, о которых государство не брало на себя заботу.

Социальная политика, проводимая в 20-е – 30-е гг. XX в., сформировала у людей определенные поведенческие стереотипы. Централизованное распределение материальных благ (политика заработной платы, дифференцированная модель жилищных отношений, назначение пенсий и других видов социального обеспечения, государственное снабжение), где позиции определялись близостью к власти и нужностью для выполнения государственных планов, породило огромную текучесть кадров на производстве среди тех, кто занимал низшую ступень в иерархии распределения. Люди связывали работу, должности с возможностью материального достатка, и не получая желаемого, меняли места работы, что особенно ярко проявилось в дальневосточном регионе, где ощущался дефицит трудовых ресурсов. Желание увеличить свой достаток среди работников торговли и функционеров системы снабжения приводило к жульничеству, хищениям продуктов, спекуляциям. «Закрепление» населения на рабочих местах после ужесточения трудового законодательства и введения паспортной системы вызвало нежелание трудиться, породило халатное отношение к работе и к производст-

венному оборудованию, способствовало падению у людей интереса к жизни.

Все элементы социального, политического и экономического развития в советском обществе были тесно переплетены и взаимосвязаны, и изменения одного из элементов приводили к изменению остальных. Изменения в социальной структуре населения, обусловленные приоритетами экономического развития и интересами партийной политической бюрократии, влекли за собой изменения в системе распределения, которые в свою очередь влияли на характер трудовых отношений. Изменения в характере трудовых отношений сказывались на уровне экономического роста, вызывая срывы в промышленном производстве и в выполнении хозяйственных планов, что в свою очередь приводило к ужесточению политического режима и к репрессиям.

Социальное развитие регионов в 1920-е – 1930-е гг. проходило в контексте общегосударственного развития и изучение дальневосточной социальной политики этот тезис подтверждает.

Социальной политике принадлежала основная роль в процессе включения Дальнего Востока в общесоветское государственное пространство. Интересы дальневосточного населения учитывались в зависимости от роли региона в структуре общесоюзного промышленного производства, что наиболее ярко отражалось в политике заработной платы через установление районных коэффициентов и тарифных поясов. Сырьевой характер экономики способствовал в предоставлении 1920-е гг. региону определенной доли самостоятельности в выборе механизмов стимулирования экономического роста, что допускало некоторый учет региональной специфики при проведении социальной политики, а в 1930-е гг. обусловил включение региона в списки территорий индустриальной значимости, что, с одной стороны, повлияло на чрезмерную кардинальность в выборе путей социальной модернизации в деревне, а с другой, позволило получить поддержку партийно-политического руководства в развитии социальной инфраструктуры дальневосточных городов, в жилищной сфере, в области развития образования и культуры быта.

Общий материальный уровень жизни основной массы дальневосточников в 1920-е – 1930-е гг. медленно, но неуклонно повышался. Развивалась сеть народного образования и просвещения, реформировалась система здравоохранения, была создана иерархия социального обеспечения и страхования, социальная инфраструктура дальневосточных городов, была реформирована социальная структура.

Таким образом, к концу 1930-х гг. под влиянием социальной политики завершилось формирование советской социальной общности, основанной на полном подчинении социального группового и личностного развития общегосударственным интересам, носителями которых стала выступать партийно-государственная бюрократия.

БИБЛИОГРАФИЯ

Список архивных фондов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ГАРФ)

- Ф. Р-374. Наркомат рабоче-крестьянской инспекции СССР
Ф. Р-4737. Центральная комиссия улучшения быта ученых /Комиссия содействия ученым (ЦКУБУ/КСУ)
Ф. Р-3316. Центральный Исполнительный Комитет СССР (ЦИК СССР)
Ф. Р-5446. Совет Народных Комиссаров СССР (СНК СССР)

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЭКОНОМИКИ (РГАЭ)

- Ф. 396. Редакция «Крестьянской газеты» издания ЦК РКП(б)
Ф. 1562. Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР (ЦСУ СССР)
Ф. 5240. Наркомат внешней и внутренней торговли СССР
Ф. 7971. Министерство торговли СССР
Ф. 8043. Наркомат снабжения СССР

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (РГАСПИ)

- Ф. 17. Центральный Комитет (ЦК РКП(б) /ВКП(б) /КПСС)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ (ГАХК)

- Ф. Р-2. Дальневосточный краевой комитет ВКП(б) (Далькрайком)
Ф. Р-137. Дальневосточный краевой исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (Далькрайисполком)
Ф. Р-683. Отдел здравоохранения исполнительного комитета хабаровского краевого совета депутатов трудящихся
Ф. Р-719. Статистическое управление хабаровского края
Ф. Р-850. Отдел социального обеспечения исполнительного комитета хабаровского краевого совета депутатов трудящихся
Ф. Р-931. Дальневосточное областное статистическое управление
Ф. Р-937. Дальневосточная областная плановая комиссия

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (РГИА ДВ)

- Ф. Р-1815. Постановления Президиума Далькрайисполкома
Ф. Р-2413. Дальневосточный краевой исполнительный комитет советов депутатов трудящихся (Далькрайисполком)

- Ф. Р-2422. Дальневосточный революционный комитет (Дальревком)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ (ГАПК)

- Ф. Р-77. Отдел рабочего снабжения морского флота (ОРС Морфлота)
Ф. Р-131. Приморское краевое статистическое управление Госплана СССР
Ф. Р-1167. Приморская губернская РКИ

Статистические материалы

- Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Бюджеты рабочей семьи в 1922–1927 гг.: Труды ЦСУ. - М.: Изд-во ЦСУ, 1929. – 134 с.
Весь Дальний Восток: Справочник на 1925 год. - Хабаровск: Далькита, 1926. – 197 с.
Всесоюзная городская перепись 1923 г.: итоги промышленной переписи //Труды ЦСУ СССР. 1926. Т. 27. Вып. 1. – М.: Изд-во ЦСУ, 1926. – 89 с.
Дальневосточный край в цифрах. – Хабаровск: Далькрайстат управление, 1929. – 164 с.
Дальневосточное статистическое обозрение. - Хабаровск: Далькрайстат управление, 1929. № 12. – 82 с.
Итоги всероссийской городской переписи 1923 года на Дальнем Востоке (на 13 мая 1923 года). Выпуск первый. Население по расам, полу и источникам средств существования. Серия 1. Данные о населении и семьях. – Чита: Типография 5 РККА, 1923. – 31 с.
Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1925–1926 гг. – Хабаровск: «Книжное Дело», 1925. – 147 с.
Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1926–1927 гг. – Хабаровск: «Книжное Дело», 1926. – 136 с.
Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927–1928 гг. – Хабаровск: «Книжное Дело», 1927. – 104 с.
Контрольные цифры народного хозяйства Владивостокского округа ДВК на 1928–1929 гг. – Владивосток: Б.и., 1928. – 79 с.
Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929–1930 год. – М.: Госпланиздат, 1930. – 136 с.
Конъюнктурный обзор народного хозяйства Приморской губернии за октябрь – декабрь 1925–1926 гг. – Владивосток: Изд-во Влад. Окрплана, 1926. – 37 с.
Колхозы Дальнего Востока. - Хабаровск: Далькрайком ВКП(б), 1930. - 158 с.
Лагутин, А.Н. Дальневосточный край в цифрах. Справочные данные и основные показатели /А.Н. Лагутин. - Владивосток: Книжное дело, 1926. - 64 с.
Культурное строительство в СССР. Статистический сборник. - М.-Л.: Госиздат, 1940. – 459 с.

Материалы обследования крестьянских хозяйств Дальневосточного края в 1927–1928 гг. – Хабаровск: Далькрайстат управление, 1929. – 96 с.

Наемный труд в сельском хозяйстве: Статистико-экономический Сборник. – М.: Издат. ЦСУ, 1926. – 134 с.

Описание районов станций уссурийской железной дороги. Ч. 1-2. – Хабаровск: Коммерческо-экономический отдел, 1929. – 772 с.

Потребительская кооперация СССР за 1929–1933 гг. Основные показатели. – М.: Госпланиздат, 1934. – 128 с.

Предварительные итоги бюджетного обследования рабочих и служащих Дальнего Востока в марте 1924 года. Выпуск 1. – Хабаровск: Типогр. Сиб. В.О., 1924. – 55 с.

Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года по Дальневосточному краю. – Хабаровск: Б.и., 1927. – 50 с.

Предварительные контрольные цифры народного хозяйства ДВК на 1928–1929 год. Сводная таблица. – Хабаровск: Б.и., 1928. – 30 с.

Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. – М.: Изд-во ЦСУ, 1924. – 289 с.

Статистический ежегодник 1927 года. Вып. I. Социальная статистика. Труд. Профессиональное движение. – Хабаровск-Благовещенск: Б.и., 1928. – 225 с.

Труд в ДВК. Статистический справочник за 1923, 1924 и 1925 годы. – Хабаровск: Издание РИО ДКСПС, 1926. – 240 с.

Тяжесть обложения в СССР: социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг. – М.: Изд-во ЦСУ, 1929. – 268 с.

Уровень нашей жизни: 1913–1993. Аналитический справочник /Сост. В.М. Уралов. – М.: Профиздат, 1995. – 48 с.

Государственные документы и материалы

Борьба рабочего класса за восстановление и развитие промышленности Дальневосточной области (1922–1925): Сборник документов и материалов /Сост. П.П. Глухов, Б.И. Мухачев, Д.С. Цыбыктарова; Под ред. В.С. Флерова и др. – Хабаровск: Хабаровское книжн. изд-во, 1962. – 416 с.

Богушевский, В.О. О деревенском кулаке или о роли традиции в терминологии /В.О. Богушевский //Большевик. 1925. № 9-10.

Бояр и Новлянский. Задачи весеннего сева и коллективизации сельского хозяйства. Материалы 4-го пленума Далькрайкома ВКП(б). 6-9 февраля 1930 г. Вып. 3. – Хабаровск: Далькрайком ВКП(б), 1930. – 80 с.

Бухарин, Н.И. Избранные произведения /Н.И. Бухарин. – Новосибирск: Наука, 1990. – 493 с.

Важнейшие решения правительства о ДВК. О льготах для населения Дальневосточного края: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). – Москва-Хабаровск: ДВ-краевое изд-во, 1934. – 76 с.

Дальревком. Первый этап мирного строительства на Дальнем Востоке 1922 – 1926 гг. Сборник документов /Под ред. Н.И. Рябова. – Хабаровск: Хабаровское книжн. изд-во, 1957. – 286 с.

Два года советской власти в Амурской губернии. Отчет Амурского губернского исполнительного комитета 2-му губернскому съезду советов рабочих крестьянский и красноармейских депутатов. – Благовещенск: Тип. «Амурская правда», 1925. – 292 с.

Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам: 1917–1957 годы. Сборник документов. Т. 1: 1917–1928 годы /Сост. В.Н. Малин, А.В. Коробов. – М.: Госполитиздат, 1957. – 879 с.

Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации: 1927 – 1932 гг. /Сост. В.П. Данилов и др.; Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. – М.: Политиздат, 1989. – 526 с.

Из истории коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока (1927-1937 годы) /Сост. Елизарова Е.И., и др. – Хабаровск: Б.и., 1979. – 238 с.

Индустриализация СССР: 1929–1932 гг. Документы и материалы /Под ред. В.Е. Полетаева. – М.: Наука, 1970. – 634 с.

Индустриализация СССР: 1933–1937 гг. Документы и материалы /Под ред. В.Е. Полетаева. – М.: Наука, 1971. – 420 с.

История КПСС. Т.4. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР. 1921–1937 гг. – М.: Политиздат, 1971. – 663 с.

Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства 1927–1935 гг. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 546 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1898 – 1953. ТТ. 2-7. Издание 7. – М.: Политиздат, 1953-1956.

Ленин, В.И. О социалистическом строительстве /В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1986. – 463 с.

Материалы по отчету краевого комитета ВКП(б). – Хабаровск: Крайком ВКП(б), 1934. – 178 с.

Местные советы Приморья: страницы истории (1922–1985 гг.) /Сост. С.И. Лазарева и др.; Под ред. А.А. Волынцева. – Владивосток: Дальнев. книжн. изд-во, 1990. – 328 с.

Микоян, А.И. Продовольственное снабжение и наши задачи /А.И. Микоян. – М.: Партиздат, 1930. – 220 с.

XI Съезд РКП(б). Март – апрель 1922 года: стенографический отчет. М., 1922. – М.: Госполитиздат, 1961. – 873 с.

Октябрь на Амуре: Сборник документов, 1917–1922. /Отв. ред. В.П. Малышева. – Благовещенск: Амур. кн. Изд-во, 1965. – 458 с.

Основные вопросы XIII партийной конференции РКП(б). (Материалы для ячеек). – Чита-Владивосток: «Книжное Дело», 1924. – 119 с.

Основные моменты хозяйственной деятельности в ДВК за 1929–1930 гг. – Хабаровск: Далькрайком ВКП(б), 1931. – 116 с.

Отчет Дальревкома и Дальэконосо за 1923 – 1924 год /Под ред. М.П. Копытина, П.Е. Терлецкого. – Хабаровск: «Красное Знамя», 1925. – 570 с.

Отчет Дальневосточного Краевого Исполнительного Комитета за 1925-1926 год /Под ред. М.П. Копытина, П.Е. Терлецкого. – Хабаровск: Б.и., 1927. – 436 с.

Отчет Дальневосточного Краевого Исполнительного Комитета за 1927-1928 год /Под ред. М.П. Копытина, П.Е. Терлецкого. – Хабаровск: Б.и., 1928. – 47 с.

Очередные задачи приморской парторганизации: Резолюции первой областной партийной конференции. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 48 с.

Первый Владивостокский окружной съезд советов: Стенографический отчет. – Владивосток: Изд-во Влад. Окрисполкома, 1926. – 176 с.

Под контроль масс: бюллетень дальневосточной КРАЙКК-РКИ. № 9-10. – Хабаровск: Изд. ДАЛЬКРАЙКК-РКИ, 1932. – 63 с.

Постановления и резолюции Всероссийской конференции РКП(б), 4-7 августа 1922 г. – М.: Партиздат, 1922. – 127 с.

Профессиональные союзы ДВК: 1925–1927 гг. Отчет ДКСПС ко 2-му Дальневосточному Краевому Съезду Профсоюзов. – Хабаровск: Изд-во ДКСПС, 1927. – 65 с.

Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. (Отчет Дальбюро ВЦСПС). – Чита-Владивосток: «Книжное дело», 1924. – 134 с.

Районирование Дальневосточного края. Доклад Дальревкома Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету (Материалы по административно-хозяйственному районированию ДВ Края). Книга III. – Хабаровск: Типо-литография УНКФ, 1925. – 132 с.

Резолюции десятой Владивостокской окружной партийной конференции (9-18 мая). – Владивосток: «Красное Знамя», 1930. – 37 с.

Резолюции и постановления второй Амурской окружной партийной конференции ВКП(б): 5-8 марта 1927 г. – Благовещенск: Изд. Амурского Окружкома ВКП(б), 1927. – 36 с.

Ревкомы Северо-Востока СССР (1922–1928 гг.). Сборник документов и материалов /Сост. Е.М. Ильенко и др.; Под ред. В.С. Флерова. – Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1973. – 240 с.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1-2. /Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. – М.: Политиздат, 1968.

Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию Дальнего Востока (по данным совещания секретарей Губкомов и председателей Губисполкомов 3-го августа 1923 года). – Чита: Типогр. Заб. Губ. Союза Кооперативов, 1923. – 206 с.

VII-я Дальне-Восточная Краевая Конференция РКП(б) (16-20/XI 1925 г.). Стенографический отчет. – Хабаровск: Изд-во Далькрайкома РКП(б), 1925. – 230 с.

Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. – М.: Б.и., 1922–1927.

Собрание законов Союза ССР. – М.: Б.и., 1925–1937.

Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических республик. – М.: Б.и., 1938–1940.

Советская торговля в новой обстановке. Итоги 1935 и задачи 1936 гг. /отв. ред. Т.Я. Нейман. – М.-Л.: Госиздат, 1936. – 264 с.

Справочник партийного работника. Вып. 8. М.: Партиздат, 1934. – 64 с.

Съезды советов Амурской области: 1918 – 1936. Сборник документов и материалов /Сост. Л.А. Суржина, Е.К. Ветохина; Отв. ред. И.Ф. Маврин. – Благовещенск: Хабаровское книжн. изд-во, 1987. – 239 с.

Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сб. документов в трех томах, 1917–1936 гг. Т.1. Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР, 1917–1922 гг. /Сост. Д.А. Гайдуков, А.М. Давидович. – М.: Госюриздат, 1959. – 836 с.

Сталин, И.В. Сочинения /И.В. Сталин. ТТ. 7-13. М.: Госполитиздат, 1951.

Сталинское политбюро в 30-е годы: Сборник документов /Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М.: АИРО-XX, 1995. – 339 с.

Стенограмма первого Дальневосточного краевого съезда советов. – Хабаровск: Б.и., 1926. – 306 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1. Май 1927 – Ноябрь 1929 гг. /Отв. ред. В. Данилов. – М.: РОССПЕН, 1997. – 877 с.

Три года советского строительства в Дальневосточном крае. К первому дальневосточному краевому съезду советов рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов. Отчет Дальревкома за 1922–25 год /Под ред. М.П. Копытина, П.Е. Терлецкого. – Хабаровск: Б.и., 1926. – 251 с.

Хабаровский край. – Хабаровск: Дальневост. кн. изд-во, 1948. – 150 с.

XIV Съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М.-Л.: Госиздат, 1926. – 1029 с.

Экономика советской торговли /Сост. Я. Иоффе. – М.: Госпланиздат, 1934. – 218 с.

Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов: 1917–1959. /Под ред. С.Г. Струмилина. – М.: Советская энциклопедия, 1961. – 780 с.

Дневники, мемуары, письма

Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах /Отв. ред. А.К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 1997. – 352 с.

Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. Сборник документов /Сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк и др. – М.: РОССПЭН, 1996. – 423 с.

Валентинов, Н.В. Новая Экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭПа. Воспоминания /Сост. С.С. Волк. – М.: Современник, 1991. – 365 с.

Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. /С.В. Журавлев и др.; Под ред. А.К. Соколов. - М.: РОССПЭН, 1998. – 328 с.

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову: 1925–1936 гг. Сборник документов /Сост. Л. Кошелева, В. Лельчук и др. – М.: «Россия Молодая», 1995. – 303 с.

Письма во власть, 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям /Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М.: РОССПЭН, 1998. – 664 с.

Советское руководство. Переписка. 1928–1941. Сборник документов /Сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк и др. – М.: РОССПЭН, 1999. – 519 с.

Черчилль, У. Вторая мировая война /У. Черчилль. – Ростов-на-Дону: ФЕНИКС, 1997. – 640 с.

Научные публикации

Авдеев, А.Д. Батрачество и крестьянские общества взаимопомощи /А.Д. Авдеев. - М.-Л.: Госиздат, 1929. – 236 с.

Андреев, В.С. Социальное обеспечение в СССР /В.С. Андреев. - М.: Политгиздат, 1971. – 338 с.

Астрахан, Е.И. Развитие законодательства о пенсиях рабочим и служащим. Исторический очерк (1917 – 1970 гг.) /Е.И. Астрахан. - М.: Политиздат, 1971. – 264 с.

Атаян, И.М. Биржи труда в 20-е годы: опыт государственного трудового посредничества И.М. Атаян //Социологические исследования. – 2000. - № 4. – С. 117-122.

Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т.1. От прошлого к будущему /А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. – 804 с.

Баевский, И. Фонды коллективного потребления /И. Баевский. - М.: Госиздат, 1932. – 154 с.

Белоглазова, С.Б. Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20/30 годов XX в.: Очерки истории /С.Б. Белоглазова. – Владивосток: Дальнаука, 2001. – 191 с.

Боженко, Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919–1927 гг.) /Л.И. Боженко. – Томск: Сибполитиздат, 1969. – 284 с.

Боженко, Л.И. Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне (конец 1919–1927 гг.) /Л.И. Боженко. – Томск: Сибполитиздат, 1970. – 226 с.

Бокарев, Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник /Ю.П. Бокарев. – М.: Наука, 1981. – 310 с.

Бондырев, В.Е. Двойственный характер НЭПа в отношении частного /В.Е. Бондырев //История государства и права. – 2002. - № 1. – С. 15-21.

Брянский, А.М. Экономическое расслоение Дальневосточной деревни (к VII Дальневосточной конференции РКП) /А.М. Брянский. – Хабаровск: Типо-литография УНКФ, 1925. – 44 с.

Вайнштейн, Альберт Л. Избранные труды. Кн. 2. Народное богатство и народный доход России и СССР /Альберт Л. Вайнштейн. - М.: Наука, 2000. – 560 с.

Вайнштейн, Альберт Л. Хлебный рынок и условия ценообразования хлеба до войны и в 1922–24 гг. /Альберт Л. Вайнштейн //Хлебные цены и хлебный рынок. - М.: Б.и., 1925. – 189 с.

Вашук, А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке: середина 40-80-х годов XX в. /А.С. Вашук. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 212 с.

Вашук, А.С. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке /А.С. Вашук, Е.Н. Чернолуцкая, В.А. Королева и др. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2002. – 228 с.

Вглядываясь в прошлое: Дальневосточное общество в 1917–1940-е годы XX века: Сб. науч. статей. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – 175 с.

Венер, М. Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) /М. Венер //Отечественная история. – 1993. - №5. – С. 86-108.

Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX веке: Сб. науч. статей /Под ред. Е.Н. Чернолуцкой. – Владивосток: ДВО РАН, 1999. – 207 с.

Восленский, М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского союза /М.С. Восленский. М.: Наука, 1991. – 331 с.

Гимпельсон, Е.Г. Политическая система и НЭП: неадекватность реформ /Е.Г. Гимпельсон //Отечественная история. – 1993. - №5. – С. 29-44.

Гимпельсон, Е.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917–1920) /Е.Г. Гимпельсон //Отечественная история. – 1997. - №5. – С. 44 – 55.

Гимпельсон, Е.Г. Советский рабочий класс, 1918-1920 гг.: Социально-политические изменения /Е.Г. Гимпельсон. – М.: Наука, 1974. – 351 с.

Гиндин, Я.И. Безработица и борьба с ней /Я.И. Гиндин. -Л.: Б.и., 1927. -92 с.

Гиндин, Я.И. Регулирование рынка труда и борьба с безработицей /Я.И. Гиндин. - М.: Госиздат, 1928. – 112 с.

Гинзбург, Л. Как бороться с безработицей /Л. Гинзбург. - М.-Л.: Госиздат, 1927. – 146 с.

Гухман, Б.А. Численность и заработная плата пролетариата СССР /Б.А. Гухман. - М.: Б.и., 1925. – 224 с.

Дальний восток в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы международной научной конференции состоявшейся 18-20 июня 1996 года: Доклады и сообщения /Под ред. В.Л. Ларина и др. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1997. – 316 с.

Данилов, В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения /В.П. Данилов. – М.: Наука, 1979. – 364 с.

Данилов, В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство /В.П. Данилов. – М.: Наука, 1977. – 319 с.

Диков, Н.Н. Новый концептуальный подход к истории советского общества / Н.Н. Диков. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1991. – 36 с.

Джилас, М. Лицо тоталитаризма: Пер. с сербо-хорватск. /М. Джилас. – М.: Новости, 1992. – 539 с.

Дробижев, В.З. Главный штаб социалистической промышленности: очерки истории ВСНХ (1917–1932 гг.) /В.З. Дробижев. – М.: «Мысль», 1966. – 285 с.

Дэвис, Р.У. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики /Р.У. Дэвис, О.В. Хлевнюк //Отечественная история. – 1994. – №3. – С. 17-28.

Дяхтер, Г.А. Советская торговля в период построения социализма /Г.А. Дяхтер. – М.: Политиздат, 1961. – 329 с.

Жиромская, В.Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов /В.Б. Жиромская. – М.: Наука, 1996. – 156 с.

Жиромская, В.Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. /В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А. Поляков. – М.: Наука, 1996. – 152 с.

Жиромская, В.Б. Советский город в 1924–1925 гг.: Проблемы социальной структуры /В.Б. Жиромская. – М.: Наука, 1988. – 166 с.

Иванова, Р.И. Предмет и метод советского права социального обеспечения /Р.И. Иванова, В.А. Тарасова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 168 с.

Ивницкий, Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) /Н.А. Ивницкий. – М.: Интерпракс, 1994. – 267 с.

Индустриализация: исторический опыт и современность: Сборник статей /Под ред. Н.С. Бабинцевой, Н.П. Кузнецовой, К. Рихтера. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1998. – 322 с.

Индустриализация Советского союза: Новые документы. Новые факты. Новые подходы. – М.: Ин-т Рос. Истории РАН, 1997. – 200 с.

Исаев, В.И. Быт рабочих Сибири, 1926 – 1937 /В.И. Исаев. – Новосибирск: НГУ, 1988. – 186 с.

История Дальнего Востока СССР. Кн. 7. Советский Дальний Восток в периоды восстановления и реконструкции народного хозяйства, победы социализма в СССР (ноябрь 1922–1937 г.) /А.В. Большух и др.; Под ред. А.И. Крушанова. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1977. – 292 с.

История Дальнего Востока СССР. Кн. 8. Дальний Восток СССР в годы 3-й пятилетки и в период Великой отечественной войны (1938 – сентябрь 1945 г.) /А.И. Крушанов и др.; Под ред. А.И. Крушанова. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1978. – 344 с.

История советского крестьянства. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие советской власти: 1917–1927 /Отв. ред. Г.В. Шарапов. – М.: Наука, 1986. – 455 с.

История советского крестьянства. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства: конец 1927 – 1937. /Отв. ред. И.Е. Зеленин. – М.: Наука, 1986. – 448 с.

История советской Конституции. 1917–1956. – М.: Юридич. лит-ра., 1957. – 1046 с.

Квакин, А.В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период НЭПа, 1921–1927. /А.В. Квакин. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991. – 176 с.

Кожин, В.В. Россия. Век XX (1901-1939): История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. Опыт беспристрастного исследования /В.В. Кожин. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 446с.

Козлов, В.А. Начинается с человека: человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов /В.А. Козлов, О.В. Хлевнюк. – М.: Политиздат, 1988. – 251 с.

Колганов, А.И. Путь к социализму: Трагедия и подвиг /А.И. Колганов. – М.: Экономика, 1990. – 171 с.

Красов, Ю.А. Социальное единство советского общества: мифы и реальность /Ю.А. Красов. – Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1992. – 119 с.

Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX – XX вв.: Очерки истории /Под общ. ред. акад. А.И. Крушанова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. – 416 с.

Кудров, В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления / В.М. Кудров. – М.: Наука, 1997. – 303 с.

Лаврентьев, В. Заработная плата в России прежде и теперь /В. Лаврентьев. – М.: Изд-во ЦСУ, 1926. – 154 с.

Лебина, Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920-1930 годы /Н.Б. Лебина. – СПб.: Издат.-торговый дом «Летний Сад», 1999. – 320 с.

Лыкова, Е.А. Третья волна иммиграции: «корейский вопрос» в приморской деревне в 20-е – 30-е годы XX в. /Е.А. Лыкова, Л.И. Проскурина. //Россия и АТР. – 1996. - №2. – С. 82 – 88.

Лыкова, Е.А. Расчет Сталина оправдался: батрак в дальневосточной деревне 20-х годов /Е.А. Лыкова, Л.И. Проскурина. //Россия и АТР. – 1996. - № 4. – С. 14-17.

Любимов, Н.Н. Экономические проблемы Дальнего Востока (Восточно-китайская железная дорога) /Н.Н. Любимов. – М.: Центр. упр. печати ВСНХ СССР, 1925. – 52 с.

Маркузон, Ф. Бюджет московского рабочего в декабре 1922 г. /Ф. Маркузон. //Вопросы труда. – 1923. - № 5-6.

Мау, В.А. Реформы и догмы: очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма /В.А. Мау. - М.: Дело, 1993. - 254 с.

Микульский, К.И. Социально-экономическая политика в социалистическом обществе /К.И. Микульский. - М.: Мысль, 1978. - 279 с.

Молчанов, А.П. Из истории борьбы за упрочнение союза рабочего класса и крестьянства. 1924–1925. /А.П. Молчанов. - М.: Политиздат, 1956. - 256 с.

Морен, Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя: Пер. с фр. /Э. Морен. - М.: Рос. гос. гумат. ун-т, 1995. - 218 с.

Мунчаев, М.М. Политическая история Российского государства /М.М. Мунчаев. - М.: Юнити, 1998. - 487 с.

Мунчаев, М.М. Политическая история России: от становления самодержавия до падения советской власти / М.М. Мунчаев, В.М. Устинов. - М.: Норма-Инфра-М, 1999. - 789 с.

Население России в XX веке: исторические очерки. Т.1. 1900–1939 /Под ред. акад. РАН Ю.А. Полякова. - М.: РОССПЭН, 2000. - 463 с.

Наше отечество: Опыт политической истории /С.В. Кулешов, О.В. Волбуев, Е.И. Пивовар и др. Т.2. - М.: Рос. гос. гумат. ун-т, 1991. - 619 с.

Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920-30-е годы /Под общ. ред. Тимо Вихавайнена. - СПб.: Журнал «Нева», 2000. - 480 с.

НЭП: приобретения и потери /Р.У. Девис и др.; Под ред. В.П. Дмитренко. - М.: Наука, 1994. - 217 с.

Олейник, Н.Н. Правовое регулирование частного промышленного предпринимательства в годы НЭПа (1921-1930) /Н.Н. Олейник //История государства и права. - 2001. - № 5. - С. 29-33.

Осокина, Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок снабжения населения в годы индустриализации, 1927–1941. /Е.А. Осокина. - М.: РОССПЭН, 1999. - 271 с.

Осокина, Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. /Е.А. Осокина. - М.: РОССПЭН, 1993. - 212 с.

Осокина, Е.А. Легенда о мешке с хлебом: Кризис снабжения 30-х годов /Е.А. Осокина // Родина. - 1999. - № 5. - С. 87-91.

Осокина, Е.А. СССР в конце 20-х – первой половине 30-х годов. Торговля? – Распределение! /Е.А. Осокина //Отечественная история. - 1992. - №5. - С. 42-60.

Павлова, И.В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка /И.В. Павлова //Вопросы истории. - 2002. - № 10. - С. 3-18.

Подщеколдин, А. 1922 год: фабрики рабочим, привилегии – партаппарату /А. Подщеколдин //Аргументы и Факты. 1990. №27. - С. 5 – 6.

Полляк, Г.С. Бюджеты рабочих и служащих к концу 1923 г. /Г.С. Полляк. - М.: Главн. упр. издат. ВСНХ СССР, 1924. - 95 с.

Поляков, Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство /Ю.А. Поляков. - М.: Наука, 1967. - 511 с.

Проскурина, Л.И. Деревня двадцатых. Аграрная история Дальнего Востока России в 20-30-е годы. Дискуссионные проблемы /Л.И. Проскурина //Россия и АТР. - 1995. - №3. - С. 93 – 99.

Проскурина, Л.И. Наступление на крестьянство /Л.И. Проскурина //Россия и АТР. - 2001. - №3. - С. 55 – 63.

Проскурина, Л.И. Приморская деревня в конце 30-х годов /Л.И. Проскурина //Россия и АТР. - 1998. - №4. - С. 13 – 18.

Рашин, А. Движение заработной платы в 1923 г. /А. Рашин. - М.: Б.и., 1924. - 68 с.

Саначев, И.Д. Новая экономическая политика на Дальнем Востоке: 1922 – 1925 гг. /И.Д. Саначев. - Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1993. - 180 с.

Селунская, В.М. Изменение социальной структуры советской деревни /В.М. Селунская. - М.: Политиздат, 1979. - 288 с.

Слабнина, Л.А. Ставка на ускорение: уровень жизни населения в 20-е годы (жилищно-бытовые условия и система здравоохранения) /Л.А. Слабнина. //Россия и АТР. - 1996. - № 4. - С. 17- 25.

Смирнова Т.М. «Бывшие». Штрихи к социальной политике Советской власти /Т.М. Смирнова //Отечественная история. - 2000. - № 3. - С. 37-48.

Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т.1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира /Под общ. ред. акад. Ю.Н. Афанасьева. - М.: РГГУ, 1997. - 507 с.

Соколов, А.К. Курс советской истории: 1917 – 1940 гг. /А.К. Соколов. - М.: Высш. шк., 1999. - 272 с.

Соколов, Н.А. Кого считали кулаком в 20-е годы (К истории предпосылок перегибов в деревне) /Н.А. Соколов. //Вопросы истории КПСС. - 1990. - № 10. - С. 28 – 42.

Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: вопросы комплексного изучения. Сборник статей /Отв. ред. Ю.А. Поляков. - М.: Институт Истории СССР АН СССР, 1990. - 202 с.

Сталинская модель социализма: становление, развитие, крах (20-е-80-е годы). Круглый стол //Вопросы истории КПСС. - 1990. - № 12. - С. 43 – 54.

Струмилин, С.Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913–1922 гг. /С.Г. Струмилин. - М.: Издат. ЦСУ, 1923. - 133 с.

Струмилин, С.Г. Рабочий класс в октябрьской революции и на защите ее завоеваний /С.Г. Струмилин. - М.: Политиздат, 1984. - 288 с.

30-е годы: Взгляд из сегодня /Сост. А.В. Баев, С.А. Бертенев, и др.; Отв. ред. Д.А. Волгогонов. - М.: Наука, 1990. - 164 с.

Ткачева, Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы XX в. /Г.А. Ткачева. - Владивосток: ДГТРУ, 2000. - 110 с.

Тоталитаризм как исторический феномен /Отв. ред. Н.В. Шинковская. - Владивосток: Прим. общ-во книголюбов, 1996. - 160 с.

Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты /Под ред. В.В. Журавлева. – М.: Политиздат, 1991. – 272с.

Трукан, Г.А. Путь к тоталитаризму. 1917–1929 гг. /Г.А. Трукан. – М.: Наука, 1994. – 176 с.

Фицпатрик, Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов /Ш. Фицпатрик //Вопросы истории. 1990. №8. – С. 16 – 32.

Формирование административно-командной системы: 20-30-е годы. Сборник статей /Отв. ред. В.П. Дмитренко. – М.: Наука, 1992. – 236 с.

Хлевнюк, О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество /О.В. Хлевнюк. – М.: Республика, 1992. – 268с.

Чернолуцкая, Е.Н. Особенности формирования населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока СССР в 30-е – начале 50-х гг. (О роли «Спецконтингентов»)/Е.Н. Чернолуцкая. - Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1993. - 24 с.

Чернолуцкая, Е.Н. Паспортизация дальневосточного населения (1933 – 1934) /Е.Н. Чернолуцкая. //Revue des etudes slaves, Paris, LXXI/1, 1999, p. 17-33.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВСНХ** – Высший совет народного хозяйства
ВЦИК РСФСР – Всероссийский центральный исполнительный комитет РСФСР
ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГДУ – Государственный дальневосточный университет
Дальздрав – Отдел здравоохранения Дальревкома
Дальревком – Дальневосточный революционный комитет
Дальэконосо – Дальневосточное экономическое совещание
ДВК – Дальневосточный край
ДВО – Дальневосточная область
ДВР – Дальневосточная республика
ДКИК – Дальневосточный краевой исполнительный комитет (Далькрайисполком)
ЕТС ВЦСПС – Единая тарифная сетка ВЦСПС
ЗРК – Закрытые распределительные кооперативы
КВЖД – Китайско-восточная железная дорога
КОМОНЕС – Комиссия по делам несовершеннолетних
КСУ – Комиссия содействия ученым
НКТ СССР – Народный комиссариат труда СССР
РКИ СССР – Рабоче-крестьянская инспекция СССР
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б) – Российская Коммунистическая партия (большевиков)
СНК СССР – Совет народных комиссаров СССР
ТОЗ – Товарищество по обработке земли
Торгсин – Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами
ЦИК СССР – Центральный Исполнительный Комитет СССР
ЦК ВКП(б) – Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)
ЦКУБУ – Центральная комиссия по улучшению быта ученых
ЦСУ СССР – Центральное статистическое управление СССР

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

**Деление территории Дальнего Востока на тарифные пояса:
1922 – 1929 гг. (по территориальному обозначению с 1926 г.)**

1-й пояс
Чукотский, Анадырский, Карагинский, Пенжинский районы Камчатского округа
2-й пояс
Петропавловский, Усть-Камчатский, Большерецкий и Тигельский районы Камчатского округа; Ольский, Охотский и Тугуро-Чумиканский районы Николаевского-на-Амуре округа и Охинский район Сахалинского округа
3-й пояс
Сахалинский округ; Кербинский, Николаевск, Нижнетамбовский и Большемихайловский районы Николаевского-на-Амуре округа; Советский район Зейского округа и Ольгинский район Владивостокского округа.
4-й пояс
Остальные территории Дальнего Востока

Примечание: Таблица составлена на основе источника: ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 456.

Таблица 2

**Движение средней заработной платы в 1923 г.
(по группам профсоюзов)**

Группы союзов	Забайкальская губ.			Амурская губ.			Приморская губ.			Всего по ДВО		
	Янв.	Дек.	%	Янв.	Дек.	%	Янв.	Дек.	%	Янв.	Дек.	%
Промышленность	26,49	38,26	+42,7	28,43	41,93	+47,5	35,31	44,93	+27,2	30,64	42,06	+37,0
Транспорт и связь	21,96	29,44	+34,2	21,61	31,22	+44,5	23,32	35,90	+53,9	22,35	32,56	+45,4
Служащие учреждений	33,38	51,91	+55,2	35,67	48,53	+36,1	31,23	48,07	+53,9	32,86	49,86	+51,7
Прочие	31,91	32,57	+7,9	32,59	37,79	+15,9	32,49	34,57	+6,4	31,18	34,21	+9,8
Всего в среднем	26,54	38,93	+46,7	26,39	39,31	+48,9	29,33	41,50	+41,5	27,80	40,31	+45,0

Примечание: Таблица составлена на основе источников: Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. (Отчет Дальбюро ВЦСПС). - Чита-Владивосток, 1924. - С. 58; Труд в ДВК. Статистический справочник за 1923, 1924 и 1925 годы. - Хабаровск, 1926. - С. 52-58.

Таблица 3

Бюджетный набор на 1 человека в РСФСР в 1920-е гг.

№	Наименование	Вес (кг)
1.	Мясо	3,19
2.	Молоко цельн. (л)	3,38
3.	Яйца (шт.)	3
4.	Сахар	0,82
5.	Масло подс.	0,70
6.	Сельдь обыкн.	1,23
7.	Мука ржан.	16,38
8.	Мука пшен.	8,19
9.	Пшено	2,87
10.	Капуста кваш.	3,28
11.	Свекла	1,64
12.	Лук	0,70
13.	Соль	0,82
14.	Сапоги прост.	0,07
15.	Ситец	1,6
16.	Полотно	0,51
17.	Сукно гражд.	0,12
18.	Керосин	2,46
19.	Мыло простое	0,41
20.	Табак	0,074
21.	Спички	3
22.	Дрова	0,23

Примечание: Таблица приведена по: Уровень нашей жизни: 1913 – 1993. Аналитический справочник /Сост. В.М. Уралов. – М., 1995. – С. 26.

Таблица 4

Минимальный набор продуктов питания в РСФСР в 1920-е гг.

№	Наименование	Вес (кг)
1.	Мясо	5,05
2.	Молоко (л)	33
3.	Яйца (шт.)	19
4.	Рыба	1,47
5.	Сахар	3,1
6.	Мука	8,30
7.	Картофель	7,53

Примечание: Таблица приведена по: Уровень нашей жизни: 1913 – 1993. Аналитический справочник /Сост. В.М. Уралов. – М., 1995. – С. 26.

Таблица 5

Амплитуда колебания индексов розничных цен в РСФСР в 1923 – 1925 гг.¹

Район	Общий индекс	Индексы цен на товары					
		Сельско-хозяйственные	Промышленные	Хлебные	Мясные	Текстильные	Металлические
Московско-промышленный	1,12	1,18	1,08	1,36	0,94	1,05	1,17
Центральный земледельческий	1,17	1,21	1,13	1,24	1,34	1,20	0,92
Приуральский	1,14	1,18	1,09	1,24	0,95	1,02	0,94
Средне-Волжский	1,12	1,16	1,06	1,22	0,91	1,11	0,77
Нижне-Волжский	1,17	1,04	1,30	1,20	0,70	1,29	0,89
Западная Сибирь	0,99	0,87	1,11	0,96	0,72	1,19	1,11
Восточная Сибирь	0,95	1,03	0,87	1,01	1,07	0,79	0,80
Дальний Восток	1,32	1,33	1,32	1,05	1,79	1,35	1,60

Примечание: Таблица составлена на основе источника: Вайнштейн Альберт Л. Избранные труды. В 2-х книгах. Кн. 2. Народное богатство и народный доход России и СССР. – М., 2000. – С. 78-81.

¹ Цены за апрель 1923 г. = 1

Таблица 6

Таблица 8

Динамика расходов на социальные нужды по бюджету ДВК

Категории расходов	Тысячи червонных рублей			
	1922-1923 гг.	1923-1924 гг.	1924-1925 гг.	1925-1926 гг.
1) Расходы по просвещению:				
а) Госбюджет	640,5	794,2	847,3	1094,2
б) Местный бюджет	1125,8	1077,0	1689,8	1949,4
в) Итого	1766,3	1871,2	7537,1	3043,6
2) Расходы по здравоохранению:				
а) Госбюджет	88,3	142,4	222,2	336,6
б) Местный бюджет	562,4	598,6	684,0	789,5
в) Итого	650,7	741,0	906,2	1126,1
3) Расходы по соц. обеспечению:				
а) Госбюджет	111,0	103,4	132,3	145,8
б) Местный бюджет	83,4	68,7	88,9	102,1
в) Итого	194,4	172,1	221,2	247,9
Всего:				
а) Госбюджет	839,8	1040,0	1181,8	1576,6
б) Местный бюджет	1771,6	1744,3	2463,3	2841,0
в) Итого	2611,4	2784,3	3645,1	4417,6

Примечание: Таблица составлена на основе источников: Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1925 – 1926 гг. - Хабаровск, 1925. - С. 92; Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1926 – 1927 гг. - Хабаровск, 1926. - С. 63-64; Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927 – 1928 гг. - Хабаровск, 1927. - С. 58-61.

Таблица 7

Начальное и среднее образование на Дальнем Востоке на 1 июня 1923 г.

школы	Количество школ			Количество учащихся			Количество учителей		
	город	село	всего	город	село	всего	город	село	всего
1-й ступени	163	1384	1547	33660	67956	101616	977	2049	3026
2-й ступени	41	15	56	11906	1172	13078	587	87	674
Всего	204	1399	1603	45566	69128	114694	1564	2136	3700

Примечание: Таблица составлена на основе источника: Отчет Дальревкома и Дальэжко за 1923 – 1924 год. - Хабаровск, 1925. - С. 432.

Движение численности городского и сельского населения на Дальнем Востоке в 1923 – 1927 гг.

Годы	Население (чел.)		
	Городское	Сельское	Всего
1923	424153	1193560	1617713
1925	464000	1348300	1812300
1927	514300	1519600	2033900

Примечание: Таблица составлена на основе источников: Итоги всероссийской городской переписи 1923 года на Дальнем Востоке (на 13 мая 1923 года). Выпуск первый. Население по расам, полу и источникам средств существования. Серия 1. Данные о населении и семьях. - Чита, 1923. - С. 8-13.; Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927/28 гг. - Хабаровск, 1927. - С. 71.

Таблица 9

Движение рабочих по основным секторам производства на Дальнем Востоке в 1923 – 1927 гг.

Сектора производства	Годы		
	1923	1925	1927
Сельское хозяйство (сроковые рабочие)	2480	5152	6152
Частный (мелкое и среднее производство) промышленный сектор	10742	12844	14949
Государственный промышленный сектор	11108	14130	16378
Транспорт и связь	32962	39094	41446
Итого	57265	71220	78922

Примечание: Таблица составлена на основе источника: Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927/28 гг. - Хабаровск, 1927. - С. 71.

Таблица 10

**Нормы снабжения в РСФСР 1931 – 1932 гг.
(в кг на человека в месяц)**

Продукты	Особый список ¹		1-й список		2-й список		3-й список	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Хлеб (в день)	0,8	0,4	0,8	0,4	0,8	0,4	0,75	0,35
Мука	1	1	1	-	-	-	-	-
Крупа	3	1,5	2,5	1,5	1,5	0,85	1	0,5
Мясо	4,4	2,2	2,6	1,3	1	1	-	-
Рыба	2,5	2	2	1,4	2	1	-	-
Масло животное	0,4	-	0,2	-	-	-	-	-
Сахар	1,5	1,5	1,5	1,5	1	1	0,8	0,8
Чай (в год)	0,3	0,3	0,25	0,25	0,1	0,05	0,1	0,05
Яйца (штук)	10	-	-	-	-	-	-	-

Примечание: Таблица приведена по: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок снабжения населения в годы индустриализации, 1927–1941. – М., 1999. – С. 251.

Таблица 11

**Нормы снабжения детей в РСФСР 1931 – 1932 гг.
(в кг на человека в месяц)**

Продукты	Особый список	1-й список	2-й список	3-й список
Хлеб (в день)	0,4	0,4	0,4	0,35
Мука	0,5	0,5	-	-
Крупа	1,5	1,5	0,85	0,5
Мясо	2,2	1,3	1	-
Рыба	2	1,4	1	-
Масло животное	0,4	0,2	-	-
Масло растительное	0,2	-	-	-
Сахар	1,5	1,5	1	0,8
Чай (в год)	0,3	0,25	0,05	0,05
Яйца (штук)	10	-	-	-

Примечание: Таблица приведена по: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок снабжения населения в годы индустриализации, 1927–1941. – М., 1999. – С. 252.

¹ (1) – нормы рабочих; (2) – нормы служащих и членов семей рабочих и служащих. Прочерк в таблице означает, что данная группа потребителей не получала по карточкам этот продукт

Таблица 12

**Нормы снабжения интеллектуальной элиты в 1932 г.
(в кг на человека в месяц)**

Продукты	Группы ¹		Продукты	Группы	
	1	2		1	2
Хлеб (в день)	0,8	0,8	Молоко (литров в день)	1	0,5
Мука	4	2	Чай	0,2	0,1
Мясо	6	3	Колбаса	2	1
Рыба свежая	4	2	Макароны	1	0,5
Сельдь	2	1	Сыр	1,5	0,7
Сахар	4	2	Яйца (штук)	30	15
Крупа	4	2	Кондитерские изделия	2,5	1,3
Рис	2	1	Мыло (кусков)	5	3
Масло растительное	1	0,5	Папиросы (штук)	750	750

Примечание: Таблица приведена по: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок снабжения населения в годы индустриализации, 1927–1941. – М., 1999. – С. 253.

¹ (1) – Академики союзной и республиканских академий наук; профессора, имеющие большое количество научных трудов и преподавательский стаж не менее 10 лет; заслуженные деятели науки, техники, искусства.

(2) – Профессора и доценты вузов; старшие научные сотрудники НИИ; директора и их замы в музеях, художественных и библиотечных учреждениях союзного и республиканского значения.

Таблица 13

Нормы снабжения ответственных политических работников центральных учреждений и ведомств РСФСР в 1932 г.¹

Продукты (кг в месяц)	Литеры		Товары (штук в год)	Литеры	
	«А»	«Б»		«А»	«Б»
Хлеб (в день)	0,8	0,8	Пальто зимнее	1	1
Мясо	4	2	Пальто демисезонное	1	1
Колбаса	4	3	Плащ	1	1
Масло сливочное	1,5	-	Костюм	3	1
Масло растительное (литр)	2	-	Брюки (пара)	4	1
Рыба свежая	6	3	Толстовка	1	1
Сельдь	2	2	Рубашка	6	3
Сахар	3	1,5	Белье (пара)	6	4
Сухофрукты	-	1,5	Ткань (метр)	40	24
Мука	3	1,5	Носки (пара)	10	6
Крупа	3	1,5	Обувь (пара)	4	2
Консервы (банка)	8	5	Галоши (пара)	2	2
Яйца (штук)	20	10	Простыни	6	2
Сыр	2	1	Мыло	24	12
Жиры	-	1			
Икра китовая	1	0,5			
Чай	0,5	0,25			
Папиросы (штук)	1200	900			
Молоко (литр в день)	1	1			

Примечание: Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 71. Л. 107-108; Оп. 11. Д. 32. Л. 30; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 16а. Д. 343. Л. 4-5.

¹ Общая стоимость продуктового пайка литеры «А» составляла 147 руб., литеры «Б» – 112 руб. Общая стоимость товаров литеры «А» составляла 300 руб. в квартал, литеры «Б» – 250 руб.

Таблица 14

**Перечень должностных окладов для политических работников советских организаций в ДВК: 1933 – 1937 гг.
(без районных коэффициентов)**

7-я группа (550 руб.)
1. Председатель Далькрайисполкома; 2. Председатель краевого суда и краевой прокурор
6-я группа (500 руб.)
1. Зам. председателя Далькрайисполкома, Председатели Приморского, Амурского, Сахалинского, Камчатского облисполкомов; 2. Прокуроры Приморского, Амурского, Сахалинского, Камчатского областных и председатели местных судов
5-я группа (450 руб.)
1. Председатели горсоветов: Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Александровска на Сахалине и Петропавловска на Камчатке; 2. Председатели райисполкомов промышленных и заготовительных районов с населением свыше 140 тыс. чел.; 3. Зам. председателей облисполкомов Приморской, Амурской, Сахалинской, Камчатской областей; 4. Ответственные редакторы краевых и областных газет; 5. Прокуроры районов с населением свыше 140 тыс. чел.
4-я группа (400 руб.)
1. Председатели райисполкомов с населением от 75 до 150 тыс. чел.; 2. Зав. отделами краевого и областных исполкомов; 3. Секретари краевого и областных исполкомов; 4. Прокуроры районов с населением от 75 до 150 тыс. чел.; 5. Краевой государственный арбитр.
3-я группа (350 руб.)
1. Председатели райисполкомов с населением до 75 тыс. чел.; 2. Председатели горсоветов с населением с 25 до 50 тыс. чел.; 3. Зам. Председателей и члены областных судов, нарсудьи районов с населением свыше 150 тыс. чел.; Прокуроры районов с населением от 75 тыс. чел.; 5. Ответственные редакторы городских и районных газет; 6. Секретари и зав. отделами райисполкомов с населением свыше 150 тыс. чел.; 7. Секретари и зав. отделами горсоветов с населением свыше 50 тыс. чел.
2-я группа (300 руб.)
1. Секретари и зав. отделами райисполкомов с населением от 75 до 150 тыс. чел.; 2. Секретари и зав. отделами горсоветов с населением от 25 до 50 тыс. чел.; 3. Ответственные секретари отделов областных исполкомов; 4. Нарсудьи районов с населением от 75 до 150 тыс. чел.; 5. Зав. секторами облисполкомов.
1-я группа (275 руб.)
1. Секретари зав. отделами райисполкомов с населением до 75 тыс. чел.; 2. Секретари зав. отделами горсоветов с населением до 75 тыс. чел.; 3. Нарсудьи районов с населением до 75 тыс. чел.

Примечание: Таблица составлена на основе источника: ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 137. Л. 2-3.

Таблица 15

Количество малограмотных в ДВК в 1933 г.

Территориальные единицы	Всего		Из общего числа							
			русских		корейцев		китайцев		народов севера	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1. Приморская область	25200	100	18020	71,5	6000	23,8	1200	4,7	-	0,0
2. Амурская область	8940	100	8020	89,7	200	2,2	720	8,1	-	0,0
3. Сахалинская область	2300	100	1980	86,1	200	8,7	60	2,6	60	2,6
4. Камчатская область	1000	100	1000	100	-	0,0	-	0,0	-	0,0
5. Нижне-амурский округ	900	100	500	55,5	100	11,2	-	0,0	300	33,3
6. Охотско-эвенский округ	760	100	400	52,7	-	0,0	-	0,0	360	47,3
7. Чукотский округ	490	100	250	51,0	-	0,0	-	0,0	240	49,0
8. Корякский округ	650	100	250	38,5	-	0,0	-	0,0	400	61,5
9. Хабаровский округ	4900	100	3980	81,2	800	16,3	120	2,5	-	0,0
10. Комсомольский район	1750	100	1000	57,2	250	14,3	-	0,0	500	28,5
11. Биробиджанский район	1790	100	1500	83,7	150	8,4	-	0,0	140	7,9
12. Пригородный район	1300	100	1000	76,9	300	23,1	-	0,0	-	0,0
Всего	50000	100	37900	75,8	8000	16,0	2100	4,2	2000	4,0

Примечание: Таблица составлена на основе источника: ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 137. Л. 119 – 120.

Таблица 16

Количество неграмотных в ДВК в 1933

Территориальные единицы	Всего		Из общего числа							
			русских		корейцев		китайцев		народов севера	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1. Приморская область	42500	100	30450	71,6	9000	21,2	3050	7,2	-	0,0
2. Амурская область	27000	100	25200	93,3	300	1,2	1300	4,8	200	0,7
3. Сахалинская область	4250	100	3300	77,6	250	5,9	300	7,1	400	9,4
4. Камчатская область	3000	100	3000	100	-	0,0	-	0,0	-	0,0
5. Николаевск на Амуре	2850	100	1650	57,9	150	5,3	50	1,7	1000	35,1
6. Охотско-эвенский округ	2000	100	500	25,0	-	0,0	-	0,0	1500	75,0
7. Чукотский округ	1400	100	200	14,3	-	0,0	-	0,0	1200	85,7
8. Корякский округ	1700	100	200	11,8	-	0,0	-	0,0	1500	88,2
9. Хабаровский округ	5050	100	4000	79,2	750	14,8	300	6,0	-	0,0
10. Комсомольский район	3500	100	1400	40,0	400	11,4	-	0,0	1700	48,6
11. Биробиджанский район	4300	100	3500	81,4	300	7,0	-	0,0	500	11,6
12. Пригородный район	2550	100	1700	66,6	850	33,4	-	0,0	-	0,0
Всего	100100	100	75100	75,0	12000	12,0	5000	5,0	8000	8,0

Примечание: Таблица составлена на основе источника: ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 137. Л. 119 – 120.

Таблица 17

Развитие системы среднего образования в ДВК в 1934 – 1937 гг.

Годы	Количество школ				Количество учащихся (в тыс. чел.)			
	Начальное	Неполное среднее	Среднее	Всего	1-4 классы	5-7 классы	8-10 классы	всего
1934 – 1935	1970	370	62	2402	228,6	60,7	3,6	292,9
1935 – 1936	1998	409	87	2484	245,4	74,6	5,8	325,8
1936 – 1937	1998	423	120	2531	261,2	81,6	8,2	351,0

Примечание: Таблица приведена по: ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 11. Д. 2. Л. 90.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
<i>Глава I. ПРОВЕДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1920-е ГОДЫ</i>	10
§ 1. Социально-экономическая и политическая ситуация на Дальнем Востоке в 1922 – 1923 гг.	10
§ 2. Социальные мероприятия в 1922-1927 гг.	24
§ 3. Социальная дифференциация населения Дальнего Востока в 1922-1927 гг.	73
<i>Глава 2. ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ 1920-х – В 1930-е ГОДЫ</i>	87
§ 1. Социальная политика в годы первой пятилетки	87
§ 2. Особенности социальной политики в 1933-1937 гг.	115
§ 3. Специфика социального развития Дальнего Востока в предвоенные годы	138
Заключение	155
Библиография	160
Список сокращений	173
Приложение	174

CONTENTS

Introduction	5
<i>Chapter I. REALIZATION OF THE SOCIAL POLICY ON THE FAR EAST IN 1920 YEARS</i>	10
§ 1. Social and economic development and political conditions on the Far East in 1922 - 1923	10
§ 2. The decisions of social problems in 1922-1927	24
§ 3. The social stratification on the Far East in 1922-1927	73
<i>Chapter II. FEATURES OF SOCIAL POLICY ON THE FAR EAST (LATE 20-30-S)</i>	87
§ 1. The social policy in 1928 - 1932	87
§ 2. Features of the social policy in 1933-1937	115
§ 3. Social development of the Far East before military years	138
Conclusion	155
References	160
Glossary	173
Supplement	174